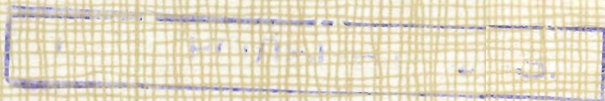

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

1
1982

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

ЯНВАРЬ—ФЕВРАЛЬ

1

1982

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Виноградов В. Н.</i> Восточный вопрос и англо-русские отношения в 30-е годы XIX века	3
<i>Пириджкулов Ш. Д.</i> К вопросу о политико-воспитательной работе Союза польских патриотов в СССР в республиках Средней Азии и Казахстана (1943—1946).	17
<i>Хотькова Е. С.</i> Из истории борьбы за идейное и организационное единство чехословацкого молодежного движения (1939—1945).	23
<i>Романенко С. А.</i> Формирование мировоззрения и политическая деятельность братьев А. и С. Радищевых (1887—1900)	36
<i>Флоря Б. Н.</i> Русское посольство в Стамбуле в 1613 г. и Речь Посполитая	46
<i>Былинин В. К.</i> К проблеме поэтики славянского барокко. «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого	54
<i>Черлинка Г.</i> Петербургский период творчества Антония Олещиньского (из истории польско-русских художественных связей первой половины XIX в.)	66
<i>Волоцкая З. М.</i> Некоторые замечания о структуре славянских загадок (на материале болгарских и польских загадок)	80
<i>Римша В.</i> Балтийские и палеобалканские соответствия некоторых названий рек Правобережной Украины	90

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

<i>Пашаева Н. М.</i> Славянская библиотека О. М. Бодянского	94
---	----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Станиславская А. М.</i> И. С. Достян. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов	104
<i>Полевой Л. Л.</i> Общество и государство на Балканах в средние века. Межвузовский тематический сборник	106
<i>Горский И. Д.</i> Дюришин. Теория сравнительного изучения литературы	107

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Венедиктов Г.</i> Первый Международный съезд по балгаристике	109
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), Л. Б. ВАЛЁВ, В. А. ДЬЯКОВ,
В. В. ЗЕЛЕНИН (зам. главного редактора), В. И. ЗЛЫДНЕВ, В. Г. КАРАСЕВ,
В. Д. КОРОЛЮК, Д. Ф. МАРКОВ, А. И. НЕДОРЕЗОВ, С. В. НИКОЛЬСКИЙ,
Ю. А. ПИСАРЕВ, Л. Н. СМИРНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора),
Я. В. ШМЕРАЛЬ

Адрес редакции: 121069, Москва, Г-69, Трубниковский пер., д. 30а.
Телефон 290-27-40

Зав. редакцией *Е. В. Пономарёва*

ВИНОГРАДОВ В. Н.

ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС И АНГЛО-РУССКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 30-Е ГОДЫ XIX века

По насыщенности событиями и драматизму восточный вопрос в 30-е годы XIX в. мало уступает кризисам двадцатых, пятидесятых и семидесятых годов — достаточно вспомнить две турецко-египетские войны, поставившие на ноги всю европейскую дипломатию. После Ункяр-Искелесийского договора 1833 г., ознаменовавшего высшую точку российского влияния в Константинополе, англо-русская борьба вокруг Балкан и Ближнего Востока ожесточилась. Царизм, взявший курс на прямое политическое преобладание, закрепленное в договорах с Османской империей, не выдержал напора британской дипломатии, опиравшейся на безбрежные тогда экономические и финансовые ресурсы, морскую мощь, идеологический потенциал, под воздействием которого находилось турецкое реформационное движение. В тридцатые же годы британское правительство предприняло первые попытки, еще плохо подготовленные и окончившиеся неудачей, проникнуть на балканскую периферию османского государства — в Сербию. Но в целом в ходе длившейся десятилетиями англо-русской дуэли за преобладание в Юго-Восточной Европе и в Турции Великобритания именно в это время стала теснить противника; именно тогда были посеяны зерна конфликта, давшие кровавые всходы в Крымской войне.

В советской историографии эти процессы отражены интересно, полномерно с точки зрения источниковедческой, но тематически и хронологически — фрагментарно [1—3]. Исследована турецкая политика маневрирования между Россией и Англией [4], однако целостная картина эволюции англо-русских отношений в 30-е годы XIX в. в их важнейшем балкано-ближневосточном звене отсутствует. Британская наука представлена именами корифеев буржуазной историографии — Ч. Вебстера, Г. Темперлея, Р. В. Ситон-Уотсона — и целой плеяды исследователей. При всей разноценности трудов их авторов объединяет приверженность к «оборонительному варианту»: акции сменявших друг друга правительств либералов и консерваторов истолковываются как направленные на сохранение в целостности и неприкосновенности Османской империи. При этом забывается, что в ходе «обороны» от «хищного и агрессивного» царизма Турция превратилась почти что в лондонскую вотчину, потеряв многие признаки суверенного государства; что британские товары волной хлынули в османские пределы; что к концу тридцатых годов британский посол лорд Джон Понсонби «доминировал в султанском совете» [5, р. 39], а в пятидесятые — турецкие сановники не знали, у кого же получать указания — то ли у повелителя правоверных, то ли в британском посольстве в Терапии под Константинополем.

Ситуацию на крайнем Юго-Востоке Европы в исследуемый период нельзя анализировать без учета резкой поляризации сил великих держав, которую повлекли за собой революции 1830 г.

Известна первая реакция Николая I на сообщения об июльском восстании в Париже: он вознамерился порвать с «узурпаторами» дипломатические отношения и снарядил к «друзьям», в Вену и Берлин, эмиссаров с целью разведать возможность совместного вмешательства. Охотников седлать коней и пускаться в крестовый поход к берегам Сены ни в Пруссии, ни в Австрии не обнаружилось, да и сам Николай Павлович, поостыв, оставил мысли не только об интервенции, но даже о разрыве с Луи Филиппом Орлеанским. «Я его признаю, — жаловался царь австрийскому послу К. Фикельмону, — потому что это считают необходимым, но в сердце моем он навсегда останется узурпатором».

Габсбургская дипломатия торжествовала: «Тройственный союз¹ оказался ящиком Пандоры, откуда на Россию обрушились чума и холера», — писал тот же Фикельмон [6, S. 9]. Отношения с орлеанским правительством были безнадежно испорчены и произошло сближение с Веной. К великой радости последней царь собственными руками принялся восстанавливать разрушенное здание Священного союза. Русская дипломатия, еще недавно успешно избегавшая ловушек канцлера Меттерниха, ярого защитника статус-кво во всей Европе, в ее юго-восточной части в особенности, теперь словно бы ослепла и заверяла всех и всякого в прочности и неизблемости дружбы консервативных дворов. Воистину, классовая слепота — самая безысходная, а именно ее демонстрировали царские сановники. На практике австро-русская «интимность», как ее именует австрийская историография, означала установление если не контроля, то надзора Вены за всеми действиями партнера в восточном вопросе, близко к сердцу принимаемом габсбургским правительством.

Нельзя, конечно, говорить, что «русский медведь» покорно впрягся в австрийскую повозку и потащил ее в указанном Меттернихом направлении. У канцлера хватало пронизательности, чтобы идти на известные уступки Петербургу. В последующие годы он отказался от открытого противодействия русским действиям на Балканах и даже, в дипломатическом плане, помогал смягчить острые противоречия с Англией и Францией, возникшие в 1833 г. и позже, за что получал упреки в прислужничестве Петербургу. Российский министр иностранных дел К. В. Нессельроде пел дифирамбы австрийской лояльности [7, ф. Отчеты, 1833, д. 3, л. 32]. А Меттерних в доверительных беседах объяснял подоплеку «сердечности» в отношениях с Россией: «Сегодня я иду с нею потому, что она идет со мной» [6, S. 117]. Поддержка оказывалась курсу царизма, направленному на сохранение Османской империи, при условии отказа от помощи, хотя бы косвенной, освободительному движению на Балканах. В этих рамках царь Николай изредка высказывал свою убежденность в том, что Османская империя развалится сама по себе, без всяких внешних посягательств; Вена принимала к сведению эти откровения, соглашалась рассмотреть возможные последствия развала и обсудить план действий, — что было зафиксировано в сентябре 1833 г. в мюнхенгрецком протоколе. В то же время австрийская сторона принимала все меры для того, чтобы продлить жизнь Турции в существовавших границах и активно поддерживала британскую политику статус-кво в Юго-Восточной Европе.

Канцлер К. Меттерних надеялся на богатые плоды сотрудничества с царизмом прежде всего в уязвимом месте габсбургской монархии, в Центральной Европе, где он боролся с движением за объединение Германии и Италии, утверждая в первой австрийское преобладание, а во второй — владычество. И он не ошибся. Задачи «нового курса» Николая I сводились, как писал К. В. Нессельроде, к «поддержанию власти повсюду, где она существует, укреплению ее там, где она ослабла, и защите ее там, где она подвергается открытому нападению» [7, ф. Канцелярия, 1833, д. 121, л. 47—48. К. В. Нессельроде — Х. Ливену 25.I (6.II) 1833]. По словам австрийского историка Э. Молдена, «суровые испытания 1830 г.» побудили «перепуганную Россию» (понимай — ее двор) оказать всемерную под-

¹ Подразумевался союзный договор между Россией, Англией и Францией, заключенный в июле 1827 г. с целью помощи в освобождении Греции.

держку Вене; Россия отказалась от «самовольной» политики на Востоке, той, что приводила, по красноречивой оценке ученого, «в оцепенение всю Европу» [6, S. IV—V], и кульминацией которой явилась русско-турецкая война 1828—1829 гг. Зимний дворец утвердился в правильности политики сохранения «слабого соседа», поддержания османских владений в Европе, принятой после Адрианопольского мира.

Еще летом 1830 г. Меттерних воспользовался пребыванием Нессельроде в Карлсбаде (Карловых Варах), чтобы поговорить с ним. «Граф Нессельроде, — писал австриец, — пребывал в страхе и боялся встречи со мной» [6, S. 5] (российский министр знал о крайне резких отзывах Николая I об интригах Меттерниха во время русско-турецкой войны). Пугая нависшей со всех сторон опасностью революции, Меттерних, по его словам, «выиграл битву». Но самым убедительным аргументом в пользу сближения с Веной в глазах петербургских реакционеров явилось восстание в Париже. Еще до того, как Нессельроде покинул «карлсбадские воды», стороны договорились не допускать вмешательства французского правительства «в материальные интересы Европы, как они существуют и утверждены общими актами, а также посягательств на внутренний мир государств, в нее входящих»². Это была попытка восстановить Священный союз, рухнувший на балканском пороге.

Польское восстание довершило сближение двух дворов. Шеф жандармов А. Х. Бенкендорф, выражая настроения знати, покаялся Фикельмону в допущенных прежде внешнеполитических просчетах: «Мы все получили урок, и понимаем ныне, что лишь сотрудничество с вами может нас спасти». Так, по словам консервативного историка Э. Молдена, «два кабинета неожиданно оказались в дружбе и доверии» [6, S. 7].

Страх перед революцией затуманил умы российских сановников и самого царя в такой степени, что лишил их способности здраво мыслить и трезво рассуждать. Существуют документы (в том числе относящиеся к нашей теме), в которых истина представлена в столь кривом зеркале, что хочется воскликнуть: это невероятно! Один из них — предписание Николая I послу в Лондоне Х. А. Ливену от 26 мая (7 июня) 1832 г. в связи с проведением в Англии избирательной реформы. Напомним, что суть ее состояла в уничтожении так называемых «гнилых местечек», сохранившихся со времен средневековья избирательных округов, центры которых обезлюдели и пришли в полное запустение, и предоставление права посылать депутатов в парламент возникшим в ходе промышленной революции крупным городам. Таким путем индустриальная буржуазия Великобритании была допущена к участию в управлении государством, которое ранее безраздельно осуществляли лэндлорды. Реформу никак нельзя было назвать демократической — попрежнему 95 процентов населения Соединенного королевства было отстранено от голосования. В косных умах российских реакционеров эта компромиссная мера представлялась пугающе революционной. Император Николай, говорилось в упомянутой депеше, со дня на день ожидает в Великобритании взрыва и опасается, что «король подвергнется участи несчастного Карла X». В таком случае посол должен был отправиться во дворец, «вцепиться, так сказать» (!), в монарха и не покидать его до получения дальнейших распоряжений [7, ф. Канцелярия, 1832, д. 149, л. 6].

Каким путем престарелый князь Х. А. Ливен, давно отошедший от военной службы и десятки лет прошедший в дипломатических канцеляриях и светских салонах, должен был охранять особу короля Вильгельма IV, в прошлом — бывалого моряка, в депеше не упоминалось. А жаль!

Помимо этого курьезного, но характерного послания, оставшегося, разумеется, без последствий, существует другой документ, несравненно более важный, выражавший взгляды непосредственных исполнителей царских предписаний — «Записка о внутреннем положении и внешней политике Англии»³. Дело в том, что Николай I для ведения переговоров по

² Помета Меттерниха на письме Нессельроде от 6 августа 1833 г. (н. ст.) [6, S. 119].

³ «Observation sur la situation intérieure et la politique extérieure de l'Angleterre» [7, ф. Канцелярия, 1833, д. 117, л. 225—273].

греческому вопросу направил в Лондон в помощь Ливену графа А. Матушевича. В канун нового 1833 г. туда же прибыл и занимавший пост посла в Париже К. О. Поццо ди Борго. Эта странная тройца — прибалтийский немец, поляк и корсиканец — должна была, по мысли царя, совокупно представлять и защищать российские интересы и улаживать разногласия с Англией.

Не будем останавливаться подробно на оценке в записке умеренно-либеральной реформы 1832 г. как «революции», хотя и осуществляемой «легислативными мерами, без слишком серьезных народных волнений», на стенаниях ее авторов по поводу упадка влияния аристократии: «...палата пэров...потеряла почти полностью свои функции, которые сдерживали прыжки демократии» [7, ф. Канцелярия, 1833, д. 117, л. 231, 233]. Анализ внешней политики Великобритании представляет своего рода перл: в «Записке» все поставлено с ног на голову. Пронизанные практицизмом руководители ее представлены в виде ослепших, потерявших ощущение реальности демагогов, не имеющих иных целей, кроме как следовать «своим абстрактным идеям и чувству ненависти» [7, ф. Канцелярия, 1833, д. 117, л. 267]. Министры, мрачно предрекали Ливен, Матушевич и Поццо ди Борго, не справятся с потоком, который они же открыли, проведя реформу, залогом чего является «их робость и низкопоклонство перед общественностью» [7, ф. Канцелярия, 1833, д. 117, л. 266].

В тридцатые годы XIX в. британские государственные мужи упорно и в общем успешно боролись за то, чтобы Франция плыла в русле их политики. Авторы записки, явно под влиянием Поццо ди Борго, ненавидевшего короля Луи Филиппа, принявшего скипетр из рук «бунтовщиков», выворачивали правду наизнанку и обманывали сами себя, характеризуя внешнюю политику Англии не только как революционную и доктринерскую, но и даже как «абсурдную и антианглийскую», — за то, что она будто бы приводила к усилению Франции и революционного движения [7, ф. Канцелярия, 1833, д. 117, л. 249]. Особенно показателен 12-й пункт сочинения собравшейся в Лондоне тройцы, в котором выражалось опасение, «что Англия может отказаться в пользу Франции от своих самых очевидных интересов за рубежом и поставить под угрозу собственную безопасность...» [7, ф. Канцелярия, 1833, д. 117, л. 268].

На сентябрьской встрече 1833 г. в Мюнхергрее (ныне — Мнихово Градиште в Чехословакии) Николай I, австрийский кайзер Франц и прусский король Фридрих-Вильгельм III договорились о взаимопомощи в борьбе с «мятежными движениями». Они предприняли политически бестактный и практически бесполезный шаг — направили в Париж «дружеский» совет о противодействии революционной пропаганде [7, ф. Канцелярия, 1833, д. 121, л. 326]. Ничего существенно антифранцузского дворы учинить не смогли. Зато они добились крутого крена французской политики в сторону Великобритании, хотя этому сближению мешало многое: парижские экспансионисты зарились на бельгийские земли — благо границы нового государства еще определялись и уточнялись; Лондон с подозрением отнесся к французскому вторжению в Алжир и покровительству египетскому паше Мехмеду-Али. Но центростремительные силы возобладали, и в начале 30-х годов Тюильри и Сен-Джеймский кабинет пришли к «сердечному согласию», первой в истории Антанте. Послом Луи Филиппа в Лондон отправился опытейший из европейских дипломатов, престарелый князь Шарль Талейран-Перигор; в его лице русские представители обрели умелого и изворотливого противника.

Те же обстоятельства помогли виконту Дж. Пальмерстону, занявшему пост министра иностранных дел в кабинете Ч. Грея (ноябрь 1830 г.), утвердиться на позиции защитника конституционных и либеральных свобод иборника невмешательства во внутренние дела других народов. Этот выдающийся представитель политического фарисейства, по словам Карла Маркса, «перенял по наследству от Каннинга доктрину о миссии Англии распространять конституционализм на континенте, и потому у него никогда не бывает недостатка в поводах для того, чтобы возбуждать национальные предрассудки и противодействовать революции в других

странах, поддерживая в то же время ревнивую подозрительность иностранных держав» [8, т. 9, с. 361]. В течение тридцати лет борьба за преобладание в Европе, на Ближнем Востоке, за округление лет владений короны и обеспечение имперских морских путей шла под аккомпанемент пальмерстоновского красноречия. По прочно усвоенной привычке Пальмерстон витийствовал даже перед царскими дипломатами: «...Народы ныне испытывают непреодолимую потребность прогрессивного улучшения своей судьбы и своих институтов» [7, ф. Канцелярия, 1833, д. 117, л. 220. X. А. Ливен — К. В. Нессельроде 24.II (8.III) 1833]. О том, что войска обаятельных заботой о «прогрессивном улучшении» судьбы народов правителей Франции загоняли в то время алжирцев в пещеры и душили их дымом, а британские войска подавляли выступления в Ирландии, Пальмерстон скромно умалчивал.

Поверхностная революция 1830 г. во Франции привела британского министра в восторг. Сквозь призму своих либеральных воззрений он сравнивал ее с великой революцией XVIII в. и находил ее превосходной, главное — по причине «мудрости и умеренности в час торжества. Кто из помнящих эксцессы, неистовства, ужасы и безумия 1792 и 1793 годов мог бы подумать, что нация маньяков и убийц в столь короткий срок превратится в героев и философов?» [5, р. 80]. Наконец, самое важное: новый французский монарх, Луи Филипп Орлеанский, именовавший себя «королем-буржуа» и не подозревавший, что возглавляет «героев и философов», на всех парусах поплыл к сотрудничеству с Великобританией, подгоняемый холодными ветрами, дувшими из Петербурга. Конечно, англо-французские противоречия во многих точках земного шара, включая Средиземноморье, не исчезли от речей о возникшем «сердечном согласии» подобно стенам мифического Иерихона от трубного звука; но обе стороны проявляли стремление приглушить их и достигнуть договоренности, причем обстоятельство заставляли Францию идти навстречу союзнику-сопернику дальше.

30-е годы застали британский кабинет в хлопотах по утверждению своего влияния в Бельгии, Испании, Португалии. Но Средиземного моря он не забывал. Видный исследователь истории международных экономических отношений Вернон Пюриер пишет: «Нигде Ближний Восток не соприкасается непосредственно с открытым океаном». Сильнейшая морская держава в мирное время держала под наблюдением, а в военное — могла быстро перекрыть пути к океану из гигантского региона, раскинувшегося в Европе, Азии и Африке. Британия «контролировала конечные выходы России к мировым морям»; и тут Пюриер употребляет редко встречающуюся формулу о «британской угрозе» России в XIX в. [9, р. 5—6].

Над этим тезисом стоит задуматься. По сути дела, под аккомпанемент деклараций о «русской опасности», нависшей над британскими интересами (а антирусская пропаганда достигала такой степени, что Г. Темперлей писал о «лае парламентской своры») [10, р. 78], велась широкая политическая, экономическая, а при возможности и военная экспансия английского капитала. В своей мировой политике Уайт-холл опирался прежде всего на морскую мощь. Не вдаваясь здесь в генезис доктрины о роли флота в политике, можно согласиться с высказываниями Дж. Клейтона о Пальмерстоне как одном из ее выразителей и исполнителей: «Морское могущество позволяло Великобритании играть роль арбитра Европы. «Господство в Средиземноморье обеспечивало ей преобладающее положение в Европе; контроль над путями в Индию позволял доминировать если не в мире, то по крайней мере в Индийском и Тихом океанах» [11, р. 70].

Средиземноморские пути (Пальмерстон именовал их «авеню») упирались в османские владения. Один далее следовал по Суэцкому перешейку к Красному морю; другой пролегал по Малой Азии и долине Евфрата, затем шел вниз по реке к Индийскому океану. Второй был короче, и Пальмерстон отдавал ему предпочтение. Он подумывал о строительстве железной дороги Багдад—Басра. Мысль о прорытии канала через Суэцкий перешеек министр отвергал, полагая это технически невозможным и политически неоправданным, опасаясь, как бы Суэц не превратился во

второй Босфор [12, р. 66]. Это не значит, что дорогой по Египту пренебрегали. Ост-Индская компания наладила парходное сообщение от Суэца к Бомбею. Под предлогом борьбы с пиратством в Красном море и в Персидском заливе и помех, которые местные властители, номинально подчиненные Порте, чинили судоходству, компания «осваивала» берега. В 1837 г. был захвачен Аден. При этом никому в голову не пришло спрашивать санкцию Стамбула на отторжение его владений. В 1825 г. парламент отменил монополию Левантийской компании на коммерцию в Восточном Средиземноморье, предоставленную еще в 1581 г. Это был символический акт: могущественнейшее государство тогдашнего мира брало на себя непосредственную заботу об интересах класса капиталистов.

Османские пределы традиционно трактуются в англо-американской историографии как «аванпост обороны Индии»: «стратегические и географические интересы Великобритании» на Ближнем и Среднем Востоке ассоциировались с необходимостью защиты подступов к Индии, «сокровищу империи» [9, р. 4]. По существу же аванпост использовался, особенно после 1833 г., как плацдарм для наступления. Весь арсенал ресурсов внешней политики государства, который знает теория международных отношений: экономическое, военное (в данном случае — военно-морское), идеологическое, культурное и научное влияние, — был сконцентрирован для вытеснения России с Балкан, Ближнего и даже Среднего Востока. Флот его величества сосредотачивается в восточной части Средиземного моря; британские лазутчики с дипломатическими паспортами или без оных проникают в громадный регион от Белграда до Бухары; товары с клеймом «Made in England» потоком устремляются на Восток; торговый договор 1838 г. нависает тенью над турецким ремеслом (о фабричной промышленности в тот период можно говорить условно).

С точки зрения чисто коммерческой, перевалка грузов с судов на сушу и потом еще раз на парусники не являлась оптимальным вариантом. Основной поток товаров в Индию и обратно шел открытым океаном вокруг мыса Доброй Надежды. Но что османские владения лежали на своеобразной стратегической, полигической и экономической оси, соединявшей Лондон и Бомбей, — несомненно, как и то, что «транзитные рынки» Балкан и Ближнего Востока представляли лакомый кусок для Сити (см. табл.)

Торговый оборот Великобритании с Османской империей (млн ф. ст.) [12, р. 70].

Таблица

Годы	Экспорт	Импорт	Баланс
1825	56,3	44,2	плюс 12,1
1830	69,7	46,3	» 23,4
1835	91,1	49,0	» 42,1
1840	116,5	67,5	» 48,0
1845	150,9	85,3	» 65,6
1850	197,3	100,5	» 96,8

Почти четырехкратный рост вывоза за четверть века — солидное увеличение. В отдельные годы (1844, 1847) османская доля в общем британском экспорте превышала 5 процентов, а в 1848 г. — даже семь [13, с. 93—94]. А ведь каждый процент «весил» десятки миллионов фунтов. Ссылка Ф. Бейли на «экономическую подоплеку» британской политики представляется вполне обоснованной [12, р. IV]. Можно согласиться и с мнением Г. Темперлея: «Восточная политика Пальмерстона основывалась на морской силе и становилась скорее средиземноморской, чем турецкой» [10, р. 61]. Понятие безопасности путей трактовалось чрезвычайно вольно; в качестве баз захватывались последовательно Гибралтар, Мальта, а в 70-е годы XIX в. — Кипр. В идеале Лондон хотел бы превратить Средиземноморье «в море клаузум» для себя; но, поскольку изгнать с его берегов Францию, Австрию и Турцию было невозможно, на практике Уайт-холл

«ограничивался» требованием преобладания. Османская империя представлялась идеальным хранителем ключей от Черноморских проливов и барьером против наступления России. Ей предназначалась роль своего рода блюстителя английских интересов в средоточии важнейших торговых и стратегических коммуникаций: «Установление (с помощью добрых отношений с Турцией) контроля Британии над Проливами, подобно тому, как она... подружилась с бельгийцами, чтобы контролировать бельгийское побережье, означало полное отстранение России» [11, р. 72].

Существовала, однако, боязнь, как бы Османская империя часом не испустила дух. Дж. Клейтон пишет об этих опасениях: «...Британия никак не могла решить, жива ли еще Турция, или уже мертва?» [11, р. 69]. Обуревавшие Лондон чувства Пальмерстон выразил в одной фразе: «Факт состоит в том, что Турция быстро разваливается на куски» [5, р. 82]. Острый на язык министр не щадил турок в частной переписке: эти «мустафы не имеют представления о торговле, если не считать ревеня, инжира и красных шлепанцев». «Какой энергии можно ожидать от нации, которая не догадалась приделать каблуки к обуви?» [14, р. 86].

Не раз на протяжении 20-х и в начале 30-х годов возникала мысль о замене одряхлевшей державы османов другой государственной комбинацией, более надежной как опора. Отсюда — зигзаги, колебания, непоследовательность и противоречия в действиях кабинета. Один из лидеров консерваторов, сэр Роберт Пиль, оправдывая пассивность правительства во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг., говорил: «Разве мы обязаны, уподобляясь Дон Кихоту, по любому поводу бросаться в драку?» [10, р. 54]. В феврале 1830 г., выступая в палате общин, Пальмерстон произносил речи, совсем не свойственные ему в позднейшее время: «Я возражаю против превращения неприкосновенности турецких владений в Европе в объект, существенно необходимый для интересов христианской и цивилизованной Европы» [15, р. 132].

Когда в 1832—1833 гг. возникла реальная угроза падения султанской власти в связи с выступлением могущественного паши Египта, лондонские политики заколебались: а не сменить ли на Ближнем Востоке клиента? Не взять ли «под свою руку» выдвинувшегося египтянина?

Однако по здравом размышлении эти планы были отброшены. У Египта уже имелся свой патрон в лице французского правительства, давнишнего британского соперника на Средиземном море. Образования сильного и по-настоящему самостоятельного государства на развалинах Турецкой империи Великобритания не хотела. Пугали и другие возможные последствия смены династии в Стамбуле. Выскочка Мехмед-Али не имел того ореола в глазах исламского населения, который был у потомков Османа. Султан считался духовным владыкой (падишахом) всех мусульман (включая индийских), и владыкой, с точки зрения Лондона, покладистым. Как отнесется к его низвержению исламский мир? Наконец, признавая задатки крупного государственного деятеля у Мехмеда-Али, его сына и вероятного преемника Ибрагима считали способным солдатом, но не более. Выдвигался самый грозный и непредсказуемый по своим последствиям вопрос: а не воспользуется ли катаклизмами, связанными со столь крупными переменами, Россия для того, чтобы твердо стать в Проливах и на морских путях?

Эти колебания проявились ощутимее всего во время турецко-египетского конфликта 1832—1833 гг.; они вызвали серию промахов британской дипломатии и завершились ее оглушительным провалом и взлетом российского влияния в Константинополе, о чем сказано ниже. Урока в Лондоне никогда не забывали. Великобритания бросила на борьбу против России всю свою экономическую, политическую, морскую, а в годы Крымской войны и военную мощь. Явное покровительство, которое Франция оказывала Египту, отшатывало от нее турецких реформаторов. Великобритания оставалась для них единственным центром притяжения. Официальная британская политика выступала поэтому в двух ипостасях: статус-кво Османской империи и преобразование ее посредством экономического, социального, политического и культурного прогресса. Вторая

часть доктрины проявлялась, правда, в сугубо утилитарной форме: укрепление и европеизация турецких вооруженных сил (а заодно — и внедрения в них британских офицеров высокого ранга), для чего необходимой предпосылкой являлось преодоление пронизывающего турецкую жизнь восточного застоя.

В июле 1833 г. Пальмерстон, уже в ранге министра, утверждал совершенно противоположное тому, что говорил за два года до этого: «Я не поколеблюсь сказать, сколь велико значение для интересов Англии и для поддержания мира в Европе сохранение в качестве независимого государства территорий и провинций, составляющих Оттоманскую империю... Если русское завоевание приведет к христианизации и цивилизации обитателей этой страны, эти преимущества — а нет человека, способного оценить их выше, — перевешиваются последствиями, которые повлечет за собой расчленение Турецкой империи...» [15, р. 246].

И все же лишь на первый взгляд британская политика на Балканах претерпела в 1833 г. полную метаморфозу. На самом деле были преодолены некоторые сомнения в выборе государственного образования, на которое можно было опираться на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Европе, и произошла крайняя интенсификация активности⁴. В историографии вполне правомерно утвердилось мнение, что эта политика была протурецкой, а антирусской. Дж. Клейтон выразил его фразой: «Британия стала протурецкой потому, что она была антирусской» [11, р. 72].

На период после 1833 г. приходится оттачивание того курса в восточном вопросе, который в британских трудах именуется пальмерстоновским — вытеснение России с Балкан под флагом сохранения здесь статус-кво. Разработка курса шла не без борьбы, отражавшейся в печати и дипломатической переписке. Противником сопротивления исторически назревшим переменам на юго-востоке Европы выступала такая яркая личность, как теоретик и певец «фритрэда» Ричард Кобден. Его вера в британскую индустрию, флот и финансы была безгранична. Пусть Россия освобождает Балканы; тем самым она создает рынок для английских товаров; не ее находящейся в младенческом состоянии промышленности соперничать с мастерской мира, — такова была аргументация Кобдена. Он не усматривал ущерба британским интересам даже в случае перехода Константинополя к России: «Можно с уверенностью полагать, что, когда Россия покорит турецкую столицу, последствия этого не будут для человечества и цивилизации по меньшей мере неблагоприятными... Султанский сераль превратится в дворец христианского монарха. Сладострастный гарем станет резиденцией христианской императрицы... Интересам Англии, мы полагаем, отвечает подобные перемены... Утверждение, что мы, народ торговый и промышленный, заинтересованы в том, чтобы прекраснейшие уголки Европы коснели в варварстве и невежестве, и что мы извлекаем выгоду из того, что в Турции господствуют бедность, рабство, многоженство и чума — неуклюжий софизм...». Сила Англии — в ее экономике. Пока Потемкин и Суворов расширяли границы России, два «полководца прогресса», Джеймс Уатт и Ричард Аркрайт возвели Великобританию в ранг первой промышленной, торговой и финансовой державы мира. И пусть Россия в ближайшие 30 лет⁵ даже «проглотит» Турцию и Персию, Англия тем временем так далеко зайдет по пути индустриализации, что «соотношение сил и к концу этого периода еще больше склонится в пользу миролюбивого⁶ и трудолюбивого государства». «Тысячи кораблей из Ливерпуля и Гулля» смогут, в случае нужды, «заблокировать Россию в Мраморном море, как они уже сумели запереть ее в Финском заливе, и обеспечить свободу судоходства» [16, S. 36, 37, 41—42, 43].

⁴ Мы не разделяем точки зрения М. Тодоровой, заключающейся в том, что «только в 30-х годах XIX в. доктрина интегритета Османской империи стала основой британской внешней политики как ее решающий принцип» [13, с. 72—73]. На наш взгляд, антирусская позиция британской внешней политики оформилась немедленно после наполеоновских войн, ибо рост могущества России угрожал «балансу сил» в Европе.

⁵ Книгу «Россия» Р. Кобден опубликовал в 1836 г.

⁶ Р. Кобден считал колониальные захваты излишними.

Кобден возмущался лицемерием разоблачения «захватов» России со стороны тех, кто осуществлял широчайшую колониальную программу: «в вопросах права на экспансию не должно существовать одного закона для Англии, а другого — для всего прочего мира» [17, р. 212].

Но, хотя доводы Кобдена опирались на логику, его голос звучал одиноко⁷. Британская буржуазия, делая ставку на свободу торговли, не отказывалась от других, опиравшихся на военную силу и дипломатическое искусство методов обеспечения своих интересов. Призыв к охране имперских путей в Индию встречал живейший отклик в Сити, тем более, что для этого, как объясняли теоретики и политики, следовало поставить под британский контроль обширный территориальный и экономический регион.

Барабанщиками экспансионизма (под флагом пресловутой «обороны») выступали в тридцатые годы в публицистике Д. Уркарт, а в дипломатии — посол в Стамбуле в 1833—1839 гг. лорд Дж. Понсонби.

Д. Уркарт — путешественник, журналист, экономист, разведчик, одно время дипломат, — в 1833 г., после поездки в Османскую империю, издал книгу «Турция и ее ресурсы» [18], в которой говорилось о богатых перспективах, открывавшихся перед британской торговлей в султанских владениях. Его размышления пришлись ко двору: как раз в это время происходил британский экспортный бум в Турцию. Возникла мысль о привлечении Уркарта на работу в посольство в Константинополе. Герцог А. Веллингтон, министр иностранных дел кратковременного (1835) кабинета Р. Пиля, отверг эту идею, не усмотрев у кандидата таких полезных для службы в Форин оффис качеств, как уравновешенность и здравый смысл [9, р. 26]. Уркарт приступил тогда к изданию журнала «Портфолио», в котором публиковал тенденциозно подобранные русские дипломатические материалы с соответствующими комментариями. В средствах новоявленный издатель не стеснялся: наряду с документами, захваченными в архивах великого князя Константина во время польского восстания 1830 г., в «Портфолио» помещались выкраденные разными способами из посольств и миссий письма и депеши [9, р. 27]. Попадались среди них и фальшивки. Принцип отбора был один — они должны были свидетельствовать об агрессивности России. Почетное место в «Портфолио» заняла корреспонденция русского посла в Париже К. О. Пюццо ди Борго, сторонника сокрушения Османской империи. Его точка зрения была отвергнута в Петербурге, но «подхвачена» Уркартом. Выдавая частное мнение того или иного дипломата и чиновника за официальный курс российского министерства иностранных дел, он фальсифицировал позицию последнего. «Наиболее трезвые и эрудированные» британские журналы не поддались на панические призывы Уркарта «к обороне». Однако падкая на сенсацию публика воспринимала писания Уркарта с интересом, и они, по свидетельству британского историка, способствовали распространению «дипломатической сказочки», в которой «Россия представлялась волком, а Турция — овечкой» [10, р. 78].

Вернувшийся в 1836 г. в Форин оффис Пальмерстон решил отправить Уркарта в Стамбул на подкрепление другому известному русофобу — послу лорду Дж. Понсонби. Ту миссию, которую Уркарт выполнял в печати — крайнего обострения англо-русских отношений, — Понсонби осуществлял в политических сферах. Даже премьер-министр либеральной правительства граф Мелборн жаловался на его «нелепую русофобию» [10, р. 75]. Понсонби прибыл в Константинополь весной 1833 г. во время знаменитой Ункяр-Искелессийской операции русской армии и флота. В течение трех месяцев он созерцал в бессильной ярости из окна посольского здания суда под андреевским флагом на Босфоре. И это впечатление, по словам Темперлея, не покидало лорда всю жизнь. Он ратовал за политику на острие ножа, за посылку британского флота в Черное море, что должно было почти неминуемо привести к войне с Россией.

⁷ Из видных политических деятелей умеренной и примирительной позиции придерживался лорд Дж. Дарем.

Постепенно Понсонби приобрел репутацию опасного провокатора. Его французский коллега, адмирал Руссен, сам — представитель воинствующего антирусского курса, всерьез опасался, как бы усилиями Понсонби не вспыхнул европейский конфликт. Порта одно время вынашивала мысль попросить Уайт-холл отозвать из Константинополя этого поджигателя в дипломатическом мундире, однако не дерзнула [13, с. 109]. Форин оффис порой приходилось сдерживать своего чересчур прыткого, несмотря на преклонные лета, представителя. Но та же ненависть к России побуждала Понсонби действовать с крайней энергией и в целом успешно бороться за утверждение британского и подрыв российского влияния в Османской империи.

В Константинополе Уркарт, отличавшийся анархическими замашками и неспособный к усидчивой канцелярской работе, не ужился с властным послом; он был отозван в Лондон и возобновил издание «Портфолио». На сей раз он принялся отыскивать влиятельных британцев, подозреваемых в том, что они продались или по иным причинам переметнулись на сторону России. В их числе был назван не кто иной как статс-секретарь ее величества⁸ по иностранным делам виконт Дж. Пальмерстон... Обычно сдержанный в выражениях сэр Ч. Вебстер писал об «экстравагантном поведении полусумасшедшего Дэвида Уркарта» [5, в. 2, р. 565], и о беспокойстве, которое он доставил министерству иностранных дел.

Но это — одна сторона медали. Другая же заключалась в том, что печатавшиеся в «Портфолио» материалы способствовали распространению среди английской общественности русофобства, что вполне соответствовало видам правительства⁹.

Изменение дипломатического климата русские представители почувствовали прежде всего при обсуждении греческого вопроса, не сходявшего с повестки дня уже второе десятилетие. В течение всей войны 1828—1829 гг. им удавалось маневрировать и сохранить, по выражению Х. А. Ливена, видимость англо-франко-русского союза, опираясь при этом на лояльную позицию Парижа и нейтрализуя враждебность Лондона. Теперь ситуация стала иной. Повсюду — в британской столице, в самой Греции, ее прибрежных водах, где крейсировали эскадры трех государств, уполномоченные России наталкивались на сплоченный фронт двух держав.

Политическую битву за влияние в Греции царские сановники проиграли. Положение в этой стране после победы национально-освободительной революции сложилось тяжелое. Хозяйственное разорение осложнялось соперничеством группировок и бонапартистскими наклонностями отдельных вождей восстания. Происходила борьба за власть между представителями крупных землевладельцев и торговой буржуазии, что создавало чрезвычайные благоприятные условия для маневров держав. Консулы России, Англии и Франции в Навплионе ревниво следили за каждым шагом друг друга, поощряли «своих» греков и жаловались в столицы на «интриги» коллег. Лившиеся потоком из Петербурга предостережения против конституционализма, либерализма, «демагогии», или, выражаясь словами Нессельроде, против порядка вещей, «который бы ежеминутно угрожал обратить эту страну в позорище смут, революционных попыток и преступлений» [20, с. 283], чрезвычайно ослабляли так называемую «русскую партию» в Греции и затрудняли положение ее главы, правителя страны, бывшего российского статс-секретаря по иностранным делам И. Каподистрии.

Подрывала его позиции и нерешенность территориального вопроса. Борьба держав вокруг проблемы греческих границ, в ходе которой русская сторона высказывалась за их расширение, а консервативное британское правительство герцога Веллингтона — за крайнее ограничение, завершилась компромиссом: пограничная линия, по решению Лондонской кон-

⁸ В 1837 г. на британский престол вступила королева Виктория.

⁹ Об интенсивности проводившейся в это время обработки британской общественности в духе русофобства свидетельствует книга, появившаяся в Англии в самый разгар «холодной войны» [19].

ференции (март 1829 г.) и статье 10 Адрианопольского договора проходила по линии Волос — Арта, что не могло удовлетворить греков. В дальнейшем под нажимом английской дипломатии совещание послов в Лондоне еще больше урезало пределы нового государства (протокол от 3 февраля 1830 г.). Консулы обратились к Каподистрии с требованием вывести греческие войска из областей, находившихся за проведенной в Лондоне линией. В то же время по Греции поползли инспирированные дипломатами Англии и Франции слухи, что урезывание ее границ — следствие недоверия, которое Каподистрия вызывает у держав. Правитель жаловался: «Какая страна осталась бы в мире и подчинении, если б ей стали непрестанно и внушительным голосом повторять: правительство, которому ты повинешься, перестало существовать, и есть уже другое, долженствующее его заменить...» [20, с. 274].

Маневрируя, Каподистрия «в принципе» признал вынесенный в Лондоне приговор, но выразил недовольство как территориальным размежеванием, так и отстранением греков от участия в обсуждении их собственной судьбы. «Настоятельные требования западных держав сузить границы Греции свидетельствуют об их намерении низвести ее до положения колонии, доступной только для Англии и Франции», — писал правитель К. В. Нессельроде [21, с. 49]. Но бывший коллега Каподистрии по управлению российским министерством иностранных дел не сообщил в ответ ничего утешительного: Россия не может выйти в отношениях с Великобританией и Францией за определенные рамки, разогласия с ними¹ и так уже доходили до грани разрыва, — таков был смысл его депеши. Попытки Каподистрии удержать за Грецией остров Крит не увенчались успехом — летом 1830 г. там высадились египетские войска; потерян был остров Самос; не удалось добиться у Порты согласия на уступку Аттики и Эвбеи в обмен на выкуп [21, с. 48—49].

Пребывание в Мореке экспедиционного корпуса французской армии под командованием ген. Мезона укрепляло положение в Греции «французской партии». Весть об июльском 1830 г. восстании в Париже вдохнула в нее новые силы. В области Майна начались волнения; остров Идра восстал. Там была образована «конституционная комиссия», противопоставившая себя правительству И. Каподистрии [20, с. 281]. Греция стояла на пороге новой гражданской войны. Отчаянные усилия русских представителей в Лондоне, шедших на большие жертвы ради поддержания Каподистрии, вроде бы закончились удачно: конференция послов объявила (октябрь 1831 г.) о незыблемости своего сотрудничества в греческом вопросе, о поддержке временного правительства и оказании ему финансовой помощи [21, с. 51]. Но это было лишь тенью успеха. Британские и французские партнеры вели двойную игру. Консулы протестовали против действий Рикорда и продолжали покровительствовать оппозиции. В начале октября 1831 г. Иоанн Каподистрия пал жертвой покушения, и это еще больше драматизировало положение. Провозглашенный главой исполнительной власти Августин Каподистрия не обладал авторитетом и политическими способностями покойного брата. Народное собрание в Навплионе раскололось; часть депутатов перебралась в Мегару. Их вооруженные сторонники, числом до шести тысяч, во главе с Колетисом, двинулись на временную греческую столицу. «Инсургенты приближались к Навплию в расчете на французов, опираясь на бездействие англичан и пользуясь страхом правительства...» [20, с. 288].

В начале 1832 г. Грецию посетил британский посол в Стамбуле Ч. Стрэтфорд-Каннинг. С министрами признаваемого официально державами правительства он встретиться не пожелал. С русским консулом Рикманом беседовал в резких тонах, прерывал его и не слушал возражений; требование последнего, чтобы «союзные» дипломаты оказали поддержку Августину Каподистрии, пропустил мимо ушей. Консул пожаловался на «неистовый и деспотический характер» посла [7, ф. Канцелярия, 1832, д. 148, л. 72—82, 95. Копии депеш Рикмана от 7(19) II 1832 и 16(28) XII 1831]. В донесениях в Лондон Стрэтфорд в самых мрачных тонах описал царившую в стране анархию. В Петербурге поняли, что в Греции на-

чалось наступление на российское влияние и сочли Стрэтфорда и зачинщиком и исполнителем этого.

Раздоры между консулами в Навплионе (несмотря на клятвенные заверения трех дворов насчет их стремления «замирить» как можно скорее Грецию) создавали благоприятную почву для соперничества различных группировок. Восставшие явились под стены Навплиона; их руководитель Колетис прибыл в город, потребовал передачи ему власти и был принят с распростертыми объятиями французским консулом Ронси, в доме которого даже поселился. А. Каподистрия подал в отставку и перебрался на борт русского военного корабля [7, ф. Канцелярия, 1832, д. 148, л. 198—209, 244—247. Копии депеш Рикмана от 3(15) IV и 7(19) IV 1832]. Нессельроде почти в панических тонах сообщил Ливену о «катастрофе» в Греции и установлении там правительства во главе с Колетисом [7, ф. Канцелярия, 1832, д. 148, л. 196. К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену 14(26) V 1832]. Испытания несчастной страны не кончились: новые власти оказались не в состоянии контролировать собственные войска, «кормившиеся» за счет населения. Дело дошло до того, что отряд румелиотов, недовольных задержкой выплаты жалования, ворвался в зал народного собрания, захватил известных своим богатством депутатов и получил за них выкуп. Бессильное правительство обратилось к ген. Мезону с просьбой ввести в Навплион, Патрас и некоторые другие крепости французские войска [7, ф. Канцелярия, 1832, д. 148, л. 354].

Назначенный еще И. Каподистрией сенат отказался подчиниться распоряжению собрания о роспуске и переправился (на русских судах) в Астры, где заявил об отказе признавать собрание. Вооруженные силы новой оппозиции возглавил герой войны за независимость Т. Колокотронис. Французская армия уже без всякого стеснения вмешивалась в возобновившуюся в Греции гражданскую войну. В начале 1833 г. восемь рот пехоты вытеснили отряды Колокотрониса из Аргоса, учинив там страшное побоище. «...Фактически Франция доминирует здесь, занимая своими войсками большинство укрепленных пунктов в стране и оказывая поддержку людям, в преданность которых верит», — жаловался Нессельроде [7, ф. Канцелярия, 1832, д. 148, л. 491. К. В. Нессельроде — Х. А. Ливену 22 VI (4 VII) 1832].

Он впадал в преувеличение. Не только в Зимнем дворце, но и на Уайтхолле с тревогой наблюдали за тем, как воплощается в жизнь экспансионистская энергия французского капитала. Захват Алжира, укрепление позиций в Тунисе и Марокко, покровительство египетскому паше — все это было вызовом британскому тезису о сохранении Османской империи. А тут еще Балканы... В Лондоне решительно не хотели «подсаживать к власти» в Греции откровенно французских сторонников.

Конференция послов в Лондоне торопилась. В актив ее деятельности следует записать решение о необходимости образования независимого (а не автономного) греческого государства, как условие установления мира в Юго-Восточной Европе и на Средиземноморье [22, протокол № 42]. Она добилась согласия Порты на полное отделение Эллады от османских владений. С падением кабинета Веллингтона и приходом к власти либералов во главе с графом Ч. Греем прекратилась обструкция по территориальным проблемам Греции. Пальмерстон, констатировав, что освобождение Эллады неизбежно, считал полезным приложить к этому делу руку, рассчитывая таким образом упрочить английские позиции в новом государстве. Суть своих воззрений он объяснял так: «...Мы стояли перед выбором — будем ли мы способствовать освобождению Греции вместе с Россией и Францией или позволим России совершить его в одиночку? Я спрашиваю: могли ли мы предоставить России возможность единолично улаживать этот вопрос? Если бы она без всякого содействия вызволила Грецию из-под владычества Турции, не получила бы она право на вечную благодарность греков? И не смогла бы она установить влияние, которое практически превратило бы Грецию в русскую провинцию?»¹⁰.

¹⁰ Речь Пальмерстона в Палате общин в августе 1832 г. [15, р. 220].

Сэр Джон был большим мастером выдавать нужду за добродетель. Он с помпой предложил установить греческую границу по линии Арта — Волос (т. е. вернулся к решению Лондонской конференции марта 1829 г.), представив это как новую британскую инициативу. Русские делегаты сразу же согласились; французы не возражали. Но филэллинские лавры достались Пальмерстону, и он не жалел красноречия, воспевая происходившие на Балканах перемены, которым Великобритания ранее так упорно сопротивлялась: Греция, «долгое время прозбавшая во тьме и погруженная в варварство», «бывшая политическим ничтожеством», превращается в «очаг торговли, страну счастья и хорошо регулируемых свобод» [15, р. 223].

Все участники Лондонской конференции сходились в стремлении установить в Элладе монархию. Однако с кандидатами на престол дело вначале не ладилось: претендентов отпугивало мятежное состояние страны. Предпочел отказаться от предложенной ему короны член английской королевской фамилии герцог Леопольд Саксен-Кобургский; его примеру последовал Фридрих Нидерландский. Наконец, всплыла кандидатура 17-летнего принца Оттона, за которого хлопотал его отец, баварский король Людвиг. Она прошла без споров: юноша не принадлежал к крупным правящим династиям и, стало быть, нечего было опасаться усиления влияния какого-либо из дворов по родственной линии; король Баварии соглашался направить в Грецию контингент своих войск в три с половиной тысячи человек ¹¹, — что было воспринято особо доброжелательно Ливеном и Матушевичем: «Это — единственное средство освободить страну от войск и влияния Франции», — писали они [7, ф. Канцелярия, 1832, д. 144, л. 35. X. А. Ливен, А. А. Матушевич — К. В. Нессельроде 6(18) V 1832]. В конвенции о Греции, датированной 7 мая 1832 г. (н. ст.), упоминалось о выработке в дальнейшем конституции. И Ливен, и Матушевич уверяли Зимний дворец, что не следует пугаться самого слова, что употреблено оно в смысле государственного устройства и поэтому не несет в себе «ничего либерального» [7, ф. Канцелярия, 1832, д. 144, л. 36]. Царь распорядился, чтобы переход Оттона в православие как господствующую в Греции религию стал непременным условием его вступления на престол. Воплощением этого удобного православия дела занялась странная для данного случая тройца: лютеранин Ливен, католик Матушевич и принадлежащий к совсем редкой в России англиканской церкви Нессельроде [7, ф. Канцелярия, 1832, д. 148, л. 66—68, 181; д. 144, л. 27; д. 146, л. 332—333, 342]. Видимо, радели они без души, больше суетились; крещения по греческому обряду Оттон так и не принял.

Завершив многотрудные переговоры по выработке конвенции, три двора обратились к греческой нации с поздравлением. Сенат, в котором возобладали умеренно-монархические элементы, выразил державам глубокую благодарность, объявив, будто вся Эллада радуется своему превращению в королевство и приветствует юного монарха. Впоследствии, когда Оттон подрос, он превратился в тирана, чуждого культуре и традициям страны, принявшей его как суверена.

Вскоре царским савонникам пришлось вспомнить меланхолическую поговорку: мавр сделал свое дело — мавр может удалиться. Во главе правительства Эллады был поставлен тесно связанный с Великобританией С. Трикупис. Сторонники «русской партии» подвергались преследованиям. Самый знаменитый из них — Т. Колокотронис и 12 его капитанов были арестованы. Его судили как «изменника независимости нации», что было издевательством над здравым смыслом, и приговорили к смертной казни. Мальчишка Оттон снизил наказание прославленному воину до двадцати лет тюрьмы. Колокотронис, когда ему объявили «монаршью милость», промолвил: «Я перехитрю короля; столько лет мне не прожить» [20, с. 301—302]. После одиннадцатимесячного заключения он был освобожден.

¹¹ Конвенция о Греции от 7 мая 1832 г. [7, ф. Канцелярия, 1832, д. 144, л. 74—81].

При отплытии русской эскадры из греческих вод Оттон не захотел принять контр-адмирала П. Рикорда, пожелав ему доброго пути через дежурного офицера [20, с. 299]. Все это были печальные для Петербурга признаки: с ним перестали считаться. И причины крылись не в отдельных просчетах и ошибках русских дипломатов, а в явлениях, от них не зависевших. Поднимавшаяся буржуазия ориентировалась на Запад. С. С. Татищев имел основание писать о царившем в правящих российских сферах настроении: «Разочарование было полное. Та самая Греция, которая должна была дополнить систему политического преобладания нашего на Востоке, оказалась державою не только нам не дружественною, но и прямо враждебною. Первый опыт учреждения независимого христианского государства на Балканском полуострове обратился в явный нам ущерб» [20, с. 303, 305]. В обзоре внешних сношений России (курсе лекций, прочитанных наследнику престола Александру в 1838 г.) Ф. И. Бруннов сетовал по поводу подчинения Греции «влиянию учений, управляющих политикою морских держав» (т. е. Англии и Франции). «Греческий опыт» служил в глазах российских сановников еще одним доводом в пользу сохранения Османской империи. При этом они упускали из виду, что кардинальной важности процессы, обусловившие поражение царизма в Греции, происходили на всем пространстве турецких владений и что в слабой османской державе им придется иметь дело не только и не столько с Портою, а с представителями держав-соперников.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Киняпина Н. С.* Ункяр-Искелесийский договор 1838 г.— Научн. доклады высшей школы. Исторические науки, 1958, № 2.
2. *Еремеева Т. В.* Заключительный этап египетского кризиса 1831—1833 гг. и великие державы.— Уч. зап. по новой и новейшей истории Ин-та истории АН СССР, вып. 2. М., 1956.
3. *Георгиев В. А.* Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. М., 1975.
4. *Дулина Н. А.* Изменения в османской дипломатии (30-е годы XIX в.). Тюркологический сборник, 1973 г. М., 1975; Османская империя в международных отношениях (30—40-е годы XIX в.). М., 1980.
5. *Webster Ch.* The foreign Policy of Palmerston, v. I. London, 1969, p. 39.
6. *Molden E.* Die Orientpolitik des Fürsten Metternich 1829—1833. Wien — Leipzig, 1913.
7. Архив внешней политики России (АВПР).
8. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Сочинения.
9. *Puryear V.* International Economics and Diplomacy in the Near East. Stanford, California, 1935, p. 5—6.
10. *Temperley H.* England and the Near East. The Crimea. London — New York — Toronto, 1936.
11. *Clayton G. D.* Britain and the East. London, 1971.
12. *Bailey F. E.* British Policy and the Turkish Reform Movement. Cambridge (USA), 1942, p. 66.
13. *Годорова М.* Англия, Русия и Танзиматът. София, 1980.
14. *Pemberton W. B.* Lord Palmerston. London, 1954.
15. Opinions and Policy of . . . H. J. Palmerston. London, 1852.
16. *Cobden R.* Russland. In: C. Brinkmann. Richard Cobden und das Manchestertum. Berlin, 1924.
17. *Dawson W. H.* Richard Cobden and Foreign Policy. London, 1926, p. 212.
18. *Urquhart D.* Turkey and its Resources. London, 1833.
19. *Glason J. H.* The Genesis of Russophobia. London, 1950.
20. *Татищев С. С.* Внешняя политика императора Николая I. СПб., 1887.
21. *Лулес Д.* Образование Греческого государства и Россия.— Советское славяноведение, 1980, № 3.
22. Protocols of Conferences Held in London Relative to the Affairs of Greece. London, 1832.

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ СОЮЗА ПОЛЬСКИХ ПАТРИОТОВ В СССР В РЕСПУБЛИКАХ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА (1943—1946)

В 1943 г. был создан Союз польских патриотов в СССР (СПП). Он сразу же развернул работу по разъяснению среди польских эмигрантов идейной декларации Союза, по политическому просвещению польских граждан, по привлечению их к активному участию в борьбе против гитлеровских захватчиков, за возрождение польского демократического государства. На страницах «Вольной Польски» и «Новых виднокренгов», в выступлениях по радио, на собраниях польских эмигрантов активисты Союза, прежде всего коммунисты, убедительно раскрывали смертельную опасность, нависшую над польским народом вследствие истребительной политики гитлеровских оккупантов, и призывали своих соотечественников с оружием в руках или самоотверженным трудом в тылу способствовать освобождению своей родины, внести достойный вклад в общее дело победы над врагом.

Эти призывы находили живой отклик у польских эмигрантов, о чем ярко свидетельствует их массовое добровольное вступление в сформированную в СССР польскую армию — за сравнительно короткий срок была создана почти стотысячная армия. В ее рядах вели большую политико-просветительную работу коммунисты и другие члены Союза. В октябре 1943 г. получила боевое крещение 1-я польская дивизия им. Т. Костюшко. К боевым действиям готовились другие соединения и части Польской армии.

Большая пропагандистско-агитационная работа велась Главным управлением (ГУ) Союза и его местными звеньями среди польских эмигрантов, находившихся в тылу. Она была направлена на объединение всех польских патриотов вокруг Союза, на осуществление задач, поставленных в его идейной декларации.

СПП в своей политико-воспитательной работе большое внимание уделял разоблачению сущности фашизма, его реакционного характера. В печати, на собраниях польских эмигрантов разъяснялось, что германский фашизм является злейшим врагом не только польского народа, но и всего человечества. В 1944 г. в Намангане (Узбекская ССР) были прочитаны лекции: «Что такое фашизм?», «Гитлеризм — его сущность и идеология», в Оше (Киргизская ССР) — «Гитлер и гитлеризм», «Фашизм — враг польской культуры», «Злодеяния в Майданеке» и др. [1, sygn. 152, к. 204—206].

Консолидации польских эмигрантов, их просвещению служили проводимые Союзом мероприятия по празднованию знаменательных событий в истории Польши. В связи с предстоящей 25-й годовщиной восстановления независимости Польши ГУ СПП разработало специальную инструк-

цию и разослало ее в областные и местные организации Союза. В ней рекомендовалось провести 11 ноября 1943 г. торжественные митинги и вечера во всех организациях Союза и польских детских учреждениях [1, sygn. 5, к. 1].

По сообщениям газеты «Вольна Польшка» везде, где находились польские эмигранты, состоялись массовые митинги. ГП СПП получило 118 телеграмм и поздравительных резолюций от участников собраний [2, 1943, № 38, с. 3]. На митинге, который проходил в Фергане (Узбекская ССР), в зале областного театра им. М. Горького, присутствовало 800, в Оше — 1000 человек. На стенах были вывешены лозунги: «Да здравствует СПП!»; «Да здравствует Польский корпус в СССР!»; «Да здравствует героическая Красная Армия» [2, 1943, № 38, с. 3].

В Самарканде (Узбекская ССР) в торжественном праздновании Дня независимости участвовали 600 [1, sygn. 158, к. 6], в г. Карши (Узбекская ССР) — 300 человек [1, sygn. 115, к. 23]. На собраниях были прочитаны доклады «В борьбе за демократическую Польшу» (Андижан, Узбекская ССР), «Польская независимость и польская демократия» (Айгогоза Семипалатинской области, Казахская ССР) [2, 1944, № 46, с. 4]. Празднование Дня независимости произвело большое впечатление на польских эмигрантов.

Широко и торжественно отмечались годовщина битвы под Грюнвальдом, 150-летие восстания Т. Костюшко, День конституции 3 мая и другие важные события в истории польского народа.

Благодаря усилиям организаций Союза в годовщину Грюнвальдской битвы во многих местах состоялась собрания. Были прочитаны доклады: «Грюнвальд» (Бухара, Узбекская ССР) [1, sygn. 66, к. 3], «Битва под Грюнвальдом» (Кок-Янган, Киргизская ССР) [1, sygn. 87, к. 9]. Такие же доклады читались во всех районах Ошской, Наманганской, Кашка-Дарьинской и Алма-Атинской областей и в других местах [1, sygn. 152, к. 204—207; sygn. 148, к. 40; sygn. 116, к. 89; sygn. 59, к. 42].

Торжественные собрания польских эмигрантов, посвященные годовщине восстания Т. Костюшко, проводились областными правлениями СПП в Оше, Намангане, Алма-Ате, Карши, Самарканде, Караганде, Фергане и других городах. «Акмолинская правда» (Казахская ССР) 28 марта 1944 г. сообщала, что 24 марта в Акмолинске, в помещении кинотеатра «Заря», состоялся вечер в честь 150-летия со дня восстания Т. Костюшко. Председатель областного правления СПП И. Кучинская заявила: «Прошло 150 лет со дня восстания, но светлое имя Костюшко звучит для нас призывом в этой великой борьбе».

Собрания, посвященные Дню конституции 3 мая, состоялись во всех районах Алма-Атинской, Наманганской, Кашка-Дарьинской, Ошской и других областей. На них были прочитаны доклады на тему: «Конституция 3 мая» [1, sygn. 148, к. 40; sygn. 116, к. 89; sygn. 59, к. 42; sygn. 152, к. 207]. В Араване (Киргизская ССР) на собрании с докладом «Историческое значение Конституции 3 мая» выступила учительница польской школы О. Мошевицкая [2, 1944, № 21, с. 4]. В резолюции, направленной в адрес Советского правительства участниками собрания в Сталинабаде, говорилось: «В эти дни тяжелых испытаний мы обращаем наши взоры к Конституции 3 мая, целью которой было создание крепкого государства с сильной армией, опирающегося на широкие народные массы».

С Конституцией 3 мая связана замечательная страница военной деятельности польского народа: восстание, возглавляемое Тадеушем Костюшко.

В эти дни перед польским народом стоит задача заменить гнилую атмосферу досентябрьской Польши чистым воздухом демократизма, создать возрождающейся Польше прочную опору в народе. Этим духом проникнута Польская армия в СССР.

Мы глубоко верим, что дружба польского и советского народов, скрепленная совместно пролитой кровью на полях сражений, будет залогом новой счастливой жизни нашего народа и нашего государства» [1, sygn. 708, к. 20].

На всех собраниях, посвященных историческим событиям, подчеркивались значение освободительной борьбы польского народа за независимость своей страны и необходимость скорейшего изгнания оккупантов из Польши.

СПП и его организации разоблачали антинародную политику польского эмигрантского правительства. В конце 1943 и в начале 1944 г. во многих местах были проведены митинги протеста против антисоветской и пагубной для польского народа политики этого правительства. Только в первом квартале 1944 г. в Киргизии состоялись четыре массовых собрания, участники которых осудили политику «лондонского лагеря» [1, sign. 93, k. 68]. Такие же собрания прошли в Самарканде [1, sign. 93, k. 68] и других городах. В Семипалатинске была прочитана лекция на тему: «Банкротство лондонского правительства» [1, sign. 158, k. 1].

Вместе с тем велась работа по разъяснению польским эмигрантам задач Польской армии в СССР, ее значения для освобождения Польши. В Андижане была проведена лекция на тему: «В борьбе за демократическую Польшу» [2, 1944, № 46, s. 4], в Оше — «Создание Войска Польского» [1, sign. 152, k. 204—206], во всех районах Самаркандской области состоялись лекции на тему «За что борется Войско Польское?» [2, 1944, № 16, s. 4]. Лекции на эти темы читались и в других областях.

Образование Польского комитета национального освобождения (ПКНО) стало поворотным моментом в жизни польских эмигрантов в СССР. С большим интересом и одобрением был встречен ими Манифест ПКНО. В Бухаре, Карши, Оше, Сталинабаде и других городах устраивались лекции и проводилось обсуждение Манифеста [1, sign. 66, k. 3; sign. 115, k. 14; sign. 152, k. 204—206]. В связи с освобождением Варшавы в Ташкенте, Самарканде, Андижане, Фергане, Бухаре, Сталинабаде, Ленинабаде, Ашхабаде, во Фрунзе, Оше, Джалал-абаде, Алма-Ате, Джамбуле, Караганде и других местах, где жили поляки, состоялись митинги¹. ГП СПП разработало специальный план проведения политико-воспитательных мероприятий в связи с обнародованием Манифеста ПКНО и освобождением Варшавы [2, 1944, № 46, s. 4]. Только в Наманганской области в 1945 г. было организовано семь вечеров, посвященных созданию ПКНО и освобождению Варшавы [1, sign. 867, k. 14].

В кружках, на собраниях членов СПП все чаще обсуждались вопросы, касающиеся внутреннего положения Польши. В Бухаре и Намангане, Алма-Ате читались лекции на темы: «Конституции 1921 и 1935 гг.», «Нынешняя ситуация в Польше», «Аграрная проблема в Польше», «Промышленность в Польше», «Роль интеллигенции в прошлой и настоящей Польше», «Политическая структура Польши», в Ошской области — «Восстановительные работы в стране», «Школа в демократической Польше» [1, sign. 152, k. 204—206; sign. 66, k. 42], в Джалал-абаде и Карши — «Внутреннее политическое положение в Польше» [1, sign. 88, k. 45; sign. 116, k. 80]. Такие же лекции устраивались и в других областях.

Уделялось внимание и вопросам международного положения, проводились лекции на темы: «Решение Берлинской конференции», «Международный военный трибунал» (Хавастский район Узбекской ССР), «Политический обзор за 1944 г.» (Джалал-абад, Киргизская ССР), «Победа демократии в Югославии и Болгарии», «Мировая конференция профсоюзов» (Бухара) [1, sign. 1830, k. 80; sign. 88, k. 96; sign. 66, k. 3], «Историческое значение Крымской конференции», «Выступления Черчилля и Идена по польской проблеме» (Кара-Су, Киргизская ССР) [1, sign. 152, k. 81].

С целью улучшения политико-воспитательной работы проводились семинары, на которых читались доклады о современном положении Польши, ее аграрной и политической структуре, о задачах и формах политико-воспитательной работы. В Павлодаре после семинара 14 активистов СПП были командированы в районы для проведения лекций и бесед [2, 1945,

¹ Сообщения о митингах публиковались почти во всех газетах среднеазиатских республик и Казахстана.

№ 39, с. 6]. Подобные семинары устраивались в Чарджоу, Петропавловске, Джамбуле, Намангане [2, 1945, № 31, с. 4; 1, sygn. 867, к. 147].

Широко отмечались годовщины образования СПП. Докладчики рассказывали о возникновении Союза и успехах в его деятельности, подчеркивали его большую роль в создании Войска Польского, в трудоустройстве и социальном обеспечении польских эмигрантов, в организации сети польских школ и детских учреждений, в упрочении польско-советской дружбы.

В период репатриации внимание СПП сосредотачивалось на привлечении польских эмигрантов для заселения и освоения западных земель. Уже в начале 1945 г. на I межобластном совещании в Алма-Ате в качестве первоочередных задач указывалось, что «период до отъезда следует максимально использовать с целью подготовки эмиграции для восстановительной работы в стране» [1, sygn. 59, к. 27]. В Ташкенте на межреспубликанском совещании СПП (март 1946 г.) говорилось о необходимости «возбудить желание добровольного выезда на западные земли, чтобы быть в рядах первых пионеров заселения и освоения» [1, sygn. 863, к. 6].

В Семипалатинске и Чимкентской области были прочитаны лекции: «Значение западных земель для Польши», «Силезия как промышленная база нашей страны», «Мы едем на западное Поморье», «Значение моря для Польши», «Заселение западных земель — историческая задача польского народа», «Роль СПП в заселении западных земель» [1, sygn. 82, к. 49; sygn. 162, к. 13]. Лекции такого содержания читались в Бухаре и Намангане [1, sygn. 82, к. 49]. Освоение западных земель польскими эмигрантами из СССР рассматривалось как их патриотический долг перед родиной.

В политико-воспитательной работе СПП важное место занимали ответы на письма польских эмигрантов, поступавшие в адрес облправлений СПП. В этих ответах облправления Союза более подробно разъясняли польским гражданам международное положение, ситуацию в Польше и другие вопросы. Только Ошское областное правление СПП в 1945 г. получило 1399 и отправило 1496 писем [1, sygn. 152, к. 189].

Важную роль в политико-воспитательной работе играла пресса СПП. Представитель ГП в Киргизии Конопка в отчете за I квартал 1944 г. писал, что газеты «Вольна Польска» и «Нове виднокренги» нужны как лекарство [1, sygn. 93, к. 68]. «Вольна Польска» выходила тиражом 40 тыс., а «Нове виднокренги» — 18 тыс. экземпляров [4]. ГП СПП разработало план распространения изданий по областям в соответствии с численностью польского населения. Было принято соотношение: десять экз. «Вольной Польски» и пять экз. «Новых виднокренгов» на сто польских граждан [5, т. VIII, с. 84]. Однако на практике такое соотношение не всегда можно было выдерживать. На первых порах ощущался большой недостаток прессы в Карагандинской, Фрунзенской, Чимкентской и Ошской областях. Ленинадское облправление СПП в конце 1943 г. получало 65 экз. «Вольной Польски» [1, sygn. 140, к. 21], в Ташкентскую область в 1944 г. поступили 500 экз. «Вольной Польски» и 120 экз. «Новых виднокренгов» [1, sygn. 1830, к. 18], Джамбульская область в 1945 г. располагала 400 экз. «Вольной Польски» и 250 экз. «Новых виднокренгов» [1, sygn. 96, к. 33].

Одной из важнейших задач СПП являлось развитие и углубление польско-советской дружбы, установление тесного контакта польских эмигрантов с советской общественностью. В идейной декларации СПП указывалось, что Союз будет стремиться к тому, чтобы «укрепить уже существующие узы симпатии между польским народом и народами Советского Союза и содействовать их углублению в будущем» [5, т. VII, с. 390].

Дружба польских эмигрантов с советскими людьми рождалась и укреплялась в совместной работе у станков, в колхозах, в борьбе против гитлеризма. Как правильно отметила председатель СПП В. Василевская в своем выступлении в связи со 2-й годовщиной образования Союза, «именно и годы войны польские люди узнали и оценили великий советский народ, тот народ, который в тяжелые дни делил с нами свой хлеб, дал нам приют и оружие для борьбы с врагом» [2, 1946, № 21—22, с. 1].

СПП принимал участие в праздновании знаменательных событий в

истории Советского Союза. В инструкции ГП СПП, направленной областными и местными правлениями, а также комиссиям общественной опеки, о подготовке к празднованию 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции отмечается историческое значение Октября в судьбах польского народа. Поэтому, говорилось в ней, «поляки в СССР должны принять массовое участие в торжествах государственного праздника нашего союзника» [1, sign. 5, к. 1].

Польские эмигранты торжественно отметили годовщину Октябрьской революции. В Ташкенте в октябре 1945 г. на собраниях, посвященных Октябрьской революции, присутствовало более 700 человек [1, sign. 172, к. 64]. Они заслушали доклад на тему «Что дала Великая социалистическая революция Польше» [1, sign. 172, к. 64]. В Бухаре был прочитан доклад на тему «Октябрьская революция и Польша» [1, sign. 66, к. 3], в Ховастском районе Ташкентской области — «28-я годовщина Октябрьской революции» [1, sign. 1830, к. 80].

В Караганде по инициативе облправления СПП в январе 1944 г. состоялось собрание польских граждан, посвященное годовщине смерти В. И. Ленина, и заслушан доклад «В. И. Ленин и Польша» [1, sign. 112, к. 44]. В апреле 1944 г. в Намангане была прочитана лекция на тему «Мы и СССР», в которой подчеркивалась помощь Советского правительства польским эмигрантам в улучшении их материального положения.

Часто проводились недели польско-советской дружбы, читались лекции: «О советско-польской дружбе», «Традиции польско-советской дружбы», «Польско-советская дружба — основа независимости Польши» и другие.

Проживание польских эмигрантов на территории Средней Азии и Казахстана, совместный труд с советскими людьми позволяли узнать друг друга ближе и лучше. Между ними укреплялись доверие и взаимное уважение. По сообщению из Акмолинской области польское население по собственной инициативе провело вечера польско-советской дружбы, участвовало в субботниках, организованных советской общественностью, и в других мероприятиях [2, 1945, № 48, с. 4]. В Чимкентской области руководитель шахты обратился в местную организацию СПП с просьбой помочь выполнить план по добыче угля. На общем собрании поляков, созванном по этому поводу, было решено оказать помощь шахте и во время субботника поляки добыли 60 т угля [1, sign. 82, к. 64].

По просьбе облправления СПП в сентябре 1945 г. в Ленинабаде перед польским населением с докладами на политические темы выступали преподаватели Ленинабадского госпединститута [1, sign. 140, к. 46]. Польские граждане в Павлодаре участвовали во встречах демобилизованных советских солдат, приветствовали их как освободителей Польши [1, sign. 715, к. 255].

Местные органы Советской власти и партийные организации оказывали содействие СПП в проведении его мероприятий, принимали в них участие. В Бухаре на торжественном собрании польских эмигрантов, посвященном Красной Армии и польско-советской дружбе, выступил начальник областного военкомата полковник Кесель, а на вечеру по случаю создания ПКНО — секретарь обкома партии Далминов [1, sign. 66, к. 9].

Актив СПП участвовал в торжествах, организованных местными органами власти по поводу знаменательных дат. Вечера, посвященные польско-советской дружбе, во многих случаях проводились совместно местными советскими властями и организациями СПП. Так, 22 августа 1945 г., на вечеру польско-советской дружбы в Андижане, в котором участвовало более 500 человек, с докладами выступили руководитель отдела пропаганды горкома партии Никольский и председатель городского правления СПП Маркевич [2, 1945, № 33, с. 4].

Сообщение о подписании польско-советского договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве (апрель 1945 г.) вызвало исключительный подъем среди польских эмигрантов. В районах и на предприятиях состоялись массовые митинги. В телеграмме облправления СПП в Оше ГП СПП от 26 апреля 1945 г. говорилось: «Областное правление

Союза польских патриотов в Оше просит Вас от имени 4150 поляков Ошской области в Киргизии передать премьеру и всему Правительству Польской Республики выражение великой радости и удовлетворения по поводу заключения договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве с великим соседом Польши — Советским Союзом. Польский народ с воодушевлением и глубокоим удовлетворением приветствует каждое действие своего правительства в деле еще теснейшего укрепления польско-советской дружбы. Особенно радостно встречает польский народ, и в том числе поляки в СССР, которые принимают деятельное участие в борьбе с фашизмом и реакцией, настоящий договор, считая его лучшей гарантией будущего мира и безопасности и быстрого восстановления свободной и сильной, независимой и демократической Польши» [1, sygn. 152, k. 97].

По сообщению из Казахстана, «большинство польской общественности показало понимание значения политического сотрудничества Польши и СССР» [1, sygn. 174, k. 152]. Митинги, посвященные знаменательному событию, проходили на всей территории республик Средней Азии и Казахстана.

Это историческое событие вызвало большой подъем и среди местного населения. В частности, на митинге, состоявшемся 25 апреля 1945 г. в Фархадстрое (Узбекская ССР), на котором присутствовало более 1500 человек, отец фронтовика Я. Х. Фазылов сказал: «Тысячи километров отделяют наш родной Узбекистан от Польской республики, но мы всегда сочувствовали страданиям польского народа, находившегося под немецким игом, и теперь разделяем радость его освобождения. Вечной будет дружба наших народов. От имени колхозников-строителей хочу послать горячий привет польскому народу!» [6].

Политико-воспитательная работа СПП среди польских эмигрантов в СССР сыграла важную роль в формировании демократических взглядов польского населения и в упрочении его дружбы с советской общественностью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Archiwum Akt Nowych, Związek Patriotów Polskich.
2. Wolna Polska.
3. Коммунист Таджикистана, 1945, 19 ноября.
4. Praca Polska, 1954, № 7—8, s. 6—7.
5. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. М., 1963—1980.
6. Холи Курулини (Народная стройка), Андижан, 1945 г., 28 апреля.

ХОТЬКОВА Е. С.

ИЗ ИСТОРИИ БОРЬБЫ ЗА ИДЕЙНОЕ И ОРГАНИЗАЦИОННОЕ ЕДИНСТВО ЧЕХОСЛОВАЦКОГО МОЛОДЕЖНОГО ДВИЖЕНИЯ (1939—1945)

Проблема создания в Чехословакии единых национальных союзов молодежи нашла уже некоторое отражение в работах чехословацких авторов [1—7], освещающих молодежное движение послевоенного периода. Однако в них, на наш взгляд, недостаточно внимания уделено анализу предпосылок образования СЧМ, ССМ, СМК. В советской историографии есть несколько общих работ, посвященных проблемам современного молодежного движения Чехословакии, в которых интересующий нас период дан лишь обзорно [8—11].

Характерными чертами молодежного движения в буржуазной Чехословакии были его политическая и организационная разобщенность, что бесспорно ослабляло боеспособность всех его прогрессивных сил. Существовало около тридцати молодежных организаций: спортивные, религиозные, просветительские, партийные, профессиональные и другие. Но уже в этот период начался объединительный процесс в прогрессивном молодежном движении. С ростом опасности фашизма потребность в объединении всех антифашистских и демократических сил, в том числе и молодежных, возросла и стала чрезвычайно актуальной. Импульс к сплочению молодежи дали проходившие в 1935 г. VII конгресс Коминтерна и VI конгресс КИМа, выработавшие тактику единого антифашистского фронта. Руководствуясь их решениями, КПЧ на своем VII съезде (1936) сформулировала новое отношение к молодежному движению. Был сделан вывод о том, что «объединение молодежи не только возможно и нужно... Речь может идти об объединении полном, т. е. и организационном, о создании единой организации» [12]. Перед молодыми коммунистами была поставлена задача создания массовой организации молодежи. КПЧ приняла решение распустить Комсомол и всемерно способствовать привлечению самых широких слоев молодежи к борьбе против реакции, фашизма и угрозы войны.

После VII съезда КПЧ (1936 — начало 1937 г.) по инициативе коммунистов в стране было создано пять национальных организаций демократической молодежи: Союз молодых в Чешских землях, Союз венгерской молодежи, Союз немецкой молодежи, Союзы словацкой и карпато-русской молодежи. Главным направлением их деятельности стало сплочение молодого поколения для борьбы против фашизма и войны, за мир и удовлетворение социальных требований молодежи. По инициативе чешского Союза молодых был создан совместный Комитет помощи демократической Испании, в работе которого приняли участие организации чешской и немецкой социал-демократической молодежи, молодежь Красных и социал-демократических профсоюзов, организации евангелистской молодежи. В марте 1938 г. был создан чехословацкий комитет «Молодежи за мир и

демократию», членами которого стали практически все молодежные организации страны, за исключением объединений фашистского типа. Одним из важных их начинаний в социальной области было создание в середине 1936 г. Комитета помощи безработной молодежи, в состав которого вошли представители многих левых молодежных организаций.

Трагические последствия Мюнхена негативно отразились на развитии молодежного движения. Деятельность Союза молодых была запрещена, и он вынужден был уйти в подполье. При партии «Национального единства», в которую слились все прежние буржуазные партии, возникло объединение правого толка «Молодое национальное единство». В такой ситуации осенью 1938 г. представителям Союза молодых, коммунистам, социал-демократам и национальным социалистам удалось создать Национальное движение трудящейся молодежи (НДТМ), организацию, стремившуюся объединить всю прогрессивную молодежь Чешских земель. Образованная социал-демократами и социалистами Национальная партия труда пыталась подчинить НДТМ своему влиянию. Однако бывшим членам Комсомола, Союза молодых, коммунистам удалось воспрепятствовать этому и придать деятельности НДТМ прогрессивный, демократический характер. На собраниях, в печати, в листовках представители НДТМ призывали к политической бдительности, к защите демократии, отстаивали прогрессивные демократические традиции чешского народа. Организации НДТМ действовали в большинстве областей и районов Чешских земель. Весной 1939 г. должен был состояться съезд НДТМ. Нацистская оккупация помешала дальнейшему разворачиванию движения. Однако НДТМ не распалось, а организованно ушло в подполье и продолжило антифашистскую борьбу в новых условиях. НДТМ удалось также сохранить широкую сеть своих организаций на местах. Во всем этом была прежде всего заслуга коммунистов, имевших уже к этому времени опыт работы в подполье.

Для связи с молодежными массами и для воздействия на них НДТМ использовало легальные спортивные и скаутские организации. А после того, как весной 1939 г. под патронатом правительства протектората было создано «Молодое национальное объединение», организация, набор в которую осуществлялся принудительно и которая призвана была воспитывать молодое поколение в духе новых порядков, члены НДТМ, проникнув в него, не только в значительной степени препятствовали насаждению фашистской идеологии, но и смогли привлечь немалое число молодых людей в ряды антифашистского Сопrotивления.

В Словакии обстоятельства сложились по-иному. В так называемом «независимом» словацком государстве привилегированное положение заняла организация глинковской молодежи, объединение клерикально-фашистского типа, целиком зависевшее от Словацкой народной партии А. Глинки. Деятельность же Союза словацкой молодежи была запрещена. Перейдя в подполье, он стал называться «Революционная молодежь Словакии». В своей борьбе против фашизма союз использовал и легально действовавшую организацию евангелистской молодежи.

С началом партизанского движения открылась новая глава и в антифашистской борьбе молодежи Словакии, поскольку именно она составляла большую часть бойцов партизанских отрядов.

Вторая мировая война и оккупация оказали существенное влияние на идейно-политическое формирование чешской и словацкой молодежи. Политические, социально-экономические, моральные факторы — тотальная трудовая мобилизация для военных нужд Германии, закрытие высших школ, террор — привели к значимым социально-психологическим сдвигам в сознании молодого поколения, к его быстрому идейно-политическому созреванию и осознанию передовой его частью необходимости организованной борьбы. Чешская и словацкая молодежь за годы войны прошла большую школу национально-освободительной борьбы — в подпольных организациях Сопrotивления, в партизанских отрядах, в рядах Первого чехословацкого корпуса, в концентрационных лагерях. Молодежь различной социальной, партийной и религиозной принадлежности сплачивалась на платформе общей борьбы против фашизма, за новую Чехословакию;

прежние разногласия отступали на второй план и тенденция к единству молодежного движения становилась главенствующей.

Однако организационное объединение как чешской, так и словацкой молодежи во многом зависело от развития движения Сопротивления в целом. В начале 1940 г. НДТМ попало под удар гестапо и прекратило свое существование. В этих условиях инициативу по сплочению сил прогрессивной чешской молодежи вновь взяла на себя КПЧ. При ее прямой поддержке весной 1940 г. возник Коммунистический союз молодого поколения (КСМП), ставший преемником НДТМ. Его деятельностью непосредственно руководила КПЧ. Хотя КСМП по численности уступал своему предшественнику [13], но это вовсе не означало спада в прогрессивном молодежном движении. Коммунистический союз молодого поколения вел большую антифашистскую пропагандистскую и агитационную работу, выпускал журнал «Млада гарда» («Молодая гвардия»), распространял листовки. Однако после массовых арестов, последовавших осенью 1941 г., Коммунистический союз молодого поколения перестал существовать как единая организация, а его члены влились в нелегальные коммунистические группы. По соображениям конспирации стало невозможным создать новую централизованную организацию молодежи, поэтому в 1941 г. произошла децентрализация всего движения.

Идея единства молодежи жила и в кругах антифашистской чехословацкой эмиграции. В июле 1939 г. в Англии чехословацкие антифашисты — коммунисты, социал-демократы и национальные социалисты создали организацию «Молодая Чехословакия», целью которой было способствовать сплочению молодежи в эмиграции. Вслед за этим в результате объединения студентов всех политических направлений в Лондоне возник Центральный союз чехословацких студентов. В 1941 г. для координации деятельности различных демократических эмигрантских молодежных организаций, представителями студенчества, организации «Молодая Чехословакия», социал-демократической молодежи, «Сокола», армейской молодежи был создан Центр чехословацкой молодежи, который на своей конференции в 1942 г. выработал директивы для активизации молодежного движения в эмиграции и оказания помощи сверстникам, как в Чешских землях, так и в Словакии.

На рабочем совещании Центра чехословацкой молодежи, проходившем 12 августа 1944 г., его участники, проанализировав обстановку в Чешских землях и Словакии, пришли к выводу, что «уже в период борьбы на основе местных групп будут созданы сильные национальные единые организации чешской, словацкой и карпато-украинской молодежи. Задачами этих организаций будет участие в создании школьной системы, в социальной, культурной, спортивной жизни и воспитании молодежи... Воспитание молодежи в национальном духе должно быть тесно связано с практическими задачами строительства нового государства» [14, 19/3/205, л. 4а]. Участники совещания выдвинули также требования социально-политического, экономического характера, непосредственно касавшиеся молодого поколения, такие как: улучшение условий труда для молодежи, предоставление избирательного права с 18 лет, а участникам Сопротивления с 16 лет, проведение реформ в области просвещения и др. [14; 19/3/205, л. 7—7а]. Так из задач национально-освободительной борьбы рождалась и концепция послевоенного устройства чехословацкого общества и роли молодежи в нем. Но выработать цельную программы участия молодежи в антифашистской борьбе и послевоенном устройстве чехословацкого государства молодым представителям эмиграции в Англии тогда не удалось.

В Москве, в среде чехословацкой эмиграции, близкой к зарубежному руководству КПЧ, перспективы развития молодежного движения рассматривались в неразрывной связи с выработкой общей стратегии борьбы против фашизма и за последующие революционные преобразования в Чехословакии. В сборнике «За новую Чехословакию», опубликованном в Москве в 1944 г., излагались взгляды молодых коммунистов на проблемы, стоявшие перед чешской и словацкой молодежью. Главной задачей моло-

дые коммунисты считали создание «единой общенациональной антифашистской организации молодежи, которая... соединит все силы для послевоенного строительства». Речь шла «не об организации при какой-либо партии, а о союзе непосредственно молодежном, управляемом самой молодежью под руководством и поддержке блока трудящихся» [15, s. 171]. Тем самым, применительно к проблемам молодежного движения развивалась идея Национального фронта. Обдумывались и конкретные организационные формы объединения широких слоев молодежи. Предполагалось создание трех национальных союзов молодежи, руководимых общим ЦК [15, s. 172]. При разработке этих планов московское руководство КПЧ исходило из анализа конкретной обстановки в Чешских землях и Словакии и перспектив общенациональной борьбы.

С 1943 г., когда национально-освободительная борьба вступила в свою заключительную стадию и в нее включались все новые и новые слои чешского и словацкого народов, внутри движения Сопротивления стали вновь возникать самостоятельные молодежные группы. Со всей остротой встал вопрос о руководящем центре, который способствовал бы объединению сил молодежи и координировал ее деятельность. Инициативу взяла на себя нелегальная организация молодежи, непосредственно примыкавшая к КПЧ, — группа «Пршедвой» («Авангард»). Ей удалось установить связь с разрозненными молодежными группами в Чехии и Моравии, с группами саботажа на заводах и некоторыми партизанскими отрядами. При прямом содействии «Пршедвоя» начала формироваться организация — «Бой молодых» («Борьба молодых»), которая должна была стать основой будущей единой организации чешской молодежи. Анализ программных документов этих организаций показывает, что несмотря на некоторый радикализм, а иногда и левацкую фразеологию, основные положения программных документов — тесный союз с СССР, проведение широких демократических преобразований, социалистические перспективы революции, — совпадали с позицией коммунистов. Представители этих подпольных молодежных групп считали, что в борьбе за строительство новой республики молодежь должна занять достойное место и что ее организованное «движение должно охватить молодых граждан из всех классов» [14, Sb. 77, j. 5, č. 1—5]. Пропаганда необходимости единства широких слоев молодежи не только для борьбы против фашизма, но и для строительства новой республики была одним из важнейших направлений деятельности подпольных молодежных групп, связанных с «Пршедвоем». Но в октябре 1944 г. удары гестапо обрушились как на «Пршедвой», так и на «Бой молодых», и процесс организационного объединения молодежи осложнился. Однако уже с конца 1944 г. были предприняты попытки объединить прогрессивную молодежь в подполье и подготовить условия для создания руководящего центра ее движения.

Во время Словацкого национального восстания в центральной Словакии в Брезно, Тисовце, Гнуште и других местах освобожденной территории возникли группы единого внепартийного Союза словацкой молодежи [16], которые включились в национально-освободительную борьбу. Многие группы ушли в подполье после подавления восстания и там продолжали свою деятельность до освобождения Словакии Советской Армией.

В последние месяцы оккупации инициативу в налаживании связей между подпольными группами чешской молодежи взяла на себя организация «Движение молодежи за свободу», тесно связанная с подпольным руководством КПЧ. На созванном по ее инициативе в декабре 1944 г. совещании представителей молодежных групп Сопротивления, наряду с боевыми задачами: помощью партизанскому движению, организацией саботажа и разведывательной службы и др., была поставлена задача организационного объединения в нелегальных условиях антифашистских сил молодежи на принципах Национального фронта. Для осуществления этой цели предусматривалось создание в подполье единого руководящего и координирующего центра, объединение всех нелегальных групп молодежи, строительство организационной сети на местах [17]. Предусматривалось также усиление пропаганды и агитации среди широких

слов молодежи, выработка программных принципов движения в целом, подготовка функционеров для работы с молодежью [17]. На совещании обсуждался и вопрос об издании общемолодежной газеты как одном из средств идейно-политического воспитания молодежи и пропаганды идеи ее единства [17]. Все эти подготовительные шаги были направлены на создание основы будущей единой демократической организации чешской молодежи.

На рубеже 1944/1945 гг. в Чешских землях возник целый ряд подпольных молодежных групп и встал вопрос о координации их деятельности. Для прогрессивного молодежного движения важно было отстоять идею единства своих рядов на завершающей стадии национально-освободительной борьбы, когда в нее включались новые общественные слои и активизировались буржуазные партии, стремившиеся в своих узкопартийных интересах внести организационный раскол в движение молодежи.

Весной 1945 г. процесс объединения антифашистских сил чешской молодежи в подполье значительно продвинулся прежде всего благодаря целенаправленной деятельности коммунистов. В марте 1945 г. при активном участии организации «Движение молодежи за свободу» был создан Центральный национальный комитет молодежи (ЦНКМ). Его председателем стал коммунист В. Коутный. ЦНКМ поддерживал тесную связь с подпольным руководством КПЧ (Й. Кнап, В. Давид и др.).

В ЦНКМ направили своих представителей группы коммунистической и социал-демократической молодежи, студенты, группы саботажа и некоторые другие местные нелегальные молодежные организации. На заседании ЦНКМ 14 марта 1945 г. были приняты примерная программа «Молодежи Национального фронта» (так первоначально была названа единая организация чешской молодежи), исходившая из общих задач национально-демократической революции, и обращение к молодежи с призывом сплачивать свои ряды [18]. ЦНКМ взял на себя инициативу подготовки к созданию единого союза молодежи Чешских земель.

Однако дальнейшие перспективы развития молодежного движения страны в немалой степени зависели от отношения к нему основных политических партий антифашистского блока.

Первое открытое столкновение по проблемам молодежи произошло на переговорах между представителями основных политических сил в Москве в марте 1945 г. о программе и составе нового чехословацкого правительства. Проект правительственной программы был выдвинут КПЧ, представители других партий — национально-социалистической, народной и социал-демократической и делегация Словацкого национального совета приняли его как общую платформу. Однако по ряду вопросов, в том числе и по вопросу о молодежи, разгорелись острые дискуссии. Понятно, что все обсуждаемые проблемы так или иначе затрагивали интересы молодежи. Но особо следует отметить обсуждение пункта программы о предоставлении избирательного права гражданам новой республики с 18 лет (в домюнхенской республике правом избирать пользовались молодые люди, достигшие 21 года). Коммунистическая партия сознавала важность активного участия молодежи в политической жизни страны и поэтому отстаивала необходимость снижения возрастного ценза. В отличие от коммунистов национальные социалисты и некоторые представители социал-демократической партии выражали недоверие к молодому поколению, аргументируя это тем, что на него не могла не оказать влияния «нацистская атмосфера шести лет оккупации» [19, s. 406]. Коммунисты отдавали себе отчет в возможных негативных последствиях оккупации, но исходили, прежде всего, из доверия к здоровым силам чешской молодежи. «Фашисты делали все, что могли, чтобы повлиять на молодежь, — заявил К. Готвальд, выступая в дискуссии по этому пункту проекта программы. — Но я глубоко убежден, что это удалось только по отношению к небольшой ее части... Относительно будущего молодежи... я большой оптимист» [19, s. 410]. Только благодаря твердой позиции коммунистов пункт о предоставлении избирательного права с 18 лет вошел в окончательный текст правительственной программы.

Первая программа правительства Национального фронта чехов и словаков была провозглашена 5 апреля 1945 г. в г. Кошице. Ее главные пункты — сотрудничество с СССР, создание национальных комитетов, наказание изменников и военных преступников, аграрная реформа, равноправие Чехии и Словакии и др. — отвечали представлениям молодежи о политических и социальных переменах в стране.

Одной из основных задач Кошицкая программа провозгласила заботу о молодежи в новом государстве. Предусматривалось изменение ее политического, экономического, правового положения. Ставились новые задачи и в области просвещения. Провозглашалось расширение социальных прав молодежи: «Правительство будет стремиться к тому, чтобы все трудоспособное население имело возможность трудиться и получать соответствующее вознаграждение. Для женщин и подростков будет введен принцип равной с мужчинами оплаты за равное количество затраченного труда» [20, s. 29]. Гарантировалось также введение 8-ми часового дня и повышение заработной платы. Широкие возможности для получения высшего образования предоставлялись молодым людям, выходцам из рабочих и крестьян. Согласно программе изменялись содержание и направленность обучения. «Из учебников и учебных пособий будет не только устранено все антисоветское, но молодежь будет должным образом информирована об СССР. Правительство позаботится о том, чтобы молодежь приобретала необходимые знания о жизни в Советском Союзе», — говорилось в ней [20, s. 29].

Первая программа правительства Национального фронта чехов и словаков мобилизовала молодое поколение на борьбу за претворение в жизнь его специфических требований в русле общедемократических преобразований. Хотя об образовании единого молодежного союза Кошицкая программа прямо не заявляла, но она провозглашала ведущую роль в политической жизни Национального фронта и открывала возможность для образования общенациональных внепартийных массовых организаций. Тем самым создавались правовые основы и для строительства единых национальных молодежных организаций в рамках Национального фронта.

С апреля 1945 г. коммунистическая партия вела планомерную работу по подготовке соглашения трех партий — коммунистической, социал-демократической и национально-социалистической, которое должно было способствовать более тесному объединению широких трудящихся масс города и деревни Чешских земель внутри Национального фронта. Подготовили свои проекты соглашения КПЧ и национально-социалистическая партия. Споры развернулись вокруг вопроса о сущности Национального фронта и роли массовых общественных организаций. КПЧ видела в укреплении Национального фронта главное условие развития революционного процесса в стране. Согласно концепции коммунистов Национальный фронт являлся классовым союзом всех демократических и антифашистских сил, а с организационной точки зрения представлял собой блок политических партий и массовых организаций трудящихся. Особая роль отводилась массовым организациям, среди которых были и союзы молодежи. Они призваны были вовлекать в активную революционную борьбу народные массы и оказывать давление «снизу» на те политические партии, которые стремились к свертыванию революционного процесса. Представители национально-социалистической партии трактовали Национальный фронт лишь как коалицию политических партий. Вопрос об отношении к массовым организациям был особенно острым, поскольку речь шла о расширении армии революции, о привлечении новых союзников на ее сторону.

В проекте соглашения, выдвинутом на обсуждение коммунистами, в частности, указывалось: «Разобщенность молодежного движения по партийному признаку, имевшая место в прошлом, не будет допущена. Партии блока обязуются сотрудничать в строительстве единого союза молодежи, который объединил бы чешскую молодежь на внепартийной, общенациональной основе и в котором была бы представлена, прежде всего, трудящаяся молодежь города и деревни, рабочая и сельская молодежь, студенты. И этот единый союз молодежи будет организацией самостоя-

тельной с демократическим самоуправлением, поддерживаемой всеми партиями блока» [19, с. 584—585].

При составлении своего проекта национальные социалисты исходили лишь из узкопартийных интересов. Ими, в частности, не ставилась задача создания единой массовой молодежной организации [19, с. 586]. За основу будущего соглашения был принят проект коммунистов. При его обсуждении, проходившем в Кошице 13 и 21 апреля 1945 г., между коммунистами и национальными социалистами развернулась острая борьба. Точка зрения коммунистов на проблемы молодежного движения была ясно отражена в протоколах обсуждения: «Мы не хотим, — заявили коммунисты, — никаких групп коммунистической, социалистической, народной молодежи, мы выступаем только за единый союз молодежи, в котором бы она воспитывалась в антифашистском, патриотическом духе, в духе единства» [19, с. 610].

Национальные социалисты пытались отстаивать идею объединения молодежи по партийной принадлежности. Они выступили против создания единого внепартийного союза чешской молодежи, утверждая, что не представляют самостоятельной политической партии без собственной организации молодежи. К ним присоединился правый социал-демократ В. Майер, который обвинил коммунистов в стремлении создать единые организации лишь с целью подчинения их своему влиянию.

В ходе дискуссии выяснилось, что на данном этапе достичь договоренности между КПЧ, национально-социалистической и социал-демократической партиями в определении перспектив развития молодежного движения не удастся. Вопрос о едином союзе чешской молодежи стал предметом дальнейшей борьбы внутри Национального фронта. Однако твердая позиция КПЧ укрепляла политические позиции прогрессивного молодежного движения и во многом облегчила выход на арену общественной жизни единым союзам.

Реализация идеи единства молодежи в полной мере стала возможной в ходе освобождения Советской Армией территории Чехословакии и установления народно-демократической власти в стране. Единые массовые, внепартийные демократические организации молодежи складывались в форме национальных союзов. Это отвечало специфическим условиям развития страны, а также традициям прогрессивного молодежного движения. Поскольку с 1939 г. Чешские земли и Словакия были обособлены друг от друга, что не могло не отразиться на всех сторонах общественной жизни, а организационно движение чешской и словацкой молодежи с 1936 г. развивалось самостоятельно, консолидация молодежного движения проходила первоначально в рамках национальных союзов.

Первые организации молодежи на освобожденной территории возникли в начале 1945 г. на востоке страны. 24 января 1945 г. в Прешове состоялось собрание молодежи, на котором было основан Союз молодежи Карпат (СМК), широкая демократическая организация, объединившая украинскую молодежь, жившую в Чехословакии [21].

Местные организации антифашистской словацкой молодежи стали создаваться уже в конце 1944 г. В декабре 1944 г. была основана организация в Михаловце, которая выработала свой устав и развернула активную деятельность по оказанию помощи раненым советским и чехословацким воинам. Позднее подобные группы возникли в других населенных пунктах восточной Словакии — в Спишке Подградье, Сабинове, Гиральтовце и многих других [22].

Словацкие коммунисты активно поддерживали молодежь и оказывали ей всестороннюю помощь при создании Союза словацкой молодежи (ССМ). В лагере же буржуазии еще не закончился процесс политической консолидации. Поэтому образование ССМ проходило под преобладающим влиянием КПС. 30 января 1945 г. в Кошице на собрании молодежи было провозглашено создание единого ССМ, принято решение принять участие в восстановлении Словакии, избрана комиссия для привлечения молодежи в союз. Возглавил комиссию коммунист Я. Велес [19, с. 537].

Значительным событием, повлиявшим и на развитие молодежного движения после освобождения, стала Первая конференция КПС, проходившая в Кошице 28 февраля — 1 марта 1945 г. Заместитель председателя Коммунистической партии Словакии Г. Гусак, освещая программу борьбы партии за победное завершение национально-демократической революции, подчеркнул, что Союз словацкой молодежи — массовая общественная организация, и как полноправный член должен войти в Национальный фронт. Это, по мнению коммунистов, с одной стороны, укрепило бы Национальный фронт, а с другой стороны, увеличило бы политический вес ССМ. «Мы за единство молодежи... В будущем не должны возникать организации молодежи на партийной основе..., а вся молодежь будет объединена в Союз словацкой молодежи...», — отмечалось в докладе Г. Гусака. — Наша партия предприняла в этом вопросе первые шаги — она не будет... обновлять Комсомол, а будет делать все, чтобы вся демократическая молодежь была в едином союзе» [23].

Принципиальная позиция коммунистов в отношении ССМ способствовала сравнительно быстрому организационному становлению Союза словацкой молодежи. 15 марта 1945 г. в Кошице состоялось собрание, на котором присутствовало 40 представителей групп ССМ со всей освобожденной территории Словакии [19, s. 537]. На нем было подчеркнуто, что союз объединяет молодежь различных политических и религиозных взглядов на широкой демократической основе. В качестве главной задачи выдвигалось воспитание молодежи в духе демократии и прогресса. Было решено, что до освобождения всей Словакии центр молодежного движения останется в Кошице, где при непосредственной поддержке КПС развернуло свою деятельность местное «Объединение молодежи в Кошице» [19, s. 537]. Вопросы программного характера и выборы руководства были отложены до окончания военных действий. В Кошице стала выходить газета ССМ «Глас младых», которая вскоре была переименована в «Трибуну младых». Хотя вышло всего несколько номеров газеты, она сыграла заметную роль в объединительном процессе, бурно проходившем в молодежном движении Словакии.

КПС последовательно боролась за признание ССМ равноправным членом Национального фронта. 15 марта 1945 г. по инициативе КПС было проведено совещание с представителями Демократической партии, на котором среди прочих вопросов обсуждалось и положение ССМ [19, s. 542]. Благодаря усилиям коммунистов была достигнута договоренность о расширении Национального фронта за счет включения в него массовых организаций, в том числе и ССМ. 17 марта 1945 г. Подготовительный комитет Словацкого Национального фронта издал программное воззвание, в котором призывал к повсеместному созданию групп Союза словацкой молодежи [19, s. 543]. В совместных директивах КПС и Демократической партии от 25 марта 1945 г. о создании органов Национального фронта в Словакии говорилось: «В интересах расширения Национального фронта и всестороннего развития движения героической словацкой молодежи сообщая способствует созданию единого Союза словацкой молодежи. Там, где группы ССМ уже существуют, перестройте их по взаимному соглашению так, чтобы объединить все слои молодежи, которые должны быть представлены и в руководстве союза» [19, s. 549]. Рост групп ССМ на освобожденной территории, с одной стороны, и принципиальная, последовательная политика коммунистической партии в отношении молодежи, с другой, привели к тому, что вскоре Революционный Словацкий национальный совет своим постановлением № 51/45 признал ССМ единой и единственной организацией словацкой молодежи.

О том, как КПС выполняла взятые на себя обязательства в отношении молодежного движения свидетельствует, в частности, циркуляр областного секретариата КПС г. Попрада от 31 марта 1945 г. районным секретарям о ближайших задачах партийных организаций на освобожденной территории: «Национальный фронт должен содействовать... Союзу крестьянства и Союзу словацкой молодежи. Там, где эти организации еще не основаны, развивайте инициативу и всемерно способствуете их созданию ...

При организации ССМ обращайтесь внимание на то, чтобы в него была привлечена вся молодежь, а не избирательно — только рабочая и крестьянская или студенческая. Главной задачей ССМ является воспитание молодежи в демократическом духе...» [19, с. 559—560]

Очень скоро, однако, стало ясно, что, несмотря на огромное желание словацкой молодежи крепить единство, создание союза и его организационное и идейное укрепление — трудная и сложная задача. Так как Демократическая партия, реакционные силы не могли в то время открыто выступать против организационного единства молодежи, они искали возможности подорвать ССМ изнутри. Хотя ССМ с момента своего возникновения считался организацией Национального фронта, предстояла еще длительная борьба за признание союза молодежи его равноправным членом.

В Чешских землях активное участие молодежи в национально-освободительной борьбе позволило ее представителю — ЦНКМ завоевать прочные политические позиции в революционных органах во время майского восстания. Накануне восстания он вошел в состав Чешского национального совета (ЧНС). В апреле 1945 г. Чехословацкое телеграфное агентство сообщало, что «верховным органом чешской молодежи в рамках Чешского национального совета является Центральный национальный комитет молодежи, объединяющий все народно-демократические силы молодого поколения, которое проявило себя в борьбе против немецких оккупантов. Только ЦНКМ уполномочен Чешским национальным советом вести дела молодежи...» [24]. 29 апреля 1945 г. ЦНКМ подготовил сообщение для ЧНС, в котором говорилось: «ЦНКМ предоставляет все свои силы в распоряжение Чешского национального совета и готов выполнять конкретные задачи, которые поручит ему ЧНС, такие, как патрулирование, налаживание связи и др. ... Будет создан *Союз социалистической молодежи*¹. Его задачи: предотвращение раскола общественных сил, наказание коллаборационистов и всестороннее воспитание молодежи на основе принципов коллективизма. Союз социалистической молодежи будет издавать ежедневную газету „Вперед“ — орган социалистической молодежи. Все это создает основу единого фронта социалистической молодежи» [19, с. 644]. Работа, проведенная ЦНКМ, содействовала консолидации сил чешской молодежи в подполье, но после освобождения ЦНКМ не смог возглавить процесс создания в Чехии и Моравии местных групп единой молодежной организации.

26 и 27 апреля 1945 г. группы антифашистской молодежи были созданы в районе Киёва (Южная Моравия) [14, 19/3/63, л. 149], 29 апреля — в Глущине, 30 апреля — в Моравской Остраве (Северная Моравия) [17], 5 мая — в Пльзене [25]. Как свидетельствуют документы, инициаторами создания этих групп и их руководителями были молодые коммунисты, бывшие члены Союза молодых, НДТМ и представители беспартийной молодежи [14, 19/3/72, л. 82; 19/3/43, л. 52]. С момента своего возникновения эти группы ориентировались не только на тех, кто принимал непосредственное участие в национально-освободительной борьбе, хотя они составляли их костяк, но и на самые широкие слои молодежи.

В ходе майских боев в Праге отряды молодежи захватили здание бывшего Куратория по воспитанию молодежи в протекторате² и типографию. Все имущество бывшего Куратория по решению ЧНС от 5 мая 1945 г. было предоставлено в распоряжение ЦНКМ [24]. В день освобождения 9 мая 1945 г. вышел первый номер молодежной газеты «Млада фронта» («Молодой фронт»).

Единая организация возникала «снизу» в результате революционного творчества самых широких масс молодежи. Она еще не имела своего официального названия (по примеру единой организации словацкой молодежи в мае она получила название Союз чешской молодежи), но на местах уже действовали многочисленные группы, объединившие молодежь различных социальных слоев и партийной принадлежности. В докладе моло-

¹ Выделено в оригинале.

² Фашистская организация, созданная в протекторате по типу гитлерюгенд.

дых коммунистов — членов руководства СЧМ Центральному комитету КПЧ (июль 1945 г.) отмечалось: «По первому призыву (Национального фронта. — Е. Х.) молодежь стала создавать повсеместно группы СЧМ во всех районах, подчас только на основе предварительных организационных указаний, кое-где в первые революционные дни на основе собственных представлений, вынесенных из нелегальной работы. Но СЧМ создавался действительно „снизу“, начиная с местных организаций» [14, 19/3/89, л. 15]. Размах этого процесса свидетельствовал о стремлении широких слоев молодежи к организационному единству. Однако были и некоторые негативные моменты, повлиявшие в дальнейшем на положение и деятельность СЧМ. Прежде всего, в подполье не были созданы важнейшие звенья будущей организационной сети, особенно на ее высшем и среднем уровнях (район, область), не хватало опытных руководителей, способных сразу же возглавить процесс создания единой организации. Не были достаточно уяснены идейные основы и организационные принципы будущего союза. Значительно осложняло ситуацию и отсутствие практического опыта созидательной работы.

Молодежные группы создавались преимущественно в городах и крупных населенных пунктах, но при их непосредственной помощи организовывались и группы СЧМ в селах, по отношению к которым городские комитеты СЧМ выполняли первое время функции руководящего органа [26]. Несмотря на то, что формы и методы организации были еще во многом несовершенны, группы СЧМ активно включились в общественно-политическую жизнь страны. Они выполняли боевые задачи до полного освобождения Чехословакии, шефствовали над ранеными советскими воинами, участвовали в восстановительных работах, принимали активное участие в формировании и работе национальных комитетов. Работа различных групп на первых шагах значительно отличалась по формам: в одних местах главное внимание уделялось культурно-просветительной работе, организации различных любительских кружков, в других — участие в восстановлении страны, в третьих — пропагандистской работе. Но всюду группы СЧМ выступали проводниками политики Национального фронта.

Союзы молодежи выступили инициаторами ряда начинаний в помощь народному хозяйству. Так, по инициативе нескольких групп СЧМ г. Праги было проведено соревнование среди молодежных бригад, работавших в свободное время по восстановлению города. Этот почин был широко подхвачен в Брно, Пльзене, Гавличкове Броде и др. Молодежь Братиславы посвятила своему городу 50 тыс. добровольно отработанных часов.

В период становления единых национальных внепартийных союзов молодежи чрезвычайно актуальной стала задача предотвращения возможных попыток их организационного раскола.

В первые революционные дни кое-где в Чешских землях были предприняты попытки восстановить Комсомол (г. Кладно, Брно, Пльзень, Пардубице, Острава) [14, 19/3/25, л. 37; 19/3/40, л. 15]. В этом проявилось недопонимание некоторыми молодыми коммунистами новой расстановки политических сил в стране и особенностей национально-демократической фазы революционного процесса в стране. КПЧ предприняла много усилий для преодоления левацких тенденций как в собственных рядах, так и среди молодежи. По решению партии возобновившие свою деятельность группы Комсомола были распущены, а их члены впоследствии вошли в СЧМ.

О последовательности и принципиальности КПЧ в проведении тактики Национального фронта в молодежном движении свидетельствует критика, которой она подвергла боевую организацию коммунистической молодежи «Пест», несмотря на немалые ее заслуги. В письме в ЦК КПЧ от 19 мая 1945 г. руководители «Песта» признали допущенные ими ошибки: «Во время восстания, — писали они, — к нам начали стекаться в большом количестве прогрессивно настроенная молодежь и интеллигенция. Под давлением этих пришедших к нам масс мы сползли на позиции бескомпромиссного левачества. Мы проводили в своей газете политическую линию без

учета действительной расстановки сил, участвующих в борьбе. Тем самым мы допустили грубые ошибки и отклонения от тактики КПЧ, которая учитывала и национальный элемент в движении сопротивления» [14, sb. 77, j. 69/8, л. 1].

Планомерная работа коммунистов по преодолению нежелательных тенденций в развитии молодежного движения способствовала организационному укреплению единых союзов молодежи.

Стремление широких слоев молодежи к организационному единству было так велико, что с ним вынуждены были считаться и его противники. Сразу после освобождения страны национально-социалистическая, народная и демократическая партии открыто не осмелились выступить против СЧМ, ССМ и СМК. Ряд деятелей распущенной организации «Молодое национальное объединение» заявили о передаче имущества этого объединения Союзу чешской молодежи [14, 19/3/142, л. 80]. Чехословацкая церковь приветствовала образование СЧМ и призвала своих приверженцев вступить в его ряды [14, 19/3/118, л. 6]. Возобновившие свою деятельность студенческие организации, скаутский союз «Юнак», «Сокол» и др. заявили о желании строить свою деятельность в тесном союзе с СЧМ, ССМ и СМК.

12 мая по инициативе коммунистов состоялась встреча групп Сопротивления чешской молодежи с представителями правительства, на которой были обсуждены основные принципы деятельности СЧМ и создано его временное руководство. 17 мая в Братиславе был образован подготовительный комитет ССМ. Временные руководящие органы национальных союзов молодежи выдвинули задачи объединения молодого поколения на платформе Национального фронта, Кошницкой правительственной программы.

Первые месяцы после освобождения прошли под знаком организационного строительства национальных союзов молодежи. 1 июня 1945 г. по радио к молодежи обратился председатель временного руководства СЧМ В. Коутный с речью об основных задачах и программных принципах СЧМ. 5 июня 1945 г. на Староместской площади в Праге состоялась манифестация молодежи, организованная СЧМ, в которой приняли участие члены правительства во главе с премьер-министром З. Фирлингером.

В социал-демократической партии в первый год после освобождения преобладало позитивное отношение к СЧМ. В союзе молодежи активно работали молодые социал-демократы, принадлежавшие к левому крылу партии, которое стояло на позиции сотрудничества с коммунистами.

Руководство народной партии бойкотировало создание единого Союза чешской молодежи. Но наиболее агрессивную позицию в отношении СЧМ заняла Чехословацкая национально-социалистическая партия. Ее руководство взяло курс на воссоздание собственной организации молодежи, выступив тем самым против единого внепартийного союза. 14 мая 1945 г. оно издало обращение к своим сторонникам с призывом возродить Союз чехословацкой социалистической молодежи [27]. Однако ЧНСП по ее собственному признанию это намерение осуществить не удалось [1, 1945 24 V]. Это также свидетельствовало о том, что идея единства была господствующей среди широких слоев молодежи. Первые попытки раскола складывающегося единства, предпринятые национальными социалистами, встретили решительный протест в рядах молодежи [28, 1945 26 V] и были осуждены КПЧ и СДП [29]. Национально-социалистическая партия была вынуждена изменить тактику, выдвинув идею преобразования СЧМ в федерацию молодежных групп и секций [30]. Однако под давлением широких слоев молодежи, стремившихся к подлинному единству, удалось противостоять планам реакции. 8 июня 1945 г. было подписано соглашение о сотрудничестве между тремя чешскими политическими партиями — коммунистической, социал-демократической и национально-социалистической. О Союзе чешской молодежи в нем было сказано особо: «Партии обязуются не создавать собственных партийных организаций молодежи, а укреплять единый Союз чешской молодежи, который объединяет молодежь независимо от партийной принадлежности ... Единый СЧМ будет независимой организацией молодежи с демократическим самоуправлением и опорой всех партий Национального фронта» [28, 1945 17 VI].

Однако на деле руководство ЧНСП не отказалось от своей раскольнической тактики. 14 июля 1945 г., т. е. месяц спустя после подписания соглашения, решением президиума ЧНСП были одобрены директивы по созданию секций молодежи при всех местных организациях партии [1, 1945 15 VII]. Но противники единства в первые месяцы после освобождения не могли сколько-нибудь заметно повлиять на настроения большинства молодого поколения и процесс консолидации молодежного движения в Чешских землях. На совещании представителей областных комитетов СЧМ (декабрь 1945 г.) отмечалось: «В мае, июне, июле 1945 г. шел бурный спонтанный рост рядов союза. В этом проявилось стремление молодежи к созданию единой организации» [14, 19/3/25, л. 34].

Большое мобилизующее значение имел проведенный по инициативе руководства СЧМ слет чешской молодежи на горе Радгошть 4—7 июля 1945 г., в котором приняли участие 292 делегата из центра, областных и районных организаций СЧМ. Главным результатом встречи было то, что курс на создание единой внепартийной организации чешской молодежи получил полную поддержку ее участников.

В процессе консолидации молодежного движения наряду с повсеместным признанием широкими слоями молодежи самой идеи единства важное значение имело укрепление руководящего центра СЧМ. На состоявшемся в Праге 21—22 июля 1945 г. собрании делегатов СЧМ из Чехии и Моравии был избран новый временный ЦК СЧМ во главе с В. Коутным, 22 июля на заседании ЦК — президиум и исполком СЧМ. Благодаря активному участию в создании СЧМ молодые коммунисты и социал-демократы получили ощутимый перевес во вновь избранном руководстве СЧМ. Вскоре был подготовлен временный устав союза, одобренный министерством внутренних дел. К началу сентября в СЧМ насчитывалось только зарегистрированных членов по неполным данным, полученным организационным отделом ЦК СЧМ: в Чехии — 311 504, в Моравии — 139 252 (всего 450 756 членов) [14, 19/3/150, л. 164], что составляло более 30% молодежи Чешских земель в возрасте 15—24 лет³.

В Словакии процесс консолидации молодежного движения имел свои особенности и проходил с большими трудностями, чем в Чешских землях. Социально-экономическая отсталость Словакии, наличие значительных пережитков людацкой идеологии, неблагоприятная общественно-политическая ситуация, при которой стала возможной мобилизация реакционных сил в рамках Демократической партии — все это отрицательно влияло на формирование прогрессивного молодежного движения. Сильные позиции в Словакии имели церковные организации, в том числе объединения католической и евангелистской молодежи, которые продолжали свою деятельность вопреки решению Национального фронта от 16 июля 1945 г. об их роспуске. Молодые члены Демократической партии, входившие в руководство ССМ, выступали с планом федерализации союза; они были против того, чтобы он имел политический характер.

Большую роль в процессе консолидации общесловацкого молодежного движения сыграли областные конференции ССМ. 24 июня 1945 г. проходил съезд ССМ восточнословацкой области в г. Кошице, 27—28 июля — съезд ССМ западнословацкой области в г. Пезинок. В резолюциях съездов выражалась поддержка Кошицкой правительственной программы, подчеркивалось, что задачами ССМ являются не только культурно-просветительные мероприятия, но и активное участие в восстановлении народного хозяйства. Весьма важным было решение съезда ССМ западнословацкой области о создании общего Центра для координации деятельности с СЧМ. В совместной деятельности прогрессивная словацкая молодежь видела источник укрепления своего союза.

Принципиальное значение для становления единого молодежного движения Словакии имела проходившая 14—15 августа 1945 г. в г. Мартин I общесловацкая конференция ССМ, которая отвергла план федерализации

³ По переписи 1946—1947 гг. в Чешских землях насчитывалось 1 441 921 человек в возрасте 15—24 лет.

зации ССМ, выдвинутый молодыми членами Демократической партии. Перед ССМ были поставлены задачи: мобилизация молодежи на восстановление Словакии, политическое воспитание в духе идеалов национально-демократической революции в рамках единого внепартийного ССМ. На конференции прошли выборы в центральные органы ССМ. Председателем ССМ был избран Э. Сикора.

Выражением стремления чешской и словацкой молодежи к тесному сотрудничеству стало создание временного общегосударственного органа — Центра молодежи ЧСР 26 августа 1945 г. в г. Ружомберок на встрече делегаций СЧМ и ССМ по случаю празднования первой годовщины Словацкого национального восстания. Этот временный орган, в который вошли по пять представителей от СЧМ и ССМ, должен был координировать деятельность национальных союзов молодежи, представлять общие интересы чешской и словацкой молодежи в центральных органах республики, выступать в качестве единственного представителя молодежи Чехословакии на международной арене. Председателем Центра молодежи ЧСР был избран Э. Сикора, его заместителем В. Коутный.

Избранием руководящих органов национальных союзов молодежи и созданием временного общего Центра молодежи ЧСР завершилась первая фаза организационного становления прогрессивного молодежного движения Чехословакии после освобождения страны.

Политический опыт 30—40-х годов, усилившееся за годы национально-освободительной борьбы стремление молодого поколения к единству, революционные преобразования, изменившие положение молодежи, помощь и поддержка коммунистической партии способствовали тому, что СЧМ, ССМ, СМЖ заняли заметное место в политической жизни страны и стали серьезной опорой Национального фронта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Bartoš J.* O pokrokovém hnutí mládeže. Praha, 1955.
2. *Bartoš J.* Československý svaz mládeže v letech 1945—1955. Praha, 1964.
3. Dějiny pokrokového hnutí mládeže v Československu, sv. 1—2. Praha, 1967.
4. *Ferko I.* Cesta v jednotě mládeže. Bratislava, 1961.
5. *Kráčmarová H.* Vysokoškoláci v revolučních letech 1945—1948. Praha, 1976.
6. *Hříbek B.* Sjednání mladé generace. Praha, 1979.
7. *Straka J.* Mládež v národnoslobodzovacom boji na Slovensku. Bratislava, 1974.
8. *Тарасов Б. А.* Юность Чехословакии. М., 1955.
9. *Иопова Т. Б.* Творческое применение опыта КПСС по руководству массовым молодежным движением Компартией Чехословакии (1969—1972). Канд. диссертация. М., 1976.
10. Коммунисты и проблемы современного молодежного движения. М., 1976.
11. Молодежное движение социалистических стран. М., 1976.
12. VII řádní sjezd KSČ. Praha, 1936.
13. *Hájková A.* Mládež v boji proti fašizmu (1933—1945). Praha, 1979, s. 16.
14. Archív Ústavu marxizmu-leninizmu ÚV KSČ (A — ÚML).
15. *Luka J., Bernard V.* O cestu naší mladé generace — In: Za nové Československo. М., 1944.
16. Za jednotu mládeže. SÚV ČSM. Bratislava, 1950, s. 12.
17. Archív Československé akademie věd (A — CSAV), f. CSI, mládež.
18. Český odboj a květnové povstání. Sborník dokumentů 1943—1945. Praha, 1975, s. 187—188.
19. Cesta ke květnu. Vznik lidové demokracie v Československu, sv. 1—2. Praha, 1965.
20. Program vlády. Praha, 1945.
21. *Ričalka M.* Formovanie mládežníckého a detského hnutia po oslobodení na východnom Slovensku.— In: Otváracie školy socialistickej výchovy. Bratislava, 1974, s. 85.
22. *Čaplovič D.* Budovateľské úsilie mládeže na východnom Slovensku po oslobodení (1945—1949).— In: Príspevky k dejinám mládežníckého hnutia na východnom Slovensku. Košice, 1977, s. 33.
23. KSS. Dokumenty z konferencií a plén 1944—1948. Bratislava, 1971, s. 99.
24. Vojenský historický archív, f. CNR, mládež.
25. *Metlička J.* Mladí rovněž nezklamali. Mládež českého západu oporou lidové demokracie.— In: Vítězné dny. Vzpomínky současníků. Plzeň, 1963, s. 78.
26. См. например: *Potošek V.* Předúnorové období v Opočně.— In: Od května k Únoru v rychnovském okrese. (Sborník vzpomínek a dokumentů 1945—1948.) Rychnov nad Kněžnou, 1968, s. 49.
27. Česká pravda, 1945, 14 05.
28. Mladá fronta.
29. Právo lidu, 1945, 26 05.
30. *Král V.* Cestou k Únoru. Praha, 1963, s. 110.

РОМАНЕНКО С. А.

ФОРМИРОВАНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БРАТЬЕВ А. И С. РАДИЧЕЙ (1887—1900)

В конце XIX — начале XX в. в Хорватии, как и в других областях Центральной и Юго-Восточной Европы, разворачивается национально-освободительное движение, направленное на освобождение от австро-венгерского господства и ликвидацию остатков феодализма в экономике и политике [1; 2; 3; 4]. Национальное движение у хорватов имело специфические особенности, обусловленные ходом исторического развития этого народа.

Буржуазно-демократическая революция в Австрии «началась 1848 годом и закончилась 1867», установлением в общем и целом буржуазной конституции, — писал В. И. Ленин [5, т. 25, с. 270]. Вместе с тем, он не раз подчеркивал, что в области национальных отношений буржуазно-демократические преобразования в Австрии не были доведены до конца, и в габсбургской монархии, в особенности на национальных окраинах, сохранилось множество феодальных пережитков. Ликвидация национального угнетения была, таким образом, наиболее насущной задачей хорватской мелкой и средней буржуазии, отвечала ее классовым интересам (как, впрочем, и интересам других классов и социальных групп).

Национальные отношения в Австро-Венгрии регулировались системой соглашений 1867 и 1868 гг., установившей в Хорватии гнет австрийских и венгерских помещиков и буржуазии. Хотя по хорватско-венгерскому соглашению 1868 г. Хорватии и была предоставлена автономия во внутренних делах в рамках Венгерского королевства, в отличие от других зависимых областей Австро-Венгрии, оно не ликвидировало национального гнета и не создало предпосылок для быстрого развития страны по капиталистическому пути [6—7].

С конца XIX в. усилился кризис системы дуализма, ярко выразившийся в народных выступлениях 1903 г. в Хорватии. Противоречия, свойственные Австро-Венгрии в целом, проявились в Хорватии-Славонии особенно остро. Социально-экономическая отсталость и национальный гнет тесно переплетались, взаимообуславливая и взаимодополняя друг друга. Результатом этого было замедление и деформация процесса формирования хорватской нации, который в самых общих чертах был завершен лишь к концу XIX в. [8].

В конце XIX — начале XX в. во многих странах возникают вызванные усилением классового угнетения крестьянские аграрные движения, не носившие ярко выраженной национальной окраски (Болгария). С другой стороны, крупная и средняя национальная буржуазия стояла во главе национальных движений в Чехии, Ирландии. В Хорватии же мелкобуржуазное аграрное движение, возглавляемое братьями Антуном (1868—1919) и Степаном (1871—1928) Радичами, было одной из главных состав-

ных частей национального буржуазного движения. Идеология, организационные формы и принципы, методы борьбы этого движения начинают выработываться еще в 90-е годы XIX в.

В исторической литературе не существует специального исследования, посвященного формированию мировоззрения братьев Радичей, их становлению как политических деятелей. Лишь некоторые аспекты этой проблемы частично затрагивались в ряде работ советских и югославских историков [9—14]. Автор ставил своей задачей на основании ряда источников показать общие черты и специфические особенности формирования мелкобуржуазной идеологии в Хорватии в конце XIX — начале XX в. [15—19].

Кризис всей социально-политической структуры Хорватии явился результатом глубинных процессов, протекавших в то время в хорватском обществе. Крепнувшая хорватская буржуазия не могла и не хотела мириться с отведенной Хорватии ролью аграрно-сырьевого придатка Австро-Венгрии. В этом она пользовалась поддержкой самых различных классов и социальных групп. В 90-е годы XIX — самом начале XX в. развернулись массовые народные выступления, ознаменовавшие собой начало качественно нового этапа в развитии хорватского национального движения. В результате этих выступлений выявилась классовая и национальная ограниченность хорватской буржуазно-дворянской политической мысли [11, с. 156; 4, с. 278; 13, с. 53—88].

Идеологию хорватского крестьянского движения, ведущую роль в котором играла мелкая и средняя буржуазия, можно отнести к тому идейному течению, которое было охарактеризовано В. И. Лениным как *«общеевропейский романтизм»*. Специфические черты этого течения, возникшего как протест против капиталистической эксплуатации, обуславливались особенностями исторического развития каждой страны. «Но эти отличия, — писал В. И. Ленин, — не выходят, однако, за пределы отличий видовых» [5, т. 2, с. 246].

Мелкобуржуазный романтизм в Хорватии имел некоторые, весьма значительные по сравнению с другими странами, особенности. Во-первых, братья Радичи выступали за сохранение «народного строя», основанного на сельском производстве. Это сближало их с русскими либеральными народниками Н. И. Кареевым, Н. К. Михайловским и другими, идеализировавшими общинное начало. Во-вторых, будучи выходцами из крестьянской среды, братья, подобно остальным романтикам, не смогли в своих теориях «переступить те границы, которые не переступает жизнь мелкого буржуа» [20, т. 8, с. 148], что обусловило выбор ими социального идеала и методов борьбы за него. В-третьих, в Хорватии мелкобуржуазный романтизм был воспринят мелкой буржуазией угнетенной нации, в то время как другие его представители либо принадлежали к господствующей нации, либо вообще жили в странах с этнически однородным составом населения.

Нельзя также не учитывать и эволюцию самой теории романтизма. Восприняв позитивизм как философскую основу, он превратился из «экономического романтизма» в романтизм «политический», видевший путь к преодолению общественных противоречий лишь в политических реформах. У самих Радичей для принятия романтизма в такой его форме были особые причины, ибо вся хорватская национально-политическая идеология основывалась на идеализации государства.

Национальная особенность сознания большинства классов и социальных групп хорватского общества состояла в том, что классовые интересы, невольно или вполне осознанно, рассматривались сквозь призму национальных отношений. Это явление было отражением того объективного факта, что ликвидация национального угнетения отвечала интересам почти всех социальных слоев тогдашнего хорватского общества.

Фактор национального угнетения оказывал на политическую деятельность и идейную борьбу противоречивое воздействие. С одной стороны, заинтересованность в ликвидации национального гнета способствовала вовлечению абсолютного большинства нации в политическую жизнь.

С другой стороны, совпадение классового и национального гнета способствовало подчинению беднейших слоев города и деревни влиянию национальной буржуазии.

Это, в свою очередь, привело к подмене в хорватской буржуазной политической мысли классовых понятий национальными, в отличие от стран, где формирование капиталистических отношений происходило в этнически однородной среде. Понятийный аппарат и терминология, выработанные в ходе долгой борьбы за национальное освобождение и передававшиеся из поколения в поколение, проникли во все сферы общественной жизни. С их помощью хорватские мыслители пытались объяснить и явления, выходящие за рамки национальных отношений.

Для братьев Радичей было характерно перенесение понятий, выработанных в сфере семейных отношений, на явления социального, экономического, политического и национального плана. Незрелость их политического сознания проявлялась в том, что они рассматривали окружавший их мир сквозь призму отношений в замкнутых крестьянских мирках, внося в политику их образ мышления, их мораль. Перенесение «прямо на капиталистическое общество морали экономного крестьянина» является характерным приемом мелкобуржуазной социологии и политической экономии [5, т. 2, с. 137]. Братьям Радичам была свойственна, с одной стороны, абсолютизация «собственного опыта», социальный и политический эмпиризм, с другой — чрезвычайная поверхностность, абстрактность при анализе общественных явлений. Возникновению и развитию этих черт мировоззрения идеологов хорватской сельской буржуазии способствовало как существование национального гнета, увеличивавшего изолированность и сословную замкнутость крестьянства, так и относительная неразвитость социальных противоречий, сложность социально-национальной структуры хорватского общества.

На начальном этапе политической деятельности братьев Радичей (1887—1894) происходит формирование их национального сознания. Идеал будущих руководителей крестьянского национального движения — «свободная, независимая и объединенная Хорватия» [17, с. 113—118]. Но за этой формулой в их сознании еще не стояли интересы какого бы то ни было класса, а лишь «светлое ощущение единства со своей страной и своим народом, которое называется чувством Родины» [21, с. 116]. Выйдя из замкнутого мира своего села, Радичи поначалу присматривались к деятельности и программам политических партий, пытались свои представления, основанные во многом на «собственном опыте», привести в соответствии с действительностью. Они колебались между двумя ведущими «старыми» оппозиционными партиями того времени — Независимой национальной партией и Партией права, между двумя концепциями национальных отношений югославянских народов — югославизмом Й. Штрессмайера и панхорватизмом А. Старчевича [16, с. 88—96; 17, с. 58].

Независимцы, выражавшие интересы хорватских землевладельцев, торговой и финансовой буржуазии — то есть умеренные круги, выступали, хотя робко и не всегда последовательно, за федерализацию Австро-Венгрии и объединение югославянских народов в национальной борьбе. Партия права, возглавлявшаяся в течение долгого времени А. Старчевичем, представляла собой сложное и противоречивое политическое формирование, основой которого были радикальные мелкобуржуазные элементы, выступавшие за создание независимого хорватского государства революционным путем. Однако в 90-х годах Партия права резко эволюционировала вправо и в социальном, и в национальном отношениях. Кроме того, в ней произошел раскол, после которого часть членов стала сближаться с независимцами, а другая часть во главе с Й. Франком решила создать новую партию [14, с. 283—309].

Идейно-политическое развитие братьев Радичей было далеко не одинаковым. Антун Радич «стоял между старым и молодым поколениями» хорватских политических деятелей [13, с. 80]. До середины 90-х годов он придерживается в основном программы Независимой национальной партии, но разочаровавшись в «старых» партиях, в конце 90-х годов переходит

на позиции зажиточного крестьянства и начинает издавать газету «Дом» [13, с. 80—84].

Его младший брат Степан Радич в начальный период своей политической деятельности увлекался идеями А. Старчевича, затем, убедившись в его неспособности возглавить борьбу за национальное освобождение, выдвинул идею объединения всех «молодых» политиков, объективно выражавших интересы растущей хорватской буржуазии, для просвещения народа и только позднее осознал необходимость создания крестьянской политической организации [21, с. 116; 14, с. 272].

В целом их воззрения в 90-е годы XIX в. еще находились в стадии формирования и были эклектическим сочетанием самых противоположных идей. Принятие ими безоговорочно программы одной из партий было невозможно из-за ясно обозначившегося в тот период кризиса всей партийно-политической структуры Хорватии. А. и С. Радичи пытались критически подойти к деятельности «старых» партий, выяснить причины их неудач, особенно после краха коалиции 1893—1894 гг.

Лозунг, выдвинутый Антуном Радичем в те годы, не отличался ни оригинальностью, ни определенностью. «Все силы на благо народа», — этот лозунг уже давно вошел в политическую жизнь Хорватии [16, с. 77]. Но в первой половине 90-х годов ни Антун, ни его брат не вкладывали в него никакого конкретного социального смысла. Основным содержанием их деятельности с 1887 по 1894 г. были подготовка к будущей политической борьбе, участие в «повседневной работе» ведущих политических партий и, в особенности у С. Радича, — индивидуальные выступления с протестом против политики бана Хорватии Д. Куена-Хедервари.

Чтобы ликвидировать пробелы в знании «народной жизни», С. Радич с благословения старшего брата предпринимает в 1886, 1888 и 1891 гг. ряд поездок по славянским землям, знакомясь с «народными радостями и горестями», с настроением населения, большую часть которого составляло крестьянство [16, с. 76; 17, с. 54; 18, с. 104]. В 1887 г. он посещает Киев, чтобы поближе познакомиться с жизнью с детства почитаемой им страны [15, с. 84]. Но Антун, взявший на себя роль воспитателя младшего брата, увидел в этой поездке и более глубокий смысл — познакомиться с идеями и политической практикой других стран.

Эта поездка произвела на С. Радича глубокое впечатление; на всю жизнь он сохранил чувство глубокого уважения к России, ее народу и культуре [15, с. 53; 22, с. 419].

В первый период своей деятельности братья Радичи возлагали надежду на Россию как освободительницу угнетенных славянских народов, придавая большое значение идее единства и сотрудничества славянских народов.

В это же время С. Радич, усвоив идею А. Старчевича о «необходимости предпринимать решительные протесты против существующего положения и тем самым способствовать пробуждению национального сознания», участвовал в демонстрации протеста, за что был исключен из гимназии, а затем и из Загребского университета [17, с. 55—60].

Но уже тогда братьев Радичей отличало от «старых» политиков непоколебимое убеждение в том, что хорваты должны сами бороться за свое освобождение, не уповая на внешнюю помощь, не дожидаясь благоприятной политической обстановки в Европе [17, с. 115].

Они положительно оценили известие о достижении соглашения между Независимой национальной партией и Партией права, о создании объединенной оппозиции в 1893 г. Они еще верили в возможность объединения всего хорватского народа под национальным знаменем борьбы против угнетения. Они видели необходимость единства и вред «раздоров» (только что прошли неудачные для оппозиции выборы в Сабор 1892 г.). По их мнению, партийные разногласия были порождены эгоизмом политических деятелей, их «догматизмом».

Братья Радичи полностью приняли программу объединенной оппозиции, которая состояла в следующем: 1) создание объединенной и независимой Хорватии в рамках Австро-Венгрии; 2) введение конституции,

гарантирующей свободу и национальный суверенитет; 3) достижение этих целей путем законных, свободных выборов [17, с. 502—503].

Отношение к хорватско-венгерскому Соглашению 1868 г. было в тот период у Радичей противоречивым. С одной стороны, они считали его незаконным и критиковали Независимую национальную партию, признавшую его. С другой стороны, они рассматривали это Соглашение как гарантированное конституцией право хорватского народа на национальное развитие, как средство борьбы за изменение статуса Хорватии.

Но радужным надеждам не суждено было сбыться. Очень быстро (в 1894 г.) объединенная оппозиция развалилась — она объединила слишком разнородные силы, чтобы долго просуществовать [16, с. 119].

Основное содержание второго этапа — с 1895 по 1898 г. — поиски реальной силы, которая могла бы освободить Хорватию. Вместе с другими «молодыми» политиками С. Радич входит в весьма аморфную группу, выражавшую в основном интересы становившейся на ноги хорватской национальной буржуазии города и деревни. Эта группа подняла на качественно новый уровень хорватскую национально-политическую идеологию, внося в нее под непосредственным влиянием Т. Масарика «социальный момент» [13, с. 42—45].

Нельзя не отметить большую роль в формировании мировоззрения С. Радича поездки в Москву в 1896 г., во время которой он познакомился с произведениями русских народников (Н. Михайловского, В. Воронцова) и глубоко проникся их идеями [16, с. 192, 208]. В Париже в Школе политических наук у профессора Леруа-Болье он продолжил начатое в Москве изучение позитивистских теорий [17, с. 63].

Распад коалиции вызвал со стороны братьев Радичей резкую критику «старых» партий, которые они обвиняли в неспособности защитить настоящие интересы народа. Радичи начинают отрицать необходимость политических организаций, а Степан открыто противопоставляет себя старым политикам. «Нам, молодым, ни партийные склоки, ни личные счеты не помешали бы создать единую группу, в которой нельзя было бы отличать ни бывших обзорашей, ни бывших правашей», — говорил он [17, с. 186]¹. За партийными расхождениями С. Радич, подобно другим буржуазным политикам, не видел и не мог видеть классовых противоречий, разделявших хорватское общество.

Критикуя хорватские политические партии за однобокий, основанный только на государственно-правовых теориях подход к решению социальных и национальных проблем, А. и С. Радичи вслед за Т. Масариком призывали обратить внимание на широкие слои народа, способствовать его хозяйственному, политическому и культурному подъему [13, с. 42—43].

В 1896—1899 г. С. Радич уже отходит от концепции «общенародной борьбы за освобождение». В это время им была не только сформулирована общая идея связи интеллигенции и народа, типичная для того времени либеральная теория, явившаяся сложным переплетением взглядов Т. Масарика, русских либеральных народников, западноевропейских позитивистов и хорватской национальной идеологии. В это же время С. Радич начинает разрабатывать конкретную «реальную» программу сплочения народа для противодействия политике венгерских правящих кругов. Она предусматривала политическое и экономическое просвещение народа, повышение его национального сознания при помощи интеллигенции. С. Радич еще не оставил надежду на то, что интеллигенция вместе с народом свергнет венгерское господство.

Основным принципом политической деятельности в этот период братья Радичи считали соблюдение законности. Они выступали за изменение Соглашения 1868 г., но только в рамках закона, т. е. того же самого Соглашения. Братья Радичи считали также, что «хорватский вопрос» не исчерпывается спорами вокруг Соглашения. А. Радич писал, что «главным недостатком хорватской политики является примитивность мышления, которая происходит от невежества». Он критиковал высказанную младшим

¹ «Обзораша» — члены Независимой национальной партии, сгруппировавшиеся вокруг газеты «Обзор»; «праваша» — члены партии Права.

братом идею о том, чтобы политики занимались просвещением народа. «Политик, — пишет А. Радич, — должен работать с людьми, какие они есть», определять цели борьбы и «готовить конституционную революцию» [16, s. 203—204].

Степан Радич, наоборот, считал просвещение необходимым предварительным условием для ведения общенациональной политической борьбы. Он выдвинул план развития национального сознания хорватского народа путем просвещения. По его мнению, подъем национального сознания делает ненужной политическую деятельность в традиционном ее понимании, и сам хорватский народ, просвещенный интеллигенцией, освободится от венгерского гнета.

Впервые эта программа была изложена С. Радичем в журнале «Хрватска мисао» в 1897 г. В статье «За что мы выступаем» он открыто заявил о разрыве с традиционной хорватской политикой, подчеркивая, что молодежь должна идти своим путем [17, s. 186]. Прежде всего, она должна заботиться о просвещении самых широких слоев народа. Лишь в Хорватии венгерское правительство рассматривает школы только как место воспитания чиновников. Поэтому молодежь должна сама учиться, стремясь не только познать книжную науку, но и сблизиться с народом. Но молодежи необходимы наставники, подобные Масарику или автору «Писем к молодежи о самообразовании» Н. И. Карееву [16, s. 257; 17, s. 65]. С. Радич критикует хорватскую молодежь за «романтический» подход к борьбе за национальное освобождение и призывает ее активно заняться тяжелым повседневным трудом по просвещению народа.

С. Радич считал необходимым переориентировать интеллигенцию, игравшую очень большую роль в политической борьбе, на сближение с народом. Он открыто провозгласил себя лидером молодого поколения, способного, по его мнению, внести новое в хорватскую политику. «Венгры, наши угнетатели, просвещены, следовательно, и нам для борьбы необходимо просвещение. Борьбаться с врагом надо его же средствами», — так рассуждали С. Радич и его брат [17, s. 130; 18, s. 106—108].

Идею просвещения можно считать краеугольным камнем программы Радичей. В переходный от феодализма к капитализму период идеологи буржуазии всегда выдвигали просветительские теории в противовес «средневековой дикости». Помнению братьев Радичей, в конце XIX в. носителем последней было венгерское «феодалное государство».

Постепенно, примерно в 1898—1899 гг., С. Радич, а затем и его брат приходят к мысли о том, что основной движущей силой в национальной борьбе является крестьянство, начинают осознавать себя его идеологами. Это происходит, во-первых, под влиянием роста капиталистических отношений в деревне и подъема крестьянского движения, во-вторых, — вследствие краха надежд Радичей на национальное единение интеллигенции. Углубление социальной дифференциации хорватского общества вызвало раскол в среде молодых политиков и привело, примерно с 1899 г., к постепенному отходу Радичей от этой группы. К 1902 г. процесс размежевания был завершен.

«Я решительно покончил с надеждой, что национальная интеллигенция, не разделенная на „старых“ и „молодых“, „правашей“ и „обзорашей“, свергнет чужое правление. Более, чем когда-либо, я уверен, что это делает сам народ», — писал С. Радич в 1898 г. [16, s. 313]. Именно с этого момента можно считать социальную эволюцию мировоззрения Радичей завершенной: они окончательно становятся выразителями интересов зажиточного крестьянства.

Постепенно у братьев Радичей вырабатывается конкретная программа борьбы за национальное освобождение, главная роль в которой отводилась крестьянству. Они считали, что необходимо создать собственно крестьянскую политическую организацию, иметь свои органы печати, вести агитацию в народе, обеспечить союз всех славянских народов. «Содержанию надо придать форму», — писал С. Радич [16, s. 315].

Идея создания политической организации вытекала из идеи создания просветительских обществ, принадлежавшей Ст. Радичу. Первоначально,

однако, она встретила холодный прием даже у его брата, считавшего, что «все это уже было». Но по мере дальнейшего роста сельской буржуазии и классовой дифференциации в деревне необходимость политической организации стала очевидной. «Нам нужна организация, имеющая прочную хозяйственную базу и социальную опору», — писал сторонник С. Радича С. Корпорич [16, s. 287].

В задачи этой партии должно было входить просвещение народа, развитие его сознания, но прежде всего его политическое представительство в Саборе, в который крестьянские депутаты попадут в результате свободных выборов в Сабор. А когда в Саборе их будет большинство, — тогда, по мнению Радичей, и начнется настоящая борьба за изменение положения Хорватии [17, s. 117].

Победу на выборах, считал С. Радич, можно завоевать лишь через просвещение крестьян, составлявших большинство нации. Они должны понять, кто их настоящий защитник и представитель. А. Радич предупреждал брата против увлечения чисто просветительской деятельностью. «Если народ не просвещен, если нужно воспитывать людей, тогда мыслящий человек, призванный стать вождем народа, либо пришел не во время, либо хочет того, чего народ не хочет» [16, s. 214].

При этом, однако, они рассматривали просвещение народа и выборы в Сабор лишь как средство восстановления в Хорватии истинно хорватского «народного строя», установления «чистой демократии», «братских отношений», которые были разрушены венгерским угнетением. В своих поисках общественного идеала они неизбежно обращались к прошлому хорватского народа, к тем временам, когда у хорватов было собственное независимое государство. Идеализация прошлого была свойственна братьям Радичам, как и вообще всем «романтикам».

Идеализация мелкого крестьянского хозяйства, сначала подсознательная, а затем — осознанная, была основополагающим пунктом теории и практической программы братьев Радичей. Психологическим обоснованием этой идеи послужило обособленное положение крестьянства, сохранившего некоторые элементы неполноправного класса-сословия. Это искусственное ограничение связей крестьянства с остальным миром, усиливавшееся проводимой венгерскими властями политикой, направленной на закрепление изоляции крестьянства и замкнутости крестьянского мира, вызывало у крестьян чувство неравноправия и приниженности.

Постепенно в связи с ростом крестьянской буржуазии, чей юридический статус не отличался от положения бедняков, это чувство обособленности переходит в свойственное буржуазии всех стран чувство собственной исключительности.

Этому способствовал и тот факт, что объективно хорватское крестьянство было хранителем национальных традиций, что осознавалось хорватскими политиками уже тогда. Впоследствии братья Радичи противопоставляли крестьянство всем остальным группам, в особенности интеллигенции и чиновникам, проводившим политику мадьяризации Хорватии. Радичи унаследовали идеал А. Старчевича, считавшего крестьянство «главной опорой народа и государства» и противопоставлявшего его «официальным кругам». Конечно, А. Старчевич способствовал формированию основ классового сознания А. и С. Радичей как представителей мелкой буржуазии. Однако сам был идеологом не крестьянства, а городской мелкой буржуазии.

В представлении братьев Радичей Хорватия была одной большой семьей, все члены которой соединены родственными узами и поэтому должны сообща бороться против «чужаков», оставив в стороне внутренние «распри». Уроки этой борьбы они получили еще в детстве, наблюдая, как их община пытается не допустить нарушения помещиком-землевладельцем «прав» крестьян. Но протест у общинников вызывали тогда только «нарушения» закона, никто и не думал подвергать сомнению закон как таковой [15, s. 30; 17, s. 52].

Вынесенное из детских лет сознание общности интересов и целей всех членов одного коллектива, несмотря на имущественные и прочие различия

Между ними, послужило психологическим обоснованием сформировавшейся много позднее идеи сохранения мелкого крестьянского хозяйства, превращения его в основу общественного организма, идеи приоритета национальных интересов перед всеми остальными, в том числе и социальными.

Подсознательная идеализация крестьянского хозяйства была краеугольным камнем мировоззрения братьев Радичей на протяжении всей их политической деятельности.

В их представлении крестьянский уклад был моделью идеального общества. Этому способствовало и наличие в селе административной структуры и частое территориальное совпадение села и церковного прихода.

Поэтому братья Радичи считали первичную форму объединения крестьян политической, экономической и культурной организацией, соответствующей «славянскому духу», «славянскому характеру». Они смотрели на мелкое производство как на естественный экономический порядок, восставая против крупного капитала, видя в нем инациональный элемент. Представители мелкобуржуазного романтизма не замечали теснейшей связи «народного производства» с ненавистным им западноевропейским капитализмом [5, т. 2, с. 193, 397].

Быт и обычаи хорватских крестьян определяли многие стороны национального и классового сознания братьев Радичей. В их глазах крестьянское хозяйство было той идеальной формой экономической организации общества, при которой любой человек, независимо от своего происхождения, может достичь благополучия. «Если охранители горячо отстаивают старые обычаи, то это потому, что в их уме представления о выгодных, дорогих, привычных им общественных порядках прочно связываются с представлением об этих обычаях», — писал Г. В. Плеханов [23, с. 262].

Несмотря на явное желание братьев Радичей идеализировать хорватское село, представить его как единое целое, лишенное всяких противоречий, они были вынуждены признать существование в деревне «бедняков и лучших хозяев», т. е. наличие социального антагонизма в национально однородной среде.

В. И. Ленин указывал, что «нельзя видеть представителя идеи труда в крестьянине, так как он, являясь при капиталистической организации хозяйства мелким буржуа, в силу этого становится на почву данных порядков, в силу этого примыкает некоторыми сторонами своей жизни (и своих идей) к буржуазии» [5, т. 1, с. 384—385]. Но идеализация крестьянина и его образа жизни (его хозяйства) — одна из характерных черт как народничества, так и романтизма [5, т. 2, с. 206]. Следовательно, одна из существенных черт мировоззрения братьев Радичей свидетельствует об их близости к русскому либеральному народничеству.

Подобно представителям романтизма, Радичи считали, что если большинство населения владеет землей и само ее обрабатывает, то капиталистические отношения в этой среде развиться не могут. Капитализм они рассматривали как присущую только городу систему ведения хозяйства. В их глазах капиталистами были образованные люди, ведущие крупное машинное хозяйство. Мелких же хозяев они капиталистами не считали. В Хорватии крупными капиталистами были в основном лица немецкого и венгерского происхождения. В деревне, резко отличавшейся от города по национальному составу, машины, особенно в крестьянских хозяйствах, почти не использовались, и это давало возможность Радичам отрицать наличие капиталистических отношений в хорватской деревне [15, с. 21—22].

Капитализм ассоциировался в сознании братьев Радичей с юридическим бесправием, с таким положением, когда «хозяин может продать все, что есть у работника, даже не в уплату долга, а по прихоти» [16, с. 317].

Братья Радичи в общем верно оценивали некоторые характерные стороны капиталистического общества, хотя и не имели верного представления о его сути. Они считали общественные противоречия результатом «несправедливого» законодательства и полагали, что сразу же после юридической ликвидации национального гнета все хорваты смогут жить, как братья.

Братья Радичи считали, что прогресс возможен только как результат

«развития экономики и свободы», полагая, что если народ захочет, он сам может создать «материальные условия для своего освобождения».

Экономику они рассматривали лишь как проявление одной из сторон народного быта, главное внимание уделяя не производству, а торговле и финансовой деятельности. Рассматривая экономическое развитие страны с точки зрения интересов крестьянина, они были обеспокоены разорением крестьянства, его денежными затруднениями [17, s. 135]. Причина этого, по их мнению, заключалась в зависимости Хорватии от Венгрии, в экономических мероприятиях «мадьяр, швабов и итальянцев», а практический выход — в совместной финансовой деятельности всех славянских народов [17, s. 135—144]. Подобно другим буржуазным политикам, они искали причины социального неравенства не в сфере производства, а в сфере распределения. Но и в этом случае они критиковали не сам принцип распределения, а его форму, требовали не отмены денег вообще, а лишь создания условий, при которых деньги в достаточном количестве были бы у всех крестьян.

Наиболее ярко идеализм и национальные ограниченность их мировоззрения проявились в критике противоречий капиталистического общества, в противопоставлении «самобытности» социального развития Хорватии и стран Западной Европы, что было свойственно им в начале политической деятельности [19, s. 456—457]. Подобно всем «романтикам», они считали капитализм в Хорватии чем-то случайным, навязанным извне. Радичи рассматривали капитализм лишь как систему законодательных мероприятий и юридических отношений в Хорватии, определенных Соглашением 1868 г., как результат политики венгерского государства, направленной против хорватского крестьянства. По их мнению, хорватам, как и всем остальным славянским народам, присущ особый экономический и социальный порядок.

Братья Радичи резко отрицательно отзывались о «ловких людях», пользующихся для своего обогащения тяжелым положением хорватского народа без затраты собственного труда, т. е. о владельцах фабрик и финансистах, считая их деятельность результатом недостаточного развития национального сознания, проявления «эгоистических интересов».

Братья Радичи очень упрощенно представляли себе социальную структуру Хорватии. Существовали две основные группы: «народ» — в большинстве своем хорватские крестьяне, и «господа» — венгерская аристократия, а также провенгерски настроенные интеллигенция, чиновничество, владельцы предприятий [18, с. 4—7]. Радичи старались затушевать рост классового антагонизма в Хорватии, но и они были вынуждены постепенно признать наличие социального расслоения среди хорватов. Использование труда батраков в сельском хозяйстве объяснялось «братскими» или «семейными» отношениями в крестьянской среде, и не признавалось ими за эксплуатацию, так как сам хозяин тоже трудился. Если же речь шла о «господах» — хорватах, то они объявлялись либо «несознательными», «комадьярившимися», либо «жертвами» венгерской политики, заставившей их эксплуатировать собратьев. Стремление выставить сословные признаки в качестве основных социальных различий сближает Радичей с русскими народниками и свидетельствует о значительных остатках феодальной идеологии в их сознании.

Радичи не видели различия между интеллигенцией и бюрократией, но совершенно верно полагали, что бюрократия составляет опору бана Хорватии Д. Куена-Хедервари. «В Хорватии господин только тот, кто стоит у власти», — писал С. Радич [16, s. 230].

Особо следует выделить отношение братьев Радичей к «рабочему вопросу». Они рассматривали рабочих-хорватов только как вчерашних крестьян, которые были вынуждены покинуть деревню из-за политики венгерского правительства. Как только будет устранен этот отрицательный фактор, эти крестьяне смогут вновь вернуться в деревню, где будут бедно существовать.

По мнению братьев Радичей, противоречия были свойственны только капитализму, насаждаемому венгерскими властями, как «ненародному»

обществу, и что эти противоречия можно легко устранить после ликвидации национального угнетения путем развития положительных сторон славянского характера и хозяйственной организации, а также создания государственных институтов, подобных имевшимся в передовых западноевропейских странах.

Таким образом, критика капиталистических отношений явилась характерной чертой хорватского мелкобуржуазного романтизма. Другой его особенностью была идеализация условий жизни сельского буржуа, в перенесении которых на все общество он видит «спасение человечества». В конце XIX — начале XX в. в Хорватии эта концепция утвердилась как теория самобытного развития, что было обусловлено наличием национального гнета. Но от этой черты, свойственной буржуазии всех стран, как указывал В. И. Ленин, «рукой подать ... до узкого национализма, граничащего с шовинизмом» [5, т. 2, с. 527]. Из-за неспособности преодолеть инерцию идеологических традиций, мелкая буржуазия, особенно в слаборазвитых и зависимых странах, оказывается в духовном рабстве как у господствующих классов «своей» страны, так и у буржуазии более развитых стран. И братья Радичи не были исключением.

Аграрно-национальное движение в целом (как и его вдохновители и руководители А. и С. Радичи), воплотило в себе все противоречия и слабости мелкобуржуазной политики, обусловленные двойственным положением этого социального слоя. Вовлечение в политическую жизнь широких масс крестьянства носило объективно демократический характер по сравнению с традиционной буржуазно-дворянской «хорватской политикой». Но, как отмечал В. И. Ленин, «отличительная и основная черта мелкого буржуа — воевать против буржуазности средствами буржуазного же общества» [5, т. I, с. 362]. Поэтому попытка решить задачу ликвидации национального и социального гнета старыми методами, заимствованными у эксплуататорских классов, была обречена на поражение. Это и доказала идейная эволюция братьев Радичей, выдвинувших в условиях, когда в среде разорявшегося крестьянства зрели революционные настроения, программу аграрных и политических преобразований, отразивших интересы зажиточных слоев хорватского крестьянства, растущей сельской буржуазии.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Югославии, т. I. М., 1963.
2. История Венгрии, т. 2 М., 1972.
3. *Seton-Watson R. W.* The Southern Slav question and the Habsburg monarchy. London, 1911.
4. *Šidak J., Gross M., Karaman J., Šepić D.* Povijest hrvatskoga naroda. Zagreb, 1968.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
6. Венгеро-хорватское соглашение 1868 г. СПб., 1910.
7. *Крестич В.* Хрватско-угорска нагодба 1868. Београд, 1968.
8. *Фрейдзон В. И.* К проблеме периодизации процесса формирования наций у славянских народов Австрийской империи. В кн: III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы. М., 1974.
9. *Kulundžić Z.* Ante Radić i klerikalci. Zagreb, 1951.
10. *Вуковић-Тодоровић Љ.* Хрватски селачки покрет браће Радића, св. I. Београд, 1940.
11. *Фрейдзон В. И.* Социально-политические взгляды А. и Ст. Радичей в 1900-х годах и возникновение хорватской крестьянской партии (1904—1905). — УЗИС, т. XX, М., 1960.
12. *Писарева Ю. А.* Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. М., 1962.
13. *Lovrenčić R.* Geneza politike «novog kursa». Zagreb, 1972.
14. *Gross M.* Povijest pravaške ideologije. Zagreb, 1973.
15. *Radić Stj.* Uzničke uspomene. III. izd. Zagreb, 1971.
16. *Krizman B.* Korespondencija Stjepana Radića, sv. 1. Zagreb, 1972.
17. *Radić Stj.* Politički spisi. Zagreb, 1971.
18. *Radić A.* Sabrana djela, sv. 1. Zagreb, 1936.
19. *Novak V.* Antologija jugoslovenske misli i narodnog jedinstva (1390—1930). Beograd, 1930.
20. *Маркс К. и Энгельс Ф.* Соч., т. 8, М., 1957.
21. *Weisner L.* Stjepan Radić i A. G. Matoš. In: L. Weisner, Fr. Polic, U. Donadi. Zagreb, 1971.
22. Hrvatska svjedočanstva о Rusiji. Zagreb, 1945.
23. *Плезанов Г. В.* Избранные философские произведения, т. II. М., 1956.

РУССКОЕ ПОСОЛЬСТВО В СТАМБУЛЕ В 1613 г. И РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ

1612—1613 гг., как известно, являются важной гранью и в истории русско-польских отношений, и в развитии международных отношений в восточноевропейском регионе в целом.

В эти годы народно-освободительное движение русского народа, нашедшее свое выражение в знаменитом выступлении первого, а затем второго ополчений привело к провалу планов польско-литовских и шведских интервентов, освобождению Москвы и восстановлению самостоятельного Русского государства.

Одной из важнейших мер, предпринятых новым, утвердившимся в Москве правительством, стала отправка в июне 1613 г. в различные государства Европы и Азии целой серии посольств. Их задачей было торжественно сообщить о восстановлении русской государственности и изгнании интервентов из Москвы, рассказать об «обидах», нанесенных Русскому государству польско-литовскими и шведскими феодалами, и просить о помощи для освобождения тех русских земель, которые еще оставались под иноземной властью. Одно из таких посольств было отправлено в июне 1613 г. в Стамбул.

Несомненно, что этому посольству придавалось в Москве особо важное значение. Османская империя была великой державой того времени, а ее владения граничили непосредственно и с Россией, и с Речью Посполитой. Ее позиция (благоприятная или враждебная) могла оказать существенное влияние на результаты борьбы за возвращение захваченных польско-литовскими феодалами русских земель.

Первым исследователем, уделившим внимание этому посольству, был С. М. Соловьев. В своем известном обобщающем труде по русской истории он посвятил ему небольшую заметку, размером в полстраницы. В ней без каких-либо комментариев кратко излагалась царская грамота султану с предложением о союзе против Речи Посполитой и приводился положительный ответ везира на это предложение [1, с. 62].

Затем, уже в XX в., русским посольством в Турции³ заинтересовались польские историки. Биограф С. Жолкевского А. Прохаска также поместил в своей книге перевод царской грамоты султану, найденный в польских архивах. По его мнению, посольство добилось определенного успеха: начавшиеся с 1614 г. набеги татар на Речь Посполитую он считал результатом русско-турецкого соглашения. В подтверждение своей точки зрения он приводил оценку ситуации королем Сигизмундом III в инструкции на сеймики 1614 г. [2, с. 361—363]. Другой исследователь, автор специальной работы о русско-польских отношениях 1613—1615 гг. К. Тышковский использовал более широкий круг источников, в частности, донесения австрийского посла в Стамбуле М. Старцера. В оценке результатов посольства К. Тышковский разошелся с А. Прохаской: по его мнению, русские дипломаты не получили в Стамбуле ничего, кроме не выполненных впоследствии обещаний [3, с. 46—47].

Наметившиеся разногласия проявились затем и в работах исследователей последующего времени. К сожалению, посольство 1613 г. не привлекло внимание автора монографии по истории русско-турецких отношений XVI—XVII вв. Н. А. Смирнова: он по существу ограничился пересказом сведений, приведенных у С. М. Соловьева [4, с. 4—5]. Зато этим эпизодом истории международных отношений заинтересовался А. А. Новосельский, автор обобщающего труда по истории русско-крымских отношений первой половины XVII в.

При изложении истории самого посольства и он почти не вышел за рамки сведений, сообщенных уже С. М. Соловьевым, но его несомненной заслугой было рассмотрение этих сведений в связи с изменениями, происходившими в эти годы в польско-турецких отношениях. Общий вывод А. А. Новосельского заключался в том, что происшедший в 1612 г. конфликт между Турцией и Речью Посполитой создал такую ситуацию, когда султан оказался заинтересованным в сотрудничестве с Русским государством. Поэтому все предложения русских послов были приняты турецким правительством, что означало формальное закрепление возникшего уже ранее фактического сотрудничества против Речи Посполитой [5, с. 80—83].

В сравнительно недавнее время посольство 1613 г. посвятил специальную работу австрийский исследователь В. Ляйч. В отличие от А. А. Новосельского, основывавшегося на русских архивных источниках, В. Ляйч использовал сообщения о посольстве в донесениях представителей европейских дворов, аккредитованных в Стамбуле. В своей оценке деятельности посольства В. Ляйч присоединился к К. Тышковскому. По его мнению, посольство, добивавшееся заключения союза с Турцией против Речи Посполитой, не достигло своей цели, так как султан не считал ослабленное Русское государство серьезным политическим партнером [6, с. 247—248]. Имеющиеся разногласия заставляют снова обратиться к рассмотрению этого важного эпизода в истории международных отношений в Восточной Европе, тем более что русские архивные материалы о посольстве были использованы исследователями не полностью. Анализ этих данных помогает внести поправки в имеющиеся представления и выяснить действительную роль русского посольства 1613 г. в развитии отношений России, Речи Посполитой и Турции во втором десятилетии XVII в.

И А. А. Новосельский, и В. Ляйч согласны в том, что, пока шла неудачная для Османской империи война с Ираном, турецкое правительство вело по отношению к Восточной Европе очень осторожную политику. Речь Посполитая использовала создавшееся положение для укрепления своего влияния в Дунайских княжествах, и прежде всего в Молдавии, где на господарском троне сидел польский ставленник Константин Могила [5, с. 80; 6, с. 249, 251]. Турецкое правительство до поры до времени терпело это положение, чтобы не подвергать ослабленную Османскую империю риску войны на двух фронтах.

Однако уже тогда существовали силы, добивавшиеся, чтобы султан вмешался в ход событий и не допустил захвата Русского государства польско-литовскими феодалами. Это был прежде всего находившийся в конфликте с Речью Посполитой семиградский князь Сигизмунд Баторий. Он еще весной 1611 г. убеждал султана обратить внимание на московские дела и даже отправил в Россию через Крым посланца, чтобы установить связи с противниками польско-литовских интервентов [6, с. 251]. Другой группировкой, обеспокоенной развитием событий в Восточной Европе, были константинопольские греки и их глава — патриарх, привыкшие в XVI в. получать постоянную материальную и политическую поддержку от русского правительства, связывавшие с Русским государством надежды на освобождение от османского ига. Важное сообщение об их деятельности в это время выявил В. Ляйч. Осенью 1611 г. австрийский посол сообщал, что происшедшее в том же году нападение татар на Речь Посполитую было организовано «теперешним патриархом», который, кроме того, «письменно» призывал «москвитов» к выступлению против интервентов, обещая им помощь «с другой стороны», т. е. из Турции [6, с. 252—253].

По-видимому, именно такие шаги семиградского князя и константинопольского патриарха явились причиной того, что первым иностранным государством, к которому обратилось за помощью возглавившее борьбу против интервентов правительство «первого ополчения», оказалась Турция.

Как видно из донесения французского посла А. Арле, в марте 1612 г. в Стамбуле появилось русское посольство с просьбой к султану «защитить москвитов от польского короля». Однако посланцам «ополчения» не удалось добиться успеха: их выпроводили «со срамом и с угрозами». Султан заявил, что он не намерен рисковать разрывом мира с польским королем [7, с. 122]. Таким образом, первая попытка русской дипломатии оказалась неудачной. Турецкое правительство предпочло следовать своей прежней политике.

Однако вскоре, заключив мир с Ираном, Османская империя приобрела свободу действий. В то же время осложнилось положение в Молдавии. Выступая против Речи Посполитой, семиградский князь С. Баторий зимой 1611/12 гг. выгнал из Молдавии Константина Могилу и посадил на господарский трон боярина Стефана Томшу. Не желая терять свои позиции в княжестве, правительство Речи Посполитой летом 1612 г. отправило в Молдавию для восстановления на троне Константина Могилы его родственника Стефана Потоцкого с войском. Раньше Турция была вынуждена мириться с польским вмешательством в молдавские дела, но теперь положение изменилось. Потерпев неудачу в борьбе с Ираном, турецкое правительство перенесло свое внимание на Балканы, уделяя главное внимание восстановлению своих ослабленных позиций в Дунайских княжествах. На реке Прут С. Потоцкий столкнулся не только с молдавской ратью, но и с османскими и крымскими войсками и был разбит наголову [5, с. 80—81; 2, с. 104—106].

Хотя поход С. Потоцкого закончился неудачей, для турецкого правительства он послужил предостережением, что Речь Посполитая не желает сдавать без боя свои позиции в Молдавии. Перед турецкими политиками встала задача заставить Речь Посполитую отказаться от своих притязаний. В связи с этим в Стамбуле усилился интерес к восточноевропейским делам. Происшедшие перемены не прошли мимо внимания константинопольских греков, снова усиливших свое воздействие на правительство. Как сообщал в августе 1612 г. австрийский посол, «греки стараются, как только возможно, раздуть пламя из-за потерянной Москвы» [6, с. 252].

В августе 1612 г., как сообщал французский посол, султан стал склоняться к тому, чтобы послать своего представителя к выступающим против польского короля «москвитам», «чтобы ободрить их и обещать им помощь» [7, с. 151].

К тому времени об обострении польско-турецких отношений стало известно и руководителям «второго ополчения». Так, во время переговоров в августе 1612 г. с желавшими наняться на русскую службу англичанами Д. М. Пожарский говорил, что на Речь Посполитую за преступления ее правителей обрушился «гнев божий»: «Турские и Крымские люди Подольскую землю и Волинь воюют без выходу» [8, с. 57]. Когда в феврале 1613 г. в Речь Посполитую был отправлен для переговоров о перемирии гонец Д. Оладын, одной из целей его миссии было выяснить «есть ли ныне в Польше и в Литве Турские воинские люди и есть ли Польской и Литовской земле от Турских и от Крымских людей утеснение» [9, с. 321].

Зная об этом, новое русское правительство, освободившее Москву от интервентов, попыталось возобновить переговоры с Османской империей. В июне 1613 г. от имени нового царя Михаила Романова в Турцию были отправлены русские послы П. Протасьев и М. Данилов.

К сожалению, посольский наказ не сохранился, и о целях посольства можно судить лишь по черновику царской грамоты султану [10, л. 1—30]. Грамота начиналась подробным изложением событий «смуты», обличала «неправды» короля Сигизмунда и Речи Посполитой и сообщала об избрании на русский трон царя Михаила. Затем в ней упоминалось о «дружбе» прежних царей с «салтаны константинопольскими» и говорилось, что по

их примеру и царь Михаил желает быть в дружбе и любви с султаном «мимо всех великих государей».

В заключительной части документа султану предлагалось прислать в Москву послов для заключения с царем соглашения против Сигизмунда III и Речи Посполитой, чтобы «стояли с нами, великим государем, на него и на Коруну Полское и на Великое княжество Литовское вместе». В черновике были написаны также зачеркнутые затем слова, мотивировавшие предложение о союзе: когда Сигизмунд III разорил Москву, то «паны — рада в те ж поры в Волохех и в Мутьянской земле всчали». Хотя эти слова и были потом вычеркнуты, ясно, что именно известия об ухудшении польско-турецких отношений побудили русское правительство снова обратиться в Стамбул. С послами была отправлена также грамота константинопольскому патриарху Тимофею, которого царь просил поддержать его предложение при дворе султана [11].

Выехав в июне из Москвы послы лишь в конце октября 1613 г. добрались до турецкой крепости Азова. К этому времени положение серьезно изменилось по сравнению с летом 1612 г. Происшедшие изменения не отметили ни А. А. Новосельский, ни В. Ляйч, а между тем без их учета невозможно оценить реальное значение русского посольства.

Потерпев крупную неудачу в России, оказавшись в конфликте с Османской империей, правительство Сигизмунда III стремилось не допустить соглашения между своими противниками. Когда весной 1613 г. Сигизмунд III отправил в Турцию своего посланца А. Горского, то одной из главных целей посольства было воспрепятствовать действиям московских послов, если они появятся в Константинополе. С этой целью посол должен был внушать турецким сановникам, что силы, ищущие контактов с султаном, в действительности не имеют внешней поддержки и не пользуются влиянием в стране, большая часть которой признает своим законным правителем сына Сигизмунда, королевича Владислава [12, с. 130].

Разумеется, правительство султана не было так наивно, чтобы положиться только на заявления польского дипломата, но их, казалось, подтверждали сведения, поступившие в Стамбул из Поволжья — той части Русского государства, которая издавна привлекала к себе пристальное внимание османских политиков. Именно летом 1613 г., как увидим далее, в Стамбуле появились послы Иштерека, главы Большой Ногайской орды, кочевавшей в низовьях Волги, с просьбой принять орду под верховную власть султана. Тогда же обратился за помощью к султану и Иван Заруцкий. Он летом 1613 г. захватил Астрахань и рассчитывал с персидской или турецкой помощью удержаться там и захватить соседние русские земли. Эти намерения встретили поддержку Больших Ногаев. Сподвижники Заруцкого и ногайские мурзы обсуждали план совместного похода по Волге к Самаре и Казани [5, с. 89]. Как сообщал своему правительству голландский представитель в России И. Масса, Заруцкий «послал еще к туркам, обещая отдать им царство Астраханское, если они прикажут крымским татарам помочь ему завоевать царство Казанское» [13, с. 235].

Появление послов Заруцкого и Иштерека как будто подтверждало правильность польско-литовских сообщений о политическом распаде и ослаблении Русского государства. В начале осени 1613 г. в Стамбуле созрело решение вмешаться в ход событий и овладеть Поволжьем, до того как Сигизмунд окончательно укрепится в России и сможет помешать осуществлению этого плана.

Когда в конце ноября 1613 г. послы Михаила Федоровича добрались до Каффы — опорного пункта турецкой власти в Крыму — здесь уже находился ногайский посол, возвращавшийся от султана к Иштереку. Новый каффинский паша Мустафа должен был прежде всего «ставить город на Мертвом Донце и казаков с Дону збить». Ногайскому же послу предстояло доставить в Большую Орду приказ султана «итти Иштереку под Астрахань». В этом походе должны были также принять участие крымские татары, вассалы султана из числа «черкаских» князей и турецкие войска [10, л. 179—180].

В момент прибытия русских послов в Каффу Мустафа собирал по всем

турецким крепостям в Крыму «ратных людей» для участия в этой экспедиции. Не удивительно, что в Каффе русские послы оказались по-существу в заключении; по их словам, им «корму не давало недель восемь и теснота была великая» [10, л. 180].

Однако через два месяца из Стамбула пришел приказ доставить послов в столицу империи, «иштерекова татарина позадержать» и прекратить приготовление к походу на Астрахань. Паша Мустафа, притеснявший русских послов, был из Каффы переведен в Азов [10, л. 180]. Происшедшие перемены к лучшему послы связали с вмешательством старого каффинского паши Ахмета, предшественника Мустафы. Однако, вероятно, не меньшую, если не большую роль сыграл при этом крымский хан Джанибек-Гирей. Не случайно в одном из донесений австрийского посла указывается, что сообщения о русском посольстве пришли не только из Каффы, но и от «татарского хана» [6, с. 253].

К концу 1613 г. у крымского хана установились довольно тесные связи с правительством царя Михаила. Одновременно с отправкой посольства в Константинополь в июне 1613 г. был отправлен гонцом к крымскому хану сын боярский Воин Пургасов [14, л. 7, 21]. Но если Протасьев и Данилов добрались до Крыма лишь поздней осенью 1613 г., то Пургасов попал туда значительно раньше. Из относящихся к октябрю 1613 г. инструкций новому послу в Крыму А. Лодыженскому видно, что к этому времени В. Пургасов не только добрался до Крыма, но и вернулся обратно с ханским гонцом Аллаш-богатырем. Присланная с ним ханская грамота не сохранилась, но ее содержание можно установить по ряду упоминаний в наказе А. Лодыженскому. Так, в грамоте указывалось, что хан «на государевы украины царевичем и князем и мурзам с воинскими людьми ходити не велел» [14, л. 52]. Еще более важно, что и устно Воичу Пургасову и письменно в своей грамоте хан обещал в том же году послать войска на Речь Посполитую — «брата своего калгу Девлет-Гирея царевича и князей и мурз со многими ратьми» [14, л. 9, 50—51]. Правда, это обещание не было выполнено (татары «в Польской и в Литовской земле ныне войною нигде не объявились» [14, л. 52]) и русские послы должны были добиваться его осуществления, но все равно очевидно, что к концу осени 1613 г. были в полном разгаре переговоры о заключении между Россией и Крымом союза, направленного против Речи Посполитой¹. Такая направленность крымской политики не должна удивлять: стремясь в своих интересах поддерживать равновесие сил между восточноевропейскими державами, крымские правители считали целесообразным оказать помощь более слабой в данный момент России против чрезмерно усилившейся Речи Посполитой. В Крыму к этому времени также поняли то, что еще не было ясно в Стамбуле: расчеты на распад Русского государства нереальны. К тому же, как показал А. А. Новосельский, планы укрепления Османской империи в Поволжье и, в частности, установление турецкого протектората над Ногайской ордой, вызывали недовольство и хана, и крымской знати, опасавшихся ослабления автономии ханства [5, с. 93].

Можно думать поэтому, что в описанном выше эпизоде крымская дипломатия могла сыграть объективно положительную по отношению к России роль. Весьма вероятной представляется и дружественная поддержка русского посольства со стороны константинопольских греков. Неслучайно в феврале 1614 г. австрийский посол сообщал из Стамбула, что «греки в этой земле совещаются, как привести московитов и турок к союзу против Польши» [6, с. 252], а позднее, когда П. Протасьев и М. Данилов прибыли в Стамбул, константинопольский патриарх Тимофей «честь» им «воздал великую» [10, л. 205].

Это, конечно, предположения, хотя, как кажется, достаточно обоснованные. Бесспорным фактом, однако, является отказ султана от планов похода на Астрахань. А это уже можно расценить, как бесспорный успех

¹ Нельзя согласиться с утверждением А. А. Новосельского, что мир между Крымом и Россией был заключен «автоматически» после установления контактов между Москвой и Стамбулом [5, с. 81]. На деле такое соглашение предшествовало, как видим, русско-османским переговорам.

русской внешней политики. Думается, что прежде всего повлиял на это решение сам факт появления на турецкой территории посольства из Москвы, факт, убедительно опровергавший сообщение о политическом распаде Русского государства.

26 марта послы отплыли из Каффы в Стамбул, куда прибыли 13 апреля. Здесь, как отметили сами послы, их встречали «с великой честью»². 30 апреля послов принял великий везир Насып-паша, а 1 мая состоялась аудиенция у султана [10, л. 180—181], что означало официальное признание царя Михаила Османской империей. Это был новый успех русской внешней политики и проигрыш правящих кругов Речи Посполитой, утверждавших, что единственным законным правителем России является сын Сигизмунда III Владислав.

Из донесений, собранных В. Ляйчем, хорошо видно, какие слухи ходили среди иностранных дипломатов в Константинополе о русско-турецких переговорах. Говорилось о том, что русские по требованию турок в обмен за помощь готовы платить султану дань, уступить Казань, Астрахань, признать турецкий протекторат над Ногайской ордой [6, с. 254—255]. Все эти слухи вовсе не подтверждаются сохранившимися русскими записями. Хотя в отписке послов содержание переговоров излагалось лишь суммарно, нет оснований сомневаться, что подобные требования послы довели бы до сведения русского правительства, если бы они были выставлены. В ней не только не упоминается о чем-либо подобном, но, наоборот, неоднократно отмечается близость позиций обеих сторон. Уже 30 апреля, принимая послов, великий везир Насып-паша, не только заявил, что султан желает дружбы с Московским государством, но и поздравил их с тем, что Московское государство «от польских и от литовских людей очистилось» [10, л. 180]. А на встрече, состоявшейся 1 мая, перед официальным приемом везир сообщил о намерении султана послать «войной» на Речь Посполитую вместе с турецким войском своих вассалов — крымского хана, валашского и молдавского воевод. «На литовского короля, — передавали послы слова великого везира, — государь их, Ахмет-салтан, хочет стояти со своей стороны, а тебе б, великому государю, стояти с своей стороны» [10, л. 182].

По-видимому, опираясь именно на эти факты, А. А. Новосельский сделал вывод об оформлении уже в то время союза между Россией и Турцией, направленного против Речи Посполитой [5, с. 83]. Это положение А. А. Новосельского вызвало возражения В. Ляйча. Согласно сообщениям иностранных дипломатов об ответе султана на царскую грамоту, которыми располагал исследователь, султан вовсе не дал согласия на русское предложение о союзе, а только обещал «увещевать» польского короля, чтобы тот не наносил вреда «москвитам». Лишь в случае, если эти «увещания» окажутся тщетными, султан соглашался обсудить вопрос о других мерах. Оценивая такой ответ, представители европейских дворов полагали, что русские послы не получили от турецкого правительства ничего кроме «пустых обещаний». В. Ляйч считал, что эти оценки соответствовали действительности [6, с. 256—257]. Он также отметил, что война между Турцией и Речью Посполитой после приезда русских послов не началась. Более того, осенью 1614 г. отношения между Турцией и Речью Посполитой улучшились. Объяснялось это, по его мнению, сложностями, возникшими для Османской империи в Трансильвании, а также тем, что в Стамбуле пока не считали Русское государство достаточно серьезным партнером и лишь в будущем предполагали оценить его возможности, отправив с русским посольством в Москву своего гонца [6, с. 254—255].

Разбирая аргументацию австрийского исследователя, надо отметить, что судить о результатах русско-турецких переговоров следовало бы по материалам самих переговоров, а не по сообщениям иностранных наблюдателей. Однако, несмотря на методический просчет, В. Ляйч в данном случае не допустил ошибки. В более позднем русском архивном деле сохранился русский пересказ султанской грамоты. В нем, в частности, гово-

² Один из польских агентов в Константинополе также позднее сообщал, что «ни один посол не был принят так торжественно» [15, с. 386].

рилось: «будет ныне и вперед литовский король государству нашему (России. — *Б. Ф.*) похочет дурну учинити, и нам бы (т. е. царю) к вам бы (т. е. к султану) прислати послов, и с ними о всем к вам приказати подлинно о вспоможении на польского короля» [16, л. 55—56]. Таким образом, содержание турецкого ответа в донесениях иностранных дипломатов было передано правильно. И прав в этом вопросе оказался В. Ляйч, а не А. А. Новосельский: договор о союзе между Россией и Турцией против Речи Посполитой в 1613 г. не был заключен.

Из этого еще не следует, что можно положиться на оценки европейских дипломатов и считать переговоры русских послов в Стамбуле совершенно безрезультатными. Рассмотрение характера турецко-польских отношений после пребывания русского посольства в Стамбуле приводит к иным выводам. Характерно, что сразу после торжественного «отпуска» русских послов в Стамбуле приступили к демонстративным приготовлениям к войне с Речью Посполитой. Как сообщали русские послы, еще до их отъезда из этого города «по многие дни биричи кликали, чтоб ратные люди: чауши, спаги и янычаре шли воевать в Литовскую землю» [10, л. 185]. В начале сентября беглербег Румелии с войском в сопровождении татар и отрядов молдавского и валахского господарей перешел Днестр и стал у Очакова. Одновременно к Аккерману подошла турецкая эскадра [12, № 105; 2, с. 111—112]. Тогда же в грамоте, направленной польскому королю, было заявлено, что беглербег послан против казаков и будет искать их, где бы они ни находились, хотя бы в самой Речи Посполитой [12, № 110].

В. Ляйч верно отмечает, что турецкое войско так и не вступило на территорию Речи Посполитой, но, вопреки его мнению, напряженность на южной границе Речи Посполитой после этого не спала. Уже в феврале 1615 г. большая татарская орда вторглась на южные земли Речи Посполитой, а весной 1615 г. на Днестре снова появилось войско румелийского беглербега. Действия турок и татар были явно согласованы: летом турки заставляли Речь Посполитую держать армию на границе, а потом, когда польское войско уходило на зимовку, начинались татарские набеги [17, с. 18—24]. Это состояние перемежающихся османских демонстраций силы и крымских набегов продолжалось до сентября 1617 г., когда по миру, заключенному под Бушей на Днестре, Речь Посполитая взяла на себя обязательство не вмешиваться в дела Дунайских княжеств и передала молдавскому господарю Хотин, который ранее удерживался польско-литовским правительством как база для возможных военных операций в Молдавии [2, с. 127—130]. Так, оказывая на Речь Посполитую давление, турецкое правительство добилось ее отказа от борьбы за влияние на Балканах. А. А. Новосельский, анализируя данные о татарских набегах на Речь Посполитую, правильно отметил их усиление в 1615—1617 гг. [5, с. 115—116]. Он был неправ лишь в том, что видел в этом простое следствие русско-турецкого соглашения, которые в действительности не было заключено. Однако его ошибка менее значительна, чем ошибка В. Ляйча, который вообще не принимал во внимание эти факты при оценке результатов русского посольства в Стамбуле. Между тем, совершенно неслучайно турецкое правительство изменило свою политику именно после появления послов Михаила Федоровича в Стамбуле³. Именно с этого момента турецкие политики могли уяснить себе реальную ситуацию в Восточной Европе, размер неудачи, понесенной польско-литовскими интервентами в России, понять, что в ближайшие годы военные силы Речи Посполитой будут заняты борьбой с русской армией и она станет не способной к серьезному конфликту с другой державой⁴. Именно убедившись в том, что Русское государство является серьезной политической силой, способной дать отпор польско-литовским феодалам, турецкое правительство и избрало

³ Характерно, что несмотря на конфликт 1612 г., ни в 1613, ни в начале 1614 г. не было ни враждебных акций турок, ни татарских набегов на южные земли Речи Посполитой [17, с. 16].

⁴ Хотя сама Османская империя была ослаблена неудачной борьбой с Ираном и не готова к ведению большой войны, она вполне могла угрожать войной государству, находившемуся в еще худшем, чем она, положении.

свой новый курс, который принес ему успех. Хотя при этом султан и его советники исходили из своих интересов, такая их политика имела реальные последствия и для Русского государства. Уже первая турецкая «демонстрация силы» летом 1614 г. вызвала сильное беспокойство в правящих кругах Речи Посполитой. На границу было спешно двинуто «кварцянское войско» во главе с гетманом С. Жолкевским, к которому присоединились «почты» ряда магнатов и шляхта южных воеводств. По всей стране были разосланы «универсалы» о необходимости подготовки к созыву в случае войны «посполитого рушения» [12, с. 141, 147, 154—155]. Повторявшиеся турецкие демонстрации и татарские набеги заставили Речь Посполитую и в последующие годы держать на южной границе значительную часть своих военных сил. Это прямым образом отразилось на положении на восточном фронте, где русские войска очистили значительную часть захваченных польско-литовскими интервентами территорий. Не желая потерять полностью свои захваты на востоке, польско-литовское правительство, как уже отмечено выше, пошло на соглашение с Турцией. Тем самым часть стоявших на южной границе войск смогла принять участие в походе, целью которого было посадить на русский трон королевича Владислава [2, с. 122—123, 128—129]. Однако прежде чем это произошло русское правительство получило по-существу трехлетнюю передышку, которая позволила заметно улучшить военное положение и подготовиться к отражению попытки нового вмешательства в русские дела. В этом, пожалуй, следует видеть главный успех русской дипломатической миссии в Стамбуле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. V. М., 1961.
2. Prochaska A. Hetman Stanisław Żółkiewski. Warszawa, 1927.
3. Tyszkowski K. Wojna o Smoleńsk. Lwów, 1932.
4. Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв., т. II. М., 1946.
5. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948.
6. Leitsch W. Sultan Ahmed und Mihail Romanow im Jahre 1614. Der Beginn einer neuen Epoche in der russisch-türkischen Beziehungen — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. München, 1956, Bd. 4, Hf. 3.
7. Hurmuzaki E. Documente privitoare la istoria Romanilor. Supplementum, vol. I. București, 1886.
8. Акты времени междоусобицы (1610 — 1613 гг.). М., 1915.
9. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранных. Т. V. М., 1913.
10. Центральный государственный архив древних актов (далее: ЦГАДА), ф. 89 (Сношения России с Турцией), 1613 г., д. 1.
11. ЦГАДА, ф. 52 (Сношения России со странами Балканского полуострова), 1613, д. 1.
12. Жерела до історії України — Руси. Т. VIII. Львів, 1908.
13. Вестник Европы, 1868, январь.
14. ЦГАДА, ф. 123 (Сношения России с Крымом), 1613 г., д. 1.
15. Hurmuzaki E. Documente privitoare la istoria Romanilor. Supplementum II, vol. II. București, 1895.
16. ЦГАДА, ф. 89, 1616 г., д. 2.
17. Horn M. Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemie Rzeczypospolitej polskiej w latach 1600—1647.— Studia i materiały do dziejów wojskowości, t. VIII, cz. 1, Warszawa, 1962.

К ПРОБЛЕМЕ ПОЭТИКИ СЛАВЯНСКОГО БАРОККО «ВЕРТОГРАД МНОГОЦВЕТНЫЙ» СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

«Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого — одно из крупнейших стихотворных произведений XVII столетия, воплотившее разнообразные художественные идеи славянского литературного барокко в духе школьной поэтико-риторической традиции. Только этим, конечно, объясняется тот факт, что многие вирши и стихотворные циклы «Вертограда» композиционно или тематически прямо соотносятся с «прикладами» из античных латинских и средневековых польских поэтов, которыми изобиловали практико-теоретические руководства, служившие учебными пособиями в Киево-Могилянском коллегиуме, а также в Виленской академии (там, где Полоцкий получил филологическое образование). Как убедительно показал Р. Лужный [1, с. 22—47], смысловое ядро этих школьных учебников составляли наставления, заимствованные главным образом из знаменитых трактатов «христианского Горация» — М. К. Сарбевского: «O pœzji doskonałej», «Wykłady poetyki», «De acuto et arguto». О раннем знакомстве Симеона Полоцкого с названными трудами Сарбевского свидетельствует сделанный им в марте-апреле 1653 г. конспект лекций, состоящий из отдельных тетрадок под заглавиями — «Commemoratio brevis poeticae» и «Rhetorica practica...» [2]. Однако было бы неверным ограничивать поэтические познания Симеона пределами школьной программы. Это кажется тем более очевидным, что для выяснения жанровой природы «Вертограда многоцветного» теоретические выводы любого известного ныне учебника XVII в. по поэтике или риторике [3—6] будут явно недостаточными.

Можно с уверенностью сказать, что Симеон Полоцкий, работая над «Вертоградом», использовал богатый опыт европейской (в первую очередь польской и украино-белорусской) поэзии в деле построения многочастной композиции и плана (*compositionis et dispositionis polinomines*) объемных произведений. Особенно полезный материал для этого представляли гномологические и эпиграмматические сборники. А через стихотворный афоризм и эпиграмму поэт закономерно должен был обратиться и к современной ему эмблематической поэтике, поскольку в искусстве барокко эпиграмматика была функционально связана с эмблематикой: одна предполагала соответствующую наглядную иллюстрацию, другая — требовала пояснений словесных. Такое заключение подтверждается всей сложно-семантической жанровой структурой «Вертограда многоцветного». Ее исследование нам хотелось бы предварить кратким экскурсом в историю европейской собирательной литературы. Метафорическое уподобление собрания стихотворных сентенций красочному «соцветию» или «саду» («цветнику») возникло очень давно. Еще в эллинистической поэзии сложился, по терминологии Д. С. Лихачева [7, с. 42—71], «составной жанр», получивший название — антология (от греч. *ἀνθός* — цветок, *λεῖψω* —

собираю). Первой полной антологией греческой эпиграмматики стал «Палатинский цветник» византийского грамматика X в. Константина Кефалы. Это собрание включило в себя антологии, составленные в эпоху эллинизма Мелеагром и Филиппом из Фессалоники, антологию византийского поэта VI в. Агафия Миринейского и другие сборники эпиграмматических образцов, признанных лучшими. Систематизированные Кефалой по четырем группам (любвные, посвятительные, надгробные и эпидейктические) примеры лучших эпиграмм были призваны облегчить изучение изящной поэзии начинающим стихотворцам и помочь уже профессиональному мастеру в выборе искомым выразительных средств [8, с. 32—33]. Несколько позднее, вероятно в конце X — начале XI в., появляются и латинские переработки, а также собственно латинские образчики по типу греческих антологий — флорилегии (лат. florilegium — калька от греч. ἀνθολογίον). Перед нами весьма своеобразный метастазис позднеантичного художественного мышления, когда природная форма становится относительно устойчивой аллегорией, «условным знаком», сигнализирующим об определенном жанре литературного произведения. Приблизительно в то же время — распространения стихотворных «Цветников» на Востоке и на Западе — семантическое поле «заглавной» метафоры «собрание цветов» начинает расширяться. Оно уже захватывает не только стихотворные эпиграммы, но и прозаические тексты различного содержания. Так возникают всевозможные Horti («Сады»), тематика которых отличается энциклопедической пестротой. Постепенно в той группе подобных сборников, которая формируется в регионе римско-католического культурного влияния, намечается внутрижанровая классификация по тематическому принципу. Например, создается сборник, вобравший в себя многие образцовые проповеди — «Hortus pastorum», сборник катехизических вопросов и ответов — «Hortus» или «Flores exemplorum», сборники медицинско-астрологического характера — «Hortus sanitatis», «Hortus amoenus» и т. п. Этот процесс происходил под нарастающим воздействием на собирательную литературу библейской флористической («райской») символики, получившей устойчивые цепочки значений в толкованиях отцов церкви и авторитетных экзегетов. На Руси переводятся и византийские антологии (ср. «Анфологион, сиречь Цветослов»), и латинские Horti (ср. различные «Вертоград»), но в отличие от иностранных прототипов их тематика более разнообразна, «многоцветна».

В польской барочной литературе XVI—XVII вв. жанровая соотнесенность традиционной метафоры («сад, цветник») обретает фактически универсальное выражение. С другой стороны, повышенный интерес творивших в духе барокко польских поэтов к античному наследию способствовал возрождению первоначального значения антологии как систематизированного собрания стихотворных эпиграмм. К такого рода произведениям можно отнести «Ogród fraszek» Вацлава Потоцкого, «Ogrodek, czyli Kwiateczki» Станислава Гроховского, «Wirydarz poetycki» Я. Т. Трембецкого. Последний особенно интересно сопоставить с «Вертоградом многоцветным» Полоцкого. К сожалению, издатель «Wirydarza» А. Брюкнер [9] не сохранил его титульного листа, хотя, судя по «Предисловию» Трембецкого, можно заключить, что изображение на этом листе должно было напоминать эмблематическое изображение на титульном листе окончательной редакции «Вертограда многоцветного» [10]. В предисловии Полоцкого так же, как у Трембецкого, разъясняется иносказательное значение «цветов» — душеполезных знаний из области разных наук и искусств, из священного писания и благочестивых книг. Как в саду каждый человек может выбрать себе по вкусу какой-то цветок, так и в их произведении каждый читатель может найти близкий его сердцу стихотворный «приклад». В то же время «Wirydarz poetycki» не является собственным сочинением Я. Трембецкого. Здесь помещены «Wiersze zbieranej drużyny, Ekscerpta z Dworzank J. Gawińskiego, Wiersze p. Jerzego z Bukowca Szlichtinka, J. Pastorii carmina» и др., тогда как «Вертоград многоцветный» составлен почти целиком из стихотворных произведений самого Полоцкого, исключая ряд стихов и завершающую его «Эпитафию»,

написанные Сильвестром Медведевым. Медведев принял участие в белой отделке рукописи Полоцкого [11] и координации ее жанровой структуры [12, с. 301—310]. Несмотря на явные симпатии Полоцкого к польско-латинской барочной эстетике, «Вертоград многоцветный» создавался им в условиях культурной жизни Московской Руси второй половины XVII столетия для русского читателя. Согласование формы и содержания художественного произведения с условиями места и времени предписывалось одним из главнейших эстетических учений барокко — о «декоруме» [13, с. 46]. На Руси стихотворные «Вертограды» были не столь известны, как в расположенных ближе к Польше Украине и Белоруссии (ср. выполненный в 1652 г. Арсением Сатановским для царя перевод сборника «Hortus Reginae» мессенского проповедника XV в. Маффрета — «О граде Царском... собрано от 220 творцов греческих и латинских, как внешних философов, стихотворцев, и историков, врачей, также и духовных богословцев и сказителей писания божественного»). Зато большую популярность среди москвичей имели «Прохладные — или Благопрохладные вертограды» — гомеопатические сборники с нередким приложением синопитико-геомантических и медико-петрологических вкладок из Астрологий, «Шестоднева», «Топографии» Индикошлова и «Физиолога» [14, с. 8—37]. Полоцкий, безусловно, учел это обстоятельство: одинаковость названия его «Вертограда» с популярными лечебниками породила обычный для барочного мастера «литературный курьез»; когда читатель, ожидавший описания лечебных свойств трав и камней, получал совсем неожиданные рецепты — «лекарство духовное». На Украине, например, религиозно-дидактические сентенции, «положенные на вирш», сравнивались с «душевным лекарством» уже в 1607 г. [15], или во время учебы Полоцкого в Киеве (см. стих. «Лекарство розкошником того света правдивое») [16]. Так что в этом Симеон не был особенно оригинален, он лишь усложнил метафору. Правда, вряд ли стоит сомневаться в том, что поставленная им цель — *movere et delectare* («возбудить и поразить») сознание читателя была вполне достигнута.

Наконец, символическое уподобление «мудрого» слова «богодуховенным цветам», а человеческих душ — «благодатной почве», на которой эти «цветы» распускаются, «сладкою воней и сердцевеселящим доброличием пользую здравию телесному деюще», было издревле присуще и искусству церковной проповеди [17, с. 199, б. 4—5]. Авторы средневековой проповеднической литературы пользовались этими метафорами в том же смысле, что и Полоцкий в «Вертограде» (например, сборник «Hortus pastorum» или «Вертоград Марии Богородицы» А. Радивиловского). Таким образом, уже в самой заглавии своего произведения Полоцкий сумел подчеркнуть и практическое предназначение его как «панацеи от духовных недугов», и его генетическую связь со стихотворными антологиями, а также с риторико-публицистическим жанром проповеди.

Основополагающий риторический принцип этого жанра, получивший в период барокко признание ко всем видам литературы и искусства, — «чворакий сенс»: «литеральный, моральный, аллегоричный и анагогичный» [18, л. 167] действительно является своеобразным «ключем» к «истинному» идейному урегулированию сложносемантической структуры «Вертограда многоцветного». Следовательно, он должен обязательно учитываться при определении жанровой природы «Вертограда». Понятие «истинного содержания» весьма характерно для Полоцкого, который уже на страницах своего первого, официально изданного в Москве труда, укорял старообрядцев за буквальную трактовку образов или идей [19, л. 55 об.—56]. Реально представленная идея для Полоцкого ничего не значит, его интересует ее «подлинный», т. е. сокровенный смысл. Очевидно, что такой подход открывал простор для свободной интерпретации любого текста, который превращался в некую идеограмму, требующую пространных толкований. Все это нашло непосредственное отражение в «Вертограде многоцветном».

«Вертоград» Симеона Полоцкого открывается эмблематическим изображением сада, упещренного яркими цветами [10, титульный лист].

Примечательно заметное стремление художника (возможно, Сильвестра Медведева) досконально повторить в красках и рисунках отдельные выражения из аллегорического «Предисловия к благочестивому читателю». Так, в точности следуя словам Полоцкого о перенесении им «корней... и семен богодухновенноцветных» из «странных Идиомат пребогатоцветных вертограда... в домашний язык славенский, яко во оплот или ограждение церкви Российской», миниатюрист изобразил эллиптической формы ограду, колонки которой имеют куполообразные золотые главки. Их число (40), по-видимому, не было случайным. Оно соотносится с популярным названием Москвы — «Сорок сороков». Внизу ограждение завершается аркой со вписанными в нее двухстворчатыми воротами, которые ведут в сам цветник. В целом устройство «вертограда», разбитого газоном на две неравные части (1 : 2) соответствует западной моде регулярной планировки садов, получившей признание царя Алексея Михайловича и его придворных (ср. с изображением сада на иконе Никиты Павловца «Богоматерь — Вертоград заключенный», ок. 1670 — ГТГ). В меньшей части композиции расположены пять цветочных клумб: две по бокам в виде лемехов плуга (остриями вверх), на каждой по одиннадцать цветков, в центре — клумба в виде восьмиконечной звезды, процветшей пятью цветками; ниже — между «лемехами» и «звездой» — две треугольные клумбы, на них также по пять цветков. В большей, верхней, части помещено семь клумб: два ромба, столько же треугольников и «лемехов» (остриями вверх), а в самом верху по центру — «звезда». Все пространство между клумбами здесь усеяно цветами. Середину общей композиции занимает заглавие книги, обрамленное повторяющей форму ограждения сада витой барочной рамой. Настоящее изображение может показаться чисто декоративным, если не учитывать пристрастия Полоцкого к числовой экзегезе (которое с достаточным основанием объясняется идеей высокопочитаемого Полоцким Аврелия Августина о необходимости для ученого-богослова хорошего знания герменевтики, — в частности, науки о числах [20; 21, с. 508—516]). Следует помнить и о принятом им методе четырехаспектного толкования. Практическим выходом этих творческих особенностей поэта было то, что все — цвет, форма, число и т. д. подвергалось многоплановому символическому переосмыслению. Обращаясь к читателю, Полоцкий предлагал ему рассматривать «Вертоград» не просто как стихотворную книгу («литеральный сенс»), но прежде всего как полезный и угодный русской церкви («моральный сенс») «верт богодухновенноцветный» («аллегоричный сенс») или «рай мысленный» («анагогичный сенс»). Заслуживает внимания исследователей и авторское замечание о числовых и пропорциональных соотношениях, наглядно представленных в живописной композиции на титульном листе. Для того, чтобы оказаться «лех верта сего», т. е. возвыситься до «истинной жизни» и «духовной красоты» (ее, надо думать, символизирует сплошное цветение в верхней половине композиции) человеку не следует удовлетворяться общими познаниями и соблюдением основных добродетелей (ср. 5 цветов — лилий или тюльпанов на нижней «звезде»), но — стремиться к гораздо большему. Столь же очевидным символическим значением наделены и геометрические фигуры клумб, а также их расположение. «Лемехи» могут означать труд, восьмиконечная звезда — единство положительных моральных качеств, достоинств человека — «духовный триумф» (ср. контурный стих Полоцкого в виде звезды из стихотворного «Приветства царевичу Симеону» [22]). Соответственно, в «истинной жизни» труд направлен на познание высших субстанций, в обыденной (неинтеллектуальной) — труд принадлежит земле. Однако и тот и другой — богоугоден. Красочная декоративная композиция, открывающая «Вертоград многоцветный», является настоящим эмблематическим панегириком труду, знаниям и благочестивому человеку, который сам «навыкает премудрости» и «яже знает добре тех употребляет». За титульным листом помещен список стихотворных циклов по алфавиту. Не будем пока касаться вопроса, откуда Полоцкий заимствовал эту схему, — в то время алфавитная модель была широко распространена в славянской литературе (ср. «лексиконы», «азбучные вирши»,

«вертограды» и т. п.). Существенное другое, — то, что она уже начинала по разному осмысливаться представителями антагонистических литературных направлений (ср., например, «Алфавит еретиков» И. Галятковского и «Азбуку о небогатом человеке»). Попробуем прочесть, какой смысл Полоцкий вложил в эту традиционную схему. Стихотворные циклы «Вертограда многоцветного» — в беловых списках БАН и ГИМ — распределены в главы по 33-м литерам «славянского Алфавита», вернее — по 32-м и одному диграфу ѿ. Что это — случайность или преднамеренное решение? Мы говорили выше об увлечении Полоцкого числовой символикой. Теперь же добавим, что в XVII столетии не только идейные последователи схоластов (к числу которых можно отнести и Полоцкого), но и такие виднейшие ученые, как Р. Бойль, И. Кеплер, И. Ньютон, Лейбниц и другие, были склонны верить в магическую силу чисел. Продолжались настойчивые поиски «универсальных формул» Вселенной; числовые комбинации наделялись смысловой отнесенностью к ирреальному. Заинтересованность Полоцкого числовой герменевтикой наметилась еще в ранний период его творчества, в произведениях, написанных им на польском языке (ср. стих. из автографа поэта — *Siedmiu planet znaki u ich operacie następią, Cztery żywioły u skutki onych, Sześć czystości strożow, Wydok żywota ludzkiego* и др.). Она не ослабевала в течение многих лет (например, известно, что в 1672 г. Симеон составил гороскоп на рождение царевича Петра Алексеевича [24, с. 254—259]) и нашла широкое отражение в «Вертограде многоцветном». Количество стихотворных разделов «Вертограда» (33), неслучайно: 33 считалось у христиан «божественным числом». Согласно библейской легенде столько лет жил на земле Иисус Христос. Тенденцию Полоцкого к отождествлению бесконечного многообразия мира и обозримого числа элементов — алфавита, к приравниванию буквы явлениям чувственного и духовного мира отмечает А. М. Панченко. «Всякая комбинация букв и цифр, по Симеону, — говорит исследователь, — поддается этически-назидательной интерпретации в христианском духе; верно и обратное: всякая вещь, любое событие, поступок человека или отвлеченное понятие могут быть зашифрованы, а не описаны, что само собою разумеется, — с помощью „письмен“, которые превращаются в иероглифическую эмблему» [25, с. 181].

Перед нами как раз такой характерный пример. Правда, в данном случае алфавит не обладает признаками самостоятельной эмблемы, его роль в структуре «Вертограда» скорее всего вспомогательная — типа идеографической криптограммы, разгадка которой дает стихотворные подписи ко всем деталям символического изображения. «Уразуметь» взаимосвязь «письмен начинательных» с различного рода и вида «цветами» призывал Полоцкий своих читателей. Христологически же означенное число букв — 33 — видимо, по мысли поэта, должно было подчеркнуть божественную освященность созданного им монументального стихотворного ансамбля. Рассуждения о семантической функции алфавита в составе «Вертограда многоцветного» были бы, однако, не вполне оформлены, если бы мы не затронули предполагаемой проблемы диграфа ѿ. Полоцкий почему-то предпочел его некоторым другим буквам русской азбуки (ѣ — ять, Ш — ша, Ѡ — кси), с которых могли бы начинаться слова. Предположим, что автор таким образом намекает на то, чтобы «от-нять» диграф из числа остальных букв алфавитного оглавления. Остается 32 литеры. Не 32 ли пути самооткровения божества, исследованием которых занималась умозрительная каббалистика, пытался обозначить здесь Симеон? В XVI—XVII вв. этому мистическому учению отдали дань признания многие пытливые умы, стремившиеся открыть «абсолютную истину». Например, основоположник химической фармакологии Парацельс, знаменитый немецкий гуманист и филолог И. Рейхлин, чьи трактаты могли быть известны и Полоцкому, хорошо знавшему латынь и обучавшемуся философии в иезуитской академии ¹.

¹ Этому спорному эпизоду биографии Полоцкого мы нашли очередное подтверждение. В отделе рукописей ГИМ (Синодальное собрание № 731) содержится автограф

Согласно каббале («Сефир Иецира» — «Книга создания») 32 пути премудрости распределяются на 10 сефирот (цифр) и 22 буквы алфавита. Сефироты (небесные сферы) образуют первообраз человека — Адама Кадмона и в совокупности с буквами (божественными именами) обуславливают конкретную вселенную, которая соответственно своей близости к Творцу, делится на «мир сияний», «мир творения», «мир создания» и «мир делания»; человек принадлежит ко всем четырем «мирам». Если наше предположение верно, то алфавитную криптограмму Полоцкого следует рассматривать и как зашифрованную идею, что «Вертоград» является универсальной моделью мира и человека (ср. стих «Мир есть книга», «Подобие») [10, л. 293, 370об.], реализованной посредством «божественного откровения». Такое прочтение представляется весьма заманчивым. Во-первых, оно не противоречит барочным воззрениям поэта, отождествлявшим себя с богом — «цветовертником искусным» (о разделении Полоцким эстетической концепции «поэт — второй бог», воспринятой через традицию Види, Скалигера, Сарбевского см. [25, с. 173—176]). Это же подтверждается и другими наблюдениями, имеющими несколько проблематичный характер. Так, общая сумма стихотворных названий в разделах, означенных буквами С, И, М, Е, Ω, Н, оказывается равной 333. Принимая во внимание геомантическое понятие «числового основания», выведившегося из суммы переосмысленных в числовом плане букв имени человека и мистически трактованного как его «жизненная основа» [26], легко заметить, что «основание» духовной, поэтической жизни Симеона равно «основанию» жизни Христа (общая основа — 3). А при сложении по схеме — СИМЕΩН — суммы названий циклов и общего количества стихотворений, помещенных под этими буквами, получаем число 1111, при переводе которого в буквенную форму составляет фраза: А (з) РАІ. Во-вторых, подобного рода символическая интерпретация сакральных чисел (т. е. их интерпретация в гуманистическом духе) еще до Полоцкого имела место и в ренессансной литературе (у Данте, А. Дони, Фичино, Пико делла Мирандола), и в сменившей ее литературе барокко (у Дж. Марино, М. К. Сарбевского, А. Вишоватого и др.). Таким образом, резюмируя указанные выше наблюдения над алфавитным оглавлением «Вертограда», можно сказать: 1) оно организовано по принципу числовой криптограммы, которая следует за эмблематическим изображением и дополняет его; 2) оно содержит зашифрованную идею одновременного подобия произведения двум полюсам универсума — макро- и микрокосму; 3) воплощением которого, носителем «Едема мысленного» оказывается сам поэт; отсюда — 4) христологический аспект алфавитной структуры «Вертограда» предстает у Полоцкого равнозначным «лирическому» и, следовательно, 5) все произведение может рассматриваться как авторское «откровение», равное божественному. Столь принципиально важные для определения жанра «Вертограда» идеи органически связаны с его формой, эмблематической композицией. Здесь форма — и универсальная структура, и сложный «гиероглифик», разгадав который, получим ответ на вопрос об основном содержании авторского литературного замысла.

За 18-ю листами «Оглавления вещей в книзе сей содержимых» следует «Предисловие ко благочестивому читателю», где излагаются не только причина, цель создания «Вертограда», авторские пожелания, но и в своеобразной метафорической форме поясняются первые две части его композиции (символическое изображение и «алфавитная криптограмма»), а также содержится благодарственное упоминание меценатов Полоцкого: царя Алексея Михайловича и сменившего его на троне Федора Алексеевича. Тем самым, это «Предисловие» напоминает те, что традиционно предваряли различные печатные издания и, в то же время, функциональ-

поэта, который представляет, по-видимому, самую раннюю его пьесу — написанный на польском и старобелорусском языках Пасхальный диалог — «Wierszy w Wielki Piątek przu braniu Płaszczenicu». Ремарка в начале текста и латинская криптограмма в конце свидетельствуют о том, что данная пьеса была поставлена «в монастыре отца ксендза Шем[бека]» (л. 294), «. . . в Вильне. . .» (л. 301).

но приближается к широко распространенным в польской, украинской и белорусской панегирической литературе геральдическим (эмблематическим) эпиграммам. Согласно эмблематической поэтике эпиграмма должна была составляться как «стихотворная подпись», ее же, в свою очередь, при необходимости дополнял прозаический комментарий, часто имевший дидактическую религиозно-философскую окраску [27]. Но поэтика барокко не получила строго-канонического оформления. «Кто не нарушает иногда правила, тот не превосходит его никогда», — говорил виднейший деятель барокко, итальянский скульптор и архитектор Дж. Л. Бернини [28, с. 44]. Эти слова могли бы стать девизом ко всей литературной деятельности Полоцкого в Москве. Многие его произведения 1660—1670-х годов демонстрируют именно такое «превосходство» привычных на Руси литературных приемов и правил. Свободно чувствовал себя Полоцкий и в жанре эмблемы (ср. его «эмблематический панегирик» — «Орел российский» 1667 г. [29]). В «Вертограде многоцветном» также не совсем обычно использована вместо стихотворной формы эмблематической «подписи» (Эмиграммы) — прозаическая, а вместо прозаической формы развернутого комментария — стихотворная. Заметим, что в поэтиках второй половины XVII — начале XVIII вв. написание эпиграммы в прозе считалось допустимым и связывалось с подражанием древним образцам [30, с. 386]. Кроме того, как отмечает Н. Прашкович, в поэзии Белоруссии и Украины, начиная с 50-х годов XVII века, «жанр эпиграмм теряет свой безусловный авторитет. Ему на смену являются прозаические предисловия с восхвалением магнату» [31]. Подобных же образцов (антологий, флорилегий и т. п.), как уже отмечалось, у Полоцкого было предостаточно. Были у «Вертограда» аналоги и в плане объемного стихотворного комментария к символическому изображению, например: «Zwierzyniec» М. Рея, «Muza domowa» Зб. Морштына, «Apollo chrześcijański» и «Lutnia Apollinowa» Л. Барановича или польско-латинские «эмблематические сочинения панегирического характера» [32, с. 30—31]. Выбор поэтической формы для основной части своего монументального произведения (включившей более 50 000 стихов) Полоцкий объясняет таким образом, который, казалось бы, несколько не противоречит бытующей в литературоведении трактовке «Вертограда многоцветного» как «энциклопедического справочника в стихах»; здесь даже подчеркивается мысль, что в информативном смысле стихотворная форма — самая удобная. Однако справочник не стал бы называться иначе, если бы из него исключили, к примеру, несколько статей или целый раздел на какую-то букву. С «Вертоградом» же такая операция вряд ли допустима. Ведь, по эстетической доктрине Полоцкого, «прекрасное» и «благое» — неразделимы, а «благо» — это гармония, где каждая часть логически обусловлена, подчинена строгой иерархической структуре целого, потеря одной части ведет к распаду (к этико-эстетической деградации) всей структуры. «Блага вещь, — говорит он в стихотворении „Благо“, — еще вся цела бывает. Худа же, еще и мал вред являет» [33, л. 40об]. К той же идее поэт возвращается и в 5-ом стихотворении из цикла «Вера»: «Во часех зубец един еще отломиши, всех колес течение тако удержиши» [33, л. 113]. Очевидно поэт ставил одной из задач — создать целостное произведение, части которого обладали бы достаточной жанровой самостоятельностью, что облегчало бы их запоминание, распространение и обеспечивало широкий диапазон «практического» применения. Скрупулезное следование автору принципу универсальности подтверждается анализом первого раздела, объединяющего стихотворные циклы под литерой А. В настоящем разделе — 28 наименований отдельных стихов и стихотворных циклов, а в первом же цикле «Аарон» в общей сложности — 28 стихотворных строк (!). Примечательно и содержание раздела. На первый взгляд оно имеет разрозненный характер: стихотворные циклы расположены по всем правилам составления «лексикона», т. е. в строгом алфавитном порядке, но в остальном кажутся малосвязанными. Однако незримые тематические связи сразу выясняются, если мысленно построить стихотворный материал раздела А «хронологически» — по этапам священной истории: от сотворения мира до эсхатологического конца света.

Моделировка художественного пространства по принципу внешне немотивированной связи отмечалась в различных видах барочной литературы и искусства, которые стремились к взаимному синтезу. Так, в живописи это особенно четко видно в композициях на традиционный иконографический сюжет «Страшного суда» (ср., например, гравюру из [15]), где воедино фокусировались все временные планы. Изображения сцены Страшного суда нередко напоминают рассыпанную и перемешанную хаотично мозаику реальных или фантастических образов, важных или второстепенных событий, хотя мыслились они в той строгой последовательности, в какой излагались св. Писанием [34, с. 160—162]. Дисгармоничным, разрозненным сцеплением вокальных партий могут показаться полифонические концерты, писавшиеся русскими композиторами XVII в. «для 24 и даже 48 голосов». Хотя, как известно, само их создание стало возможным лишь благодаря открытию Н. Дилецким законов музыкальной гармонии [35]. Поэзия барокко, эта «говорящая живопись» (Дж. Марино), имеет множество примеров организации стихотворного текста по принципу внешне немотивированной связи (ср. в малых формах: «серпаптинные», мезо-стихи, криптограммы, стихотворные лабиринты и т. д. — большое их число представлено в упомянутом сборнике 1675 г. «Wirydarz poetucki»). В крупных произведениях барочных поэтов «необоснованные», создающие совершенную путаницу нагромождения раритетов, притч, побочных сюжетных линий — обычное явление. Конечно, их правильное символическое осмысление зачастую снимает и вопрос о тематической полихромности произведения в целом [36; 37, с. 28—29]. Полоцкий находился в фарватере барочных идей [38]. Построение «Вертограда многоцветного» по принципу внешне немотивированной связи или, вернее, логизированной загадки имело принципиально важное значение: здесь, как бы это не показалось парадоксально, проявилась тенденция его автора к творчеству уже вне основной — религиозно-дидактической — литературной традиции. Для осуществления этого принципа необходимым условием является четко выверенная схема. Схема у Полоцкого — та же метафора, значение которой всегда намного богаче ее обыденного понимания. Раскрытие ее потенциальной семантики полностью зависит от намерений автора: он волен распространяться столько, сколько ему позволяют возможности ассоциативного мышления. Вращаясь вокруг определенной темы, он может привлекать любые сравнения, цитаты, афоризмы, варьировать их и напластовывать друг на друга, ничуть не нарушая при том формальных рамок, в которых заложен идейный стержень повествования. Именно так скомпонованы последующие разделы стихотворной части «Вертограда». В них, как правило, выделяется тематическое ядро, состоящее из одной или нескольких пар важнейших контрастирующих понятий, раскрывающих духовный мир человека, его отличие от «плотского естества», «жизни вечной» от «временной», добра от зла, красоты от «мерзости» и т. п. Центральные противопоставления окружаются дополнительным материалом, который все же имеет непосредственное отношение к «умственному» или же реальному универсуму («верту многоцветному»). Так, например, в разделе под литерой Д главным объектом сравнений и противопоставлений оказывается человеческая душа (см. цикл «Душа»). Она как «день и ночь» имеет противоречивую природу. Эти противоречия и их практический выход демонстрируют пары циклов: «Демон» — «Дух святой», «Дела ночи» — «Дела благая» («Добродетели»). Другие стихотворные циклы раздела Д, которые вроде бы не вписываются в основную схему, на самом деле являются традиционными метафорическими синонимами «души» (см. стихи «Дуга», т. е. радуга, «Древо», «Дева», «Дар»).

А. Н. Робинсон указывает на тяготение «к некоторой информационной универсальности и тематической комплексности различных жанров» древнерусской литературы, имея в виду классическое средневековье [39, с. 83]. Стихотворное содержание «Вертограда» свидетельствует о том, что ко второй половине «переходного столетия» в русской барочной поэзии эти заметно оживившиеся тенденции, если и не обрели своего качественного завершения, то, во всяком случае, были очень близки к нему.

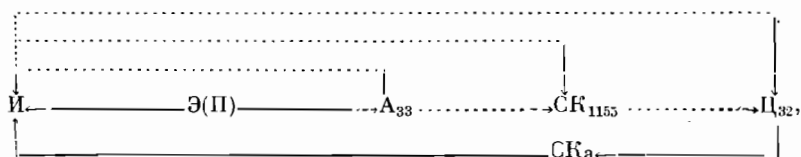
Мы можем отчетливо проследить логическую взаимосвязь стихотворных разделов «Вертограда», вычленив в них семантически-организующие центры. Так, первый раздел А, представляющий в эсхатологической трактовке всю историю мира: от Адама до Антихриста, это — своеобразная увертюра к огромному поэтическому полотну, разворачивающемуся в последующих 32-х главах. В них обозначаются следующие ключевые фрагменты: в разделе Б — «БОГ» («Благодать божия» — «Блаженство мира»), В — «ВЕРА и ДЕЛА» — «ВИВЛИЯ» («Ветхий человек» — «Время златое» — «Врата в небо» и т. д. — до разделов: Ч — «ЧЕЛОВЕК» («Честь» — «Чювство» — «Чаяние»), Ц — «ЦАСТИЕ», Ю — «ЮНОСТЬ» и т. д. В таком виде проявляется последовательное движение основной авторской мысли, если рассматривать стихотворный материал «Вертограда» по белой рукописи ГИМ [33]. В роскошном же, вероятно подносом, экземпляре [10] стихотворный цикл «ВИВЛИЯ» («Сокровища Ветхого и Нового заветов») вынесен С. Медведевым, надо думать, по указанию Полоцкого [25, с. 179] в самостоятельный раздел, которым завершается произведение. В результате стихотворная композиция «Вертограда» получила более четкую логическую оформленность. Она открывается своеобразным зачином (раздел А), затем на широком историческом, морально-философском и научном материале разворачивается основное повествование: от бога (раздел Б) до человека («обновленного») через «язывы Христовы». Стержневые темы «Язык» и «Псалмопение», по-видимому, заключают идею типа той, что «всякое бога хвалит дыхание, //наипаче еже умно создание.// Сему бо того ради дается слово, //да будет бога хвалити готово» [40, л. 238 об.], т. е. фактически, — выполняют роль послесловия. Наконец, стихотворение «Фрон истинны» («Еже есть о ближайшим судии беседавание...») можно было бы назвать вторым послесловием, адресованным уже не ко всем читателям, а к «сильным мира сего». «Никто же да возмнит си безказненно быти», — предостерегает их Полоцкий и предлагает почтаче сверять свои поступки с «советами мудрых мужей», а также с «заветом божиим», стихотворным изложением которого и завершается «Вертоград многоцветный». По замыслу его концовка чем-то напоминает знаменитое «Зерцало» М. Рея, что подтверждается и совпадением отдельных заглавий (ср., например, у Полоцкого — «Оставление мира», у Рея — «Прощание с миром»). Таким образом, перед нами цельное произведение, несмотря на то, что составляющие его большие и малые фрагменты (стихотворения различных жанров и стихотворные циклы) очерчены вполне самостоятельно. Их взаимосвязи кажутся неопределенными, поскольку носят скрытый метафорический характер, но было бы неверным отрицать наличие этих взаимосвязей. Следуя художественным принципам барокко, Симеон Полоцкий явно стремился максимально насытить все пространственно-временные планы своего произведения, создать поразительное пышное соцветие из предметов, образов и понятий двух настойчиво противопоставляемых им миров: небесного — «вечного» (идеального) и земного — «временного». Примечательно то, что это пестрое соцветие создавалось по принципу эмблематической поэтики (*Concors discordia*), поэтому следует предполагать и его происхождение от единого корня, который скрыт в эмблематическом изображении «верта» и алфавитной криптограмме. Такой вывод подкрепляется уже проведенным нами общим анализом структурной семантики «Вертограда многоцветного», достаточно определенно, на наш взгляд, показавшим насколько важная роль в ней отведена идеоматически интерпретируемому знаку — эмблеме.

Символически означенные в изображении на титульном листе и в алфавитном оглавлении «Вертограда» идеи о его подобии «мысленному» универсуму или же о подобии его автору богу — творцу универсума и т. п. получили раскрытие не только в последовательном движении центральных («стержневых») тем стихотворного комментария, но и на более глубоком литературном уровне, — в конкретном содержании отдельных стихотворений. К сожалению, в рамках статьи мы не можем рассмотреть все эти стихи. Вот лишь несколько произвольных примеров: «Яко словесен небесный царь, тако и праведник естеством словесный», —

утверждает Полоцкий в стихе «Подобие» [10, л. 370 об.]. В другом стихотворении — «Писание» — он говорит, что «св. писание кто рай нарицает, никак от истинны словом погрешает» [10, л. 360]. Отсюда имеем закономерный вывод: кто знает св. писание, тот обладает «раем». Есть и подтверждение идее — «Вертоград» — откровение поэта. Известная приверженность Полоцкого формальной логике заставляет нас видеть это подтверждение в таких стихотворениях, как «Мир есть книга», «Книга жизни», «Книга» и др.

Итак, возвращаясь к вопросу о жанровой природе «Вертограда многоцветного», еще раз отметим, что его ближайшими прототипами являлись антологии («цветники»), представленные в польском и западнорусском литературном барокко в своем первоначальном жанровом значении — собрания стихотворных эпиграмм и стихотворений вообще. Однако включение Полоцким в структуру своего произведения «заглавной» эмблемы и сопутствующей ей криптограммы придало последнему совершенно иной, чем у простой стихотворной антологии, более связанный в смысловом отношении характер. Не удивительно, что позднейшие русские переписчики «Вертограда» не замечали в нем этой потаенной логики повествования: ее раскрытие требовало интеллекта, по крайней мере, способного подняться до осмысления тех художественно-эстетических прищипов, которыми руководствовался Симеон Полоцкий. Думается, что и в начале XVIII в. эта задача была под силу далеко не каждому «книжнику — грамотею». Видимо, потому для переписчиков «Вертограда» не было сомнений в том, что перед ними обычная стихотворная антология [41; 42]. Представление о «Вертограде» как об антологии сохранялось до конца XIX в., «истинной русской антологией» называет его П. М. Строев [43, с. 251]. Но, если произведение Полоцкого — не «упорядоченная» эмблемой антология и не «энциклопедический справочник в стихах» (см. выше), то к какому же жанру его следует отнести? Логика наших рассуждений подводит к выводу, имеющему пока весьма предварительный характер. «Вертоград многоцветный» можно назвать эмблематической книгой, которая имеет не один, а четыре повествовательных плана, соответственно четырем аспектам («сенсам») прочтения текста. Аллегорический (или христологический) аспект является основополагающим в эмблематике, он же, как было показано ранее, оказывается у Полоцкого функционально приравненным к лирическому началу. Именно в этом аспекте «Вертоград» представляется нам «поэмой», детально живописующей внутренний мир автора, как «средоточие борьбы макрокосма — идеального и материального, добра и зла, правды и лжи, света и тьмы, воплощающих антиномию бога и сатаны» [44, с. 148]. Между прочим, это отразилось и в прямом виде — в многочисленных медитативно-лирических вкраплениях в стихотворный контекст «Вертограда» (ср. стихотворения «День и ночь», «Бездна», «Зависть», «Зеленость», «Избранных мало», «Зрение», «Мысль», «Молитва в скорби сущего...», «Год века образ» и др.). Предложенный термин — поэма — не имеет аналога среди известных в то время в России литературных жанров, но Полоцкий хорошо знал его не только по школьным учебникам. Поэт был также знаком с поэмой Тассо «Готфрид или Освобожденный Иерусалим» в переработке П. Кохановского, «Энеидой» Вергилия, «Метаморфозами» Овидия в переложении на польский В. Отвиновского [23, л. 119 об.; 121, 133 об.; 1, с. 17—18], с «Роксоланией» С. Ф. Клёновица [31]. Наконец, самим Полоцким в 1650-е годы была написана оригинальная политико-сатирическая поэма «Desperatia króla szweckiego» [23, л. 10—13 об.]. В пользу понимания «Вертограда» как эмблематической поэмы говорит и его определенное сходство с лирико-философско-онтологическим циклом «Эмблемы» Зб. Морштына, и соответствие его оформления эмблематическому принципу «аплекации», предложенному И. Галятовским в трактате «Наука албо Способ зложеня казаня» 1659 г. [32, с. 33]. В остальных трех аспектах (повествовательных планах) «Вертоград» Полоцкого, по-видимому, будет соответствовать следующему жанру: в «литеральном (буквальном) смысле» — практико-теоретическому учебнику (*technē*), в «моральном» (индивидуально-правоучительном) — рели-

гнозно-дидактической беседе (*sermo*), в «анагогическом» (эсхатологическом) — откровению (*revelatio*). Однако, поскольку последний аспект по своей сути относится к сокровенным мыслиезъявлениям поэта, т. е. как бы дополняет содержание «поэмы», его можно не учитывать при раскрытии жанровой структуры «Вертограда многоцветного». Примечательно, что сходные формулировки композиций других произведений, которые могли быть хорошо известны Полоцкому и С. Медведеву, уже имели место в истории литературы. Например, формулировка жанровой структуры стихотворной «Поэтики» Горация [45, с. 98—128]. В России соединение эмблематики с поэзией получит широкое распространение лишь в XVIII ст., правда, эмблематическая структура будет определять преимущественно всевозможные панегирики. Из сочинений этого периода близких по жанру «Вертограду» Полоцкого нам известно одно — «Алфавит, собранный рифмами, сложенный от священных писаний» Иоанна Максимовича [46], в котором художественная организация материала осуществляется на основе контраста, вступающего в сочетание с параллелизмом, что является характерной жанровой особенностью «Вертограда многоцветного», соединившего, благодаря искусству поэта, многообразие в целом, противоречия — в гармонию. Наглядно это можно проиллюстрировать с помощью следующей приблизительной схемы:

где И — символическое изображение на титульном листе, Э(П) — прозаическая эпиграмма («Предисловие»), А — алфавитная криптограмма из 33-х литер, СК₁₁₅₅ — стихотворный комментарий, 1155 заглавий стихов, СК_a — первый проложный раздел комментария, Ц₃₂ — взаимосвязанные семантически- и структурно-организующие стихотворный текст центры (фабулы), ————— → реальные связи; → зашифрованные и метафорические связи.

Подводя итог наблюдениям над «Вертоградом» Симеона Полоцкого, отметим, что в своем законченном виде это произведение могло возникнуть только в результате блестящего творческого осмысления Симеоном (и его сподвижником, Сильвестром) самого универсального механизма новых идей, из которых слагалась оригинальная поэтика славянского литературного барокко. Тонкий курьез, игра слов, многозначительная метафора, мистические аллегории, хитросплетения побочных сюжетов и калейдоскопическая мозаика раритетов — вот далеко не полный перечень художественных достоинств «поэмы» Полоцкого. Здесь не акцентируются мрачные настроения, мир выглядит «цветущим садом» и жизнь в нем — «время золотое». Идейная подоплека барочного оптимизма «придворного поэта» заключалась в его наивной вере в потенциальные возможности «просвещенного абсолютизма». Хотя для России второй половины XVII в. такая позиция имела в целом прогрессивный характер, так как способствовала распространению просвещения сверху и подготавливала идею о необходимости коренных культурных и социальных реформ [47, с. 39—46]. Во многом от этой позиции зависел тот факт, что «Вертоград многоцветный» всей своей эмблематической структурой, необычной монолитностью, светскими мотивами оказался противопоставленным традиционным жанрам русской религиозной литературы. Более того, в своей главной — лирико-философской идее он предварял уже мысль, прекрасное выражение которой, почти через сто лет после смерти Полоцкого, доставило всемирную славу «корифею классицистической поэзии» — Г. Р. Державину:

«Я царь, — я раб, я червь — я Бог!».

1. *Łuźny R.* Pisarze kręgu Akademii Kijowsko-Mohylańskieј a literatura polska. Kraków, 1966.
2. ЦГАДА, ф. 381, ед. хр. 1791.
3. *Петров Н.* Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве, вып. I—III. М., 1891—1904.
4. *Петров Н.* Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. I—II. Киев, 1875—1877.
5. *Резанов В. И.* К вопросу о старинной драме. Теория школьных декламаций по рукописным поэтикам.— ИОРЯС, 1913, вып. 1.
6. *Сивокін Г. М.* Давні українські поетики, Харків, 1960.
7. Поэтика древнерусской литературы, 2-е изд. Л., 1971.
8. *Фрейберг Л. А., Попова Т. В.* Византийская литература эпохи расцвета IX—XV вв. М., 1978, с. 32—33.
9. *Wirydarz poetycki*, t. I. Lwów, 1910.
10. РО БАН, 31.7.3.
11. РО ГИМ, Синод. собр. № 659.
12. *Сазонья Л. И.* «Вертоград многоцветный» по автографу. К 300-летию со дня смерти Симеона Полоцкого.— Известия ОЛЯ АН СССР, 1980, № 4.
13. *Софронова Л. А.* Об анализе литературного произведения эпохи барокко.— Советское славяноведение, 1975, № 5.
14. *Щербакowa А. А.* История ботаники в России до 60-х годов XIX в. Новосибирск, 1979, с. 8—37.
15. *Наливайко Дамиан.* Лекарство на ospалый умысл човочевий. . . Острог, 1607.
16. *Транквилион-Ставровецкий Кирилл.* Перло многоцвонное, 1646 г.— В кн.: Украинська поезія. Кінець XVI початок XVII ст. Київ, 1978.
17. Слово Иоанна Златоустаго в великую среду. О зависти. . . — Успенский сб. XII—XIII вв. М., 1971.
18. *Галлятовский И.* Ключ разумения. Львов, 1665.
19. *Полоцкий Симеон.* Жезл правления, ч. I. М., 1667.
20. *Patrologia Latina.* Ed. J. P. Migne. T. XXXII—XXXIV. Parisii, 1877—1887.
21. *Попов И. В.* Личность и учение Блаженного Августина, т. I, ч. 2. Сергиев Посад, 1916.
22. *Еремин И. П.* Симеон Полоцкий. Избранные соч. М.—Л., 1953.
23. ЦГАДА. Собр. Типографской библиотеки, № 1800, ед. хр. 381.
24. *Голубев И. Ф.* Забытые вирши Симеона Полоцкого.— ТОДРЛ, т. XXIV, М.—Л., 1969.
25. *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура. Л., 1973.
26. *Charmasson Th.* Recherches sur une technique divinatoire: La gèomancie dans L' Occident médièval. Paris, 1975.
27. *Pelc J.* Obraz — Słowo — Znak. Wrocław, 1973.
28. Мастера искусства об искусстве, т. 3, М., 1965—1970.
29. РО БАН, Петр. собр. А 1 — 16.5.7.
30. *Lewin P.* Poetyka moskiewska z roku 1722.— Slavia Orientalis, 1967, № 4.
31. *Прашкович Н.* Поэзия Симеона Полоцкого. Ранний период (1648—1664). Диссертация. Минск, 1964.
32. Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979.
33. ГИМ, Синод. собр. № 288.
34. *Данилова И. Е.* О категории времени в живописи средних веков и раннего Возрождения.— В кн.: История культуры средних веков и Возрождения. М., 1976.
35. *Рогов А. И.* Музыкальная эстетика России XI—XVIII вв. М., 1973.
36. *Hernas Cz.* Barok. Warszawa, 1973.
37. *Sarnowska-Temierusz E.* Świat mitów i świat znaczeń. Maciej Kazimierz Sarbiewski i problemy wiedzy o starożytności. Wrocław, 1969.
38. *Еремин И. П.* Поэтический стиль Симеона Полоцкого.— ТОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948.
39. *Робинсон А. Н.* Литература Киевской Руси среди европейских средневековых литератур (Типология, оригинальность, метод).— В кн.: Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. М., 1968, с. 83.
40. *Полцкий Симеон.* Словеса похвалная... на двадесят и един праздник.— ГИМ, Синод. собр. № 130.
41. Книга, глаголемая Цветник или нынешнего века Временник...— РО БАН, Петр. собр. А. 55, осн. ф. 16.7.18.
42. Книга, глаголемая Цветник... РО ГПБ, XIV. Q.I.98 л.
43. *Строев П. М.* Библиографический словарь русских писателей. СПб., 1882.
44. *Липатов А. В.* Формирование польского романа и европейская литература. М., 1977.
45. *Гаспаров М. Л.* Композиция «Поэтики» Горация.— В кн.: Очерки истории римской литературной критики. М., 1963, с. 98—128.
46. *Максимович Иоани.* Алфавит, собранный рифмами, сложенный от священных писаний. Чернигов, 1705 г.— экз. БАН.
47. Очерки русской культуры XVII века. Изд. МГУ, 1979.

ЧЕРЛИНКА Г.

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД ТВОРЧЕСТВА АНТОНИЯ ОЛЕЩИНЬСКОГО (ИЗ ИСТОРИИ ПОЛЬСКО- РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.)

Культурные связи Польши и России привлекают все большее внимание советских и зарубежных исследователей. С этой точки зрения значительный интерес представляют жизнь и творчество видного польского графика, воспитанника и впоследствии академика Академии художеств в Петербурге Антония Олещиньского.

Вопрос о непосредственной роли России (и, в частности, Академии художеств) в деле роста и формирования ряда польских художников первой половины XIX в. долго оставался недостаточно изученным. Исключение составляла лишь очень интересная статья Б. Д. Сурица, в которой, в частности, он дает ряд ценных сведений об Олещиньском [1]. В последнее десятилетие появились работы, посвященные этой важной теме в истории культуры наших народов. В монографии Э. Е. Ацаркиной, например, обобщен богатый материал о жизни в Петербурге А. Орловского [2]; в диссертации К. В. Мытаревой подробно исследовано творчество художников Виленской школы живописи, имевших непосредственные связи с русской художественной культурой [3]; И. И. Свирида рассматривает пребывание в Петербурге художника В. Ваньковича, также учившегося в Академии художеств [4], и др.

При всей широкой популярности Олещиньского среди современников и высокой оценке критиками и историками искусства профессионального мастерства и общественно-культурного значения его произведений, творчество этого мастера еще очень мало у нас известно. В русской и советской литературе работ об Олещиньском практически нет, кроме статьи в «Словаре русских граверов» Д. Ровинского и нескольких упоминаний в современных исследованиях [5; 6; 7]. В польской литературе XIX — начала XX в. высказывания о нем, достаточно многочисленные, носят информационный или оценочный характер [8; 9; 10]. Современное состояние исследования роли и места Олещиньского в польском искусстве таково, что остается справедливым высказывание одного из крупнейших польских искусствоведов о том, что «творчество Антония Олещиньского еще не дождалось у нас тщательного изучения и научной оценки» [11, s. 200]. А между тем, произведения такого виртуозного гравера, как Олещиньский, сами по себе являются богатным материалом для искусствоведческого анализа. Во-вторых, биография и творческое наследие мастера могут быть плодотворно использованы при рассмотрении ряда искусствоведческих и историко-культурных проблем, таких как своеобразие польского варианта романтизма, становление национального самосознания, развитие польской художественной жизни в условиях этого становления и их взаимовлияние и польско-русские художественные связи первой половины XIX в.

Олециньский, посвятивший свое зрелое творчество почти исключительно польской тематике, подчинивший его патриотической идее, в то же время является и блестящим представителем русской граверной школы. В этой статье прослеживаются основные этапы становления Олециньского как художника в стенах петербургской Академии художеств, а также освещаются некоторые стороны его взаимоотношений с российскими художниками непосредственно в послеакадемический период.

Специфика польско-русских художественных связей в рассматриваемый период состоит в том, что это — взаимоотношения культур двух стран, входящих в единое государство, но при этом неравноправных политически. На личной судьбе Олециньского, тесно связанной с исторической судьбой его родины (и здесь он не является исключением среди польской художественной интеллигенции), эта особенность сказалась неоднократно и самым решительным образом.

Антоний Олециньский родился в 1794 г. в местечке Красный Став Люблинского воеводства, в семье судьи. События в истории Польши 1794—1815 гг. — восстание Костюшко, III раздел, наполеоновские войны, образование Королевства Польского — способствовали развитию в нем, как и во многих его современниках, глубокого патриотизма. Учился он сперва в Ополе, в школе монашеского ордена пиаров, а затем продолжил образование в Варшаве, посещая лекции по химии, минералогии, праву. Еще в детстве он начал заниматься каллиграфией и рисованием. С 1810 г. Олециньский служит в канцелярии Государственного совета в Варшаве, занимая к 1816 г. прочное положение и имея значительные перспективы. Именно в этом году Олециньский круто меняет свою жизнь, решив стать профессиональным гравером. Непосредственным толчком для этого решения послужил выход в свет „Исторических песен“ Немцевича. Сам Олециньский писал об этом: «С неслыханным триумфом появились и разошлись «Исторические песни». ... Я был захвачен книгой... Там ... я обратил особое внимание на примечание, где Немцевич жалуется на трудности, с которыми столкнулся, заказывая за границей гравюры к тексту, и в конце спрашивает, почему же кто-нибудь из наших земляков не посвятит себя этому прекрасному искусству. Слова эти запали в мое сердце и мысли. Я решил учиться гравированию, ... готов был ехать для этого в чужие края, стать гравером и на этой стезе послужить отчизне» [12, с. 371]. Это решение вызвало беспокойство у самого Немцевича: «Я приглашал молодых художников, но не хотел ломать сложившийся уклад жизни» [13].

В 1816 г. Александр I посетил Варшаву. Олециньский подал прошение о зачислении его в императорскую Академию художеств. 21 декабря того же года Александр I «высочайше повелеть соизволил принять его в сию Академию на казенное иждивение» [14, с. 85]. Так в 1817 г. Антоний Олециньский в звании пенсионера Царства Польского был принят обучаться «рисовальному искусству и гравировальному по меди художеству» в класс профессора Н. И. Уткина [15]. В 1824 г. он окончил Академию с золотой медалью и вернулся в Варшаву. Здесь ему предложили занять должность преподавателя гравирования в Варшавском университете, но Олециньский отказался, не считая еще себя готовым принять это назначение. В 1825 г. он уехал в Париж для дальнейшего совершенствования в своей профессии. Сначала Олециньский работал в мастерской Реньо, посещая одновременно натурный класс Академии [16], затем гравировал под руководством известного гравера Ришма [17]. Поражение польского восстания 1830—1831 гг. вынудило его, как и многих других деятелей польской культуры и искусства, остаться во Франции на положении эмигранта. Умер он в Париже в 1879 г., только однажды за период более 50 лет побывав на родине (в Кракове в 1867 г.).

Список гравюр Олециньского, опубликованный Ю. Колачковским [18], насчитывает более 280 названий; за исключением работ академического периода, это преимущественно портреты знаменитых поляков, современников художника и исторических персонажей, архитектурные пейзажи Польши и исторические сцены, собранные в нескольких альбомах — «Виленском», «Всякой всячине», «Воспоминаниях о знаменитых поляках...», — гравюры для издательства Ходзько и Грабовского, иллюстрации к произ-

ведениям Немцевича, Красицкого, Гашинского, Словацкого [19, с. 230—231] ¹ и др. Он работал резцом и сухой иглой на медных и стальных досках.

М. Порембский совершенно определенно относит Олещиньского к романтикам: «...только то, что делали Олещиньский, Смоковский, Левицкий, было, безусловно, романтизмом» [11, с. 178]. От Олещиньского он проследживает линию «исторической фантастики»; действительно, его гравюры далеки от исторической достоверности. Но работы Олещиньского, широко известные и популярные среди его соотечественников ², способствовали пробуждению живого интереса поляков к истории своей страны. Подобные тенденции польского изобразительного искусства в графике, которая вслед за поэзией открывала историю для искусства, проявились сильнее, чем в живописи. Многие графики, например, Ф. Пиварский, эмигрант Я. Левицкий, работали над историческими темами, но их привлекали преимущественно недавние события восстания 1830—1831 гг. Пристрастия же и интересы Олещиньского лежали в более отдаленном прошлом. Именно от него Порембский ведет «легендарную линию», которая впоследствии получила развитие в творчестве Яна Матейки, в молодости копировавшего некоторые гравюры Олещиньского.

Творчество Олещиньского не было свободно от заблуждений и непоследовательности; следует отметить определенную узость его социального и политического кругозора (особенно по сравнению с таким, например, художником, как Я. Левицкий). Порой Олещиньский чрезмерно увлекался старопольским укладом, стародавними традициями. Некритическое отношение к подобным сюжетам, случалось, граничило с апологией прошлого, в то время как перед искусством вставала задача правдивого отображения проблем современности, жизни народа (т. е. возникало реалистическое направление) [21].

Но объективно творчество Олещиньского носило характер той «охраны национальных традиций после потери независимости» [22], которую современные историки безусловно относят к выражению крепнущего самосознания польского народа, и лежало в русле прогрессивного направления польского романтизма.

Однако работы Олещиньского — это не только «акты патриотизма», как назвал А. Банах «Исторические песни» Немцевича, но и произведения подлинного искусства. Своим высоким профессиональным мастерством он прежде всего обязан петербургской Академии художеств, своему учителю Н. И. Уткину. Сам Уткин принадлежал к плеяде даровитейших деятелей русского искусства, вышедших из стен Академии, которая ко времени поступления Олещиньского продолжала быть основным художественным центром России. Хотя академическое направление еще не сдавало своих позиций, но уже креп романтизм, появлялись и реалистические тенденции. Граверное искусство тоже участвовало в этом процессе. Большой вклад в это внесли ученики Уткина, прекрасного гравера и отличного воспитателя ³. Он сам учился у известного в Европе гравера И. С. Клаубера, который в 1797 г. стал профессором класса гравирования. С приходом Клаубера в Академию деятельность этого класса, до того находившегося в упадке, значительно улучшилась. Воспитанники класса получали великолепную техническую подготовку, серьезно обучались рисунку и анатомии, активно осваивали новые технические приемы. Среди тех, кто остался верен классическим традициям резцовой гравюры на металле, был и сам Уткин. Лучший ученик Клаубера, он после смерти профессора в 1817 г. был назначен на его место [6, с. 31].

Олещиньский прибыл в Петербург в начале зимы 1817 г. Его первые опыты рисования по академической программе были неудачными: когда

¹ Такую важную особенность творчества Олещиньского, как его тематическая цельность, отмечает И. Свирида, называя его ярким примером художника, сохранившего в эмиграции национальную проблематику [20].

² «Даже теперь нет в Польше почти ни одного дома, где не было бы какой-нибудь из столь популярных между 1840 и 1860 гг., гравюр Олещиньского», — писал в 1902 г. Ежи Мыцельский [8, с. 90].

³ Деятельность Уткина как педагога подробнее исследована в монументальной работе Г. А. Прищевой [23].

рисунок 23-летнего Олещиньского впервые появился на выставке ученических работ (а его соучениками были мальчики 12 лет), он занял 30-е место [12, с. 374]. Однако Комиссия вероисповедания и общественного просвещения Царства Польского решила оставить Олещиньского в Академии и назначила ему пенсион в 2 000 злотых [24]. Несмотря на стоявшие перед ним большие трудности, трудолюбие и целеустремленность Олещиньского взяли свое. Полный курс Академии художеств по классу гравирования, рассчитанный на 12 лет, он прошел за 7 лет.

После начального курса, который был пройден Олещиньским за два года вместо трех, он попал уже в собственно класс гравюры. Обучение будущих мастеров Уткин проводил по той же системе, по которой учили и его самого: упражнения для выработки четкого штриха и придания твердости руке, гравирование с гипсовых слепков; рисование со слепков и с натуры; копирование произведений графики, живописи, скульптуры. Уткин учил своих воспитанников передавать объем, светотень, воздух, освещенные градациями черного и белого. Только после безупречного овладения техникой классической резцовой гравюры ученики переходили к самостоятельному творчеству — гравированию по своим собственным рисункам.

Одновременно с Олещиньским в классе гравюры занимались такие известные впоследствии граверы, как Иордан, Збруев, Фридриц; однако лучшим учеником Уткина по праву считается Олещиньский. Он писал о граверном деле: «В гравировании дело не только в контуре, пропорциях и анатомии; необходимо, чтобы в итоге человеческое тело оказалось выполненным наиболее близко к натуре. Кисть гравера — его резец, цвета — штрихи. Аккуратность, точность, законченность произведения лежит в ширине и направлении штриха, а более всего — в окончательном впечатлении, которое производит их общее сочетание» [12, с. 374]. Действительно, штрих в гравюре лепит форму и объем, передает фактуру и освещение, создает определенное колористическое звучание. Эстетическая ценность мастерски выполненной гравюры велика: бархатистость и насыщенность глубокого черного цвета, богатство серебристых переходов, блеск и ясность освещенных участков придают ей неповторимую, изысканную красоту. Именно таковы лучшие работы Олещиньского разных лет: академический этюд «Пильщик», портреты Кокоринова, Костюшко, Я. Снядецкого, Мицкевича, Коперника и др.

Президент Академии художеств А. Н. Оленин называл Олещиньского в числе тех 60-ти лучших (из 701) художников, выпущенных из Академии с 1767 по 1827 г., которые завершили свое обучение в чужих краях: «Сии отлично образованные художники могли бы успешно состязаться в искусствах со многими достойными современниками их в Европе» [25]. (Заметим, что Олещиньский был единственным гравером среди этих стипендиатов.) Д. Ровинский считал, что Олещиньский не только не уступает учителю в трудолюбии, упорстве и аккуратности, но и превосходит его «по блеску и красоте резца, по оригинальности и плодovitости сочинений... В орнаментном отношении трудно подыскать ему равного» [5, стб. 713]. Современные авторы придерживаются того же мнения: К. Чарноцкая называет Олещиньского выдающимся художником и отмечает его высокое техническое искусство [26], Г. А. Принцева пишет, что «в академических работах штрих Олещиньского очень напоминает манеру учителя... Он такой же блестящий и легкий, а временами еще более непринужденный» [23, прил., с. 86].

Высокое профессиональное мастерство присуще многим работам Олещиньского, но оно никогда не было для художника самоцелью. Он писал в дневнике: «Отдавшись полностью искусству, я не забывал, что оно не есть моя конечная цель, но только средство для выполнения того, что сам себе поставил целью» [27, с. 45]. Такой целью для Олещиньского была осознанная просветительская миссия. Он «знал, что множество почетных для отчизны легенд и преданий канет в забвение или будет дремать в истлевших книгах, если искусство их не возвысит и не с д е л а е т д о с т у п н ы м и д л я в с е х» [27, с. 45] (разрядка моя. — Г. Ч.). Вообще для рассматриваемого периода характерен интерес польских художников к исто-

рии, археологии, этнографии Польши, рост их образовательного уровня⁴. Олецинский здесь многим обязан своему пребыванию в России: кроме отличной профессиональной подготовки, он получил в Петербурге глубокое общее образование. В Академии он занимался российской словесностью, французским и немецким языками, математикой, перспективой, анатомией, археологией, начатками эстетики, мифологии, историей обрядов и нравов, всеобщей историей и географией, даже музыкой и танцами [29; 14, с. 131]. Немалую роль в формировании кругозора Олецинского сыграла Публичная библиотека. Президент Академии художеств в годы обучения там Олецинского А. Н. Оленин был одновременно и директором Публичной библиотеки; таким образом воспитанник Академии получил возможность ознакомиться с первоклассным собранием братьев Залуских, где было множество привлекавших его внимание материалов. А прежде и больше всего Олецинского интересовало все, связанное с Польшей: ее история, героические личности, памятники старины, традиции, легенды, обычаи. Он получил доступ к манускриптам и инкунабулам и так увлекся изучением всех этих сокровищ культуры, что, по собственному признанию, просиживал в библиотеке все праздничные дни и каникулы. Так во время пребывания в России любовь к прошлому родины получила у Олецинского развитие и подкрепление основательными знаниями, которые ему «послужили впоследствии для создания многих работ» [12, с. 376].

Результатом пребывания Олецинского в петербургской Академии художеств было не только приобретение обширных специальных и общеобразовательных знаний, но и создание им в период обучения ряда работ, интересных с точки зрения становления его как мастера-профессионала и, в ряде случаев, художественно ценных. Этот этап достаточно выразительно представлен несколькими гравюрами и двумя рисунками из ленинградских собраний⁵. Оба рисунка хранятся в Государственном Русском музее. Первый из них, «Церковь в лесу» [31, р. 43666], выполнен тушью и пером на плотном листе из альбома. Пейзаж изображает небольшую готическую постройку, стоящую среди хвойного леса. Рисунок проработан густым штрихом, уверенной рукой, но без особой изысканности: в основном — плотная сетка и правильные, параллельные линии. Он имеет романтическое, таинственное звучание: мрачные ели с острыми вершинами, безлюдье, темнота, только крест на небольшой церкви освещен луною. Второй рисунок — портрет известного гравера XVIII в. Ф. Бартолоцци [31, р. 1076] — исполнен итальянским карандашом на листе примерно *in quarto*. Голова Бартолоцци повернута в профиль, рисунок мягкий, пластичный, но очень законченный, явно отделанный для последующего гравирования. Образ в целом решен обобщенно, но наделен индивидуальными чертами.

Упорный труд по овладению мастерством выдвинул Олецинского в число лучших уже к концу начального курса. В 1819 г. он получил серебряную медаль второй степени за рисунок с натуры [29]. После обучения рисунку воспитанники гравировального класса приступали к копированию. Олецинский выбрал гравюру Вилла «Старая женщина» [29]. Она изображает пожилую женщину с пучком розог, высунувшуюся из окна, и имеет жанровый характер⁶. Олецинский старательно следует манере подлинника, демонстрируя определенное умение передать объем, пространство, выделить освещенные места и углубить тени, т. е. точно выполняет задание (рис. 1). Эта работа экспонировалась в Варшаве на Выставке изящных искусств в 1821 г. и была благожелательно принята критикой; рецензент еженедельника «Ванда» отметил, что это «хорошая копия, ... которая

⁴ Этот процесс был закономерен в связи с осознанием формирующейся польской интеллигенцией своей общественной роли и неразрывно связан с распространением национального самосознания вширь [28, с. 81].

⁵ В собрании Государственной Третьяковской галереи хранится рисунок Олецинского «Вакхическая сцена», также относящийся к академическому периоду. Опубликован И. Свиридой [30, с. 185].

⁶ В дальнейшем внимание Олецинского не привлекал бытовой жанр, эта учебная работа — исключение.

дает немалое представление о таланте этого художника; следование им плавной манере, мягкости и точности теней, уверенность штрихов приближает его к мастеру, которого он копирует» [32, с. 62]. За эту гравюру Олещинский был награжден бронзовой медалью Комиссии вероисповедания и общественного просвещения Царства Польского [32, с. 78].

Портреты Филиппа де Шампань, трубадура XIII в., и гравера Жерара Одрана, исполненные в 1821 и 1823 гг., — работы уже иного качества⁷. В них четко проявляются черты становящейся творческой индивидуальности Олещинского, предвосхищая его будущие великолепные романтические портреты. Это тоже копии, но копии портретов, исполненных благородства, значительности, одухотворенности; выбор оригиналов характеризует формирующееся стремление молодого художника к возвышенности создаваемых им образов. Штрих становится более свободным, легким, точным, исчезает ученическая старательность, появляются блеск и артистичность при большой тщательности исполнения.

Следует отметить и «Академический этюд», относящийся к концу первой половины 1820-х годов и являющийся как бы подготовкой к большому и блестящему этюду «Пильщик», выполненному позднее. Особенности творческой манеры Олещинского, достаточно проявившиеся уже в этой работе, будут охарактеризованы в связи с «Пильщиком».

Во многих отношениях примечательна работа Олещинского, опубликованная в альманахе Бестужева и Рылеева «Полярная звезда» за 1824 г.

⁷ Обе эти гравюры были выставлены в Варшаве в 1823 г. Автор статьи в издании «Gazeta Korespondenta Warszawskiego i zagranicznego» хвалит их, но считает, что Олещинский недостаточно постарался о «нежности и прозрачности», присущих резцу автора оригиналов, гравера Эделинка; положительно оценил эти работы Олещинского и «Pamiętnik Warszawski» [32, с. 108, 127].

Среди иллюстраций, подписанных именами известных граверов С. Галактионова, И. Ческого, И. Иванова, была помещена гравюра, помеченная инициалами «А. О.». Ни в самой «Полярной звезде», ни в ее современном академическом издании эти инициалы не были раскрыты⁸. Это один из первых опытов Олещинского в иллюстрировании, которое впоследствии заняло видное место в его творчестве. Его внимание привлекли рисунки Ф. Толстого к «Душеньке» Богдановича⁹.

Гравюры Олещинского (в Отделе графики Русского музея есть два варианта, незначительно отличающиеся друг от друга) показывают, что будущий мастер пока еще не умеет справиться с оригиналом, тем более, что адекватный «перевод» на язык «объемной» гравюры изысканного линейного рисунка Федора Толстого представляет значительную трудность. Своеобразная условность среды обитания персонажей Ф. Толстого не боится пустого пространства. Олещинский же, изобразив летящую в сопровождении двух амуров Душеньку на фоне клубящихся облаков, заполняет всю поверхность гравюры разнообразными сочетаниями штрихов разной длины, направлений и толщины. Фигуру Душеньки он моделирует объемно, переплетением штрихов и линий, следующих за формами тела; иногда ему не удается отграничить одни предметы от других. Потеряв прелесть лаконичной графической манеры Ф. Толстого, эта иллюстрация не приобрела и достоинств, присущих хорошей резцовой гравюре. Однако, несмотря на несовершенство и некоторую наивность этой работы, Олещинский, продемонстрировав в ней неплохую техническую выучку, сумел передать ощущение полета и атмосферу нереальности, сказочности происходящего. Этим гравюра тоже любопытна, так как в послеакадемическом творчестве Олещинского не встречаются больше мифологически-галантные и вообще отвлеченные (за исключением гравюр религиозного содержания) персонажи — все его герои, пусть и легендарные, прочно связаны с польской историей, с кругом польских традиций. Вдобавок эта работа свидетельствует о некоторой, хотя и косвенной, связи его с декабристами. Здесь можно упомянуть и технически несовершенную гравюру к книге П. Боровкова «Завещание дочерям», также выполненную по рисунку Ф. Толстого. Оба эти ученические опыты интересны как редчайшие образцы обращения Олещинского к иллюстрированию произведений русских писателей.

В 1824 г. ученикам «IV возраста» назначаются программы для конкурса на золотую медаль. Олещинскому предлагается выгравировать портрет строителя и директора Академии художеств в 1769—1772 гг. А. Ф. Кокоринова, по оригиналу Д. Левицкого [29]. Сам портрет отличается высокими живописными достоинствами. Кокоринов изображен поколенно, в трехчетвертном повороте, возле бюро; согласно классической схеме, представляющей героя в окружении атрибутов его деятельности или символов его достоинства, Кокоринов показывает рукою на архитектурные чертежи Академии. Левицкий, при всей психологической достоверности, показывает цельный, законченный образ. Назначение этого портрета Олещинскому для самостоятельного гравирования было очень удачным. Он верно следует оригиналу, но его работа несет и отпечаток индивидуальности интерпретатора (рис. 2). Она показывает, что Олещинский уже овладел умением вложить в гравюру стройность формы, отточенность и емкость характеристики, законченность исполнения и определенный лаконизм. Он срезает рамкой нижнюю часть картины, которая ничего не дает для выразительности гравюры. Система создания образа та же, что у Левицкого, но общий тон более спокоен, ровен. Тщательно прорабатывая поверхности меха, бархата, кружев, золотого шитья, Олещинский не стремится к их иллюзорной передаче. Все аксессуары служат ему для создания определенного тонального аккомпанемента к главному — лицу Кокоринова, — но и его Олещинский выделяет не контрастно, подводя к нему взгляд мягкими сочетаниями и переходами тонов, чистого белого цвета он почти

⁸ Это сделано Б. Сурисом [1, с. 58].

⁹ Работа Олещинского — первая награвированная иллюстрация Ф. Толстого к «Душеньке»; остальные Толстой гравировал сам.

нигде не оставляет. Тон темнеет слева, у лица, и светлеет справа, мягко сочетаясь с дымчатой матовостью пудренного парика. Лицо проработано особенно изящно: едва заметные штрихи следуют форме объемов, светотеневые переходы плавны и воздушны. Облик Кокоринова у Олещиньского, при сохранении индивидуальности, несколько более обобщен, чем у Левицкого, оттенок печали и усталости приглушен, на первый план выступают благородство и значительность образа. Такой подход к трактовке портретных образов, когда мастер убирает все второстепенное и временное, характерен и для зрелого Олещиньского. Гравюра отличается богатством переходов, насыщенностью и разнообразием тонов.

«За выгравированный им по заданной от Академии программе портрет покойного директора сей Академии удостоился получить золотую медаль второго достоинства» [29]¹⁰. В журнале заседаний Совета Академии художеств за сентябрь 1824 г., когда состоялся очередной выпуск, говорится, что при баллотировке золотая медаль была присуждена Олещиньскому единогласно [33]. Олещиньский получил аттестат первой степени¹¹. Приведем выдержку из него: «Воспитанника своего Антона Олещиньского, обучавшегося с 1817 года в гравировальном классе портретирования, окончившего курс своего учения, за его хорошие успехи и особливо признанное в нем добронравие и честное и похвальное поведение, возводя его в звание художника, уравнять по данной Академии художеств привилегии

¹⁰ На варшавской выставке изящных искусств портрет Кокоринова получил серебряную медаль. Корреспондент «Gazety Warszawskie» отдает должное и автору гравюры, и его учителю [32, с. 171]. Как видим, в Варшаве внимательно следили за успехами Олещиньского, а его работы достойно представляли их автора на серьезных выставках.

¹¹ Аттестат первой степени давался воспитанникам, получившим за прохождение курса не менее 44 поощрительных баллов из 66. Олещиньский получил 47 баллов.

с 14-м классом и наградить его шпагою» [29].

16 сентября 1824 г. состоялось собрание Академии художеств по случаю выпуска. В своей выпускной речи Олециньской обратился к Уткину со словами горячей признательности: «Стократ я счастлив, что в избранном мною искусстве имел я тебя начальником и руководителем» [6, с. 36]. Как мы знаем, среди 33 учеников Уткина имя Олециньского стоит одним из первых, рядом с именами Иордана и Пищалкина [6, с. 34]. Когда в 1832 г. встал вопрос о приглашении Олециньского преподавать в Академии художеств, Уткин дал о нем такой отзыв: «...в бытность его в классе между воспитанниками, он вел себя добропорядочно, в занятиях оказывал всегда прилежание весьма похвальное и усердием в изучении художества по гравированию и в рисовании оказал большие успехи» [34]. В личной коллекции Уткина, подаренной им в 1856 г. Эрмитажу, хранились несколько работ Олециньского, в том числе первый оттиск портрета Кокоринова [6, с. 89]. Д. Ровинский, лично знавший Олециньского, писал, что он был очень привязан к своему учителю и «имел много общего с Уткиным как художник и как человек; тот же симпатичный патриархальный облик, та же улыбка, не сходящая с его добродушного лица, и та же любовь к работе, которую он не покидал до самой своей старости» [6, с. 34]. Характерно, что спустя много лет, в 1855 г. на своем знаменитом портрете Коперника Олециньский, находясь уже в зените известности, подписывается как ученик Уткина.

Что касается круга общения Олециньского в Петербурге, сведения об этом весьма немногочисленны. Упомянем, кто из поляков жил тогда в столице России, каковы были их взаимоотношения с русской творческой интеллигенцией. Одновременно с Олециньским в Петербурге жили польские художники Юзеф Олешкевич, знаменитый Александр Орловский; Винценты Смоковский и Валенты Ванькович в одни годы с Олециньским учились в Академии художеств. В документах Академии, посвященных выпуску 1824 г., упоминается, что из воспитанников гравировального класса серебряную медаль второго достоинства за рисунок с натуры получил Смоковский [29]. Несомненно, жившие в северной столице поляки тесно общались между собой, особенно если они принадлежали к миру искусства. В свою очередь, русские писатели, музыканты, художники встречались и дружили со своими польскими собратьями. Хрестомагийным стал пример дружбы Пушкина с Мицкевичем; сердечный прием встретила в России Мария Шимановская, пианистка и композитор. Она дружила с Вяземским, у нее бывали Глинка, Жуковский, Грибоедов. Ванькович исполнил парные портреты Пушкина и Мицкевича; когда Шимановская сочинила песни на сюжет поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод», он выполнил обложку. М. И. Глинка, издавая «Лирический альбом», включил туда одну из песен Шимановской, а иллюстрировать этот альбом поручил Смоковскому [35]. Семилетняя жизнь Олециньского в России не могла остаться незатронутой этими связями. Квартира А. Орловского в Мраморном дворце была центром, местом встречи многочисленных деятелей русской и польской культуры, живших в Петербурге: Пушкина, Мицкевича, Кваренги, Ваньковича и др. В. Татаркевич не упоминает Олециньского среди посетителей квартиры знаменитого художника [36], но Олециньский там бывал наверняка; во всяком случае, Э. Н. Ацаркина прямо называет его другом Орловского [2, с. 149, 180], не приводя, впрочем, никаких ссылок на документы. Определенно говорит о дружбе Олециньского с Орловским и Б. Д. Сурис [1, с. 58]. Известно, что Мицкевич и Олециньский позднее, в Париже, были друзьями; возможно, что их знакомство завязалось еще в России.

Уже говорилось об участии Олециньского в иллюстрировании «Полярной звезды»; скорее всего это произошло благодаря Уткину, который писал портрет К. Рылеева [37] и мог рекомендовать гравюру своего ученика для публикации в альманахе. Б. Сурис говорит о знакомстве и дружеских отношениях Олециньского с Ф. Толстым, а также Александром Ивановым [1, с. 58]. Бывал Олециньский в доме конференц-секретаря Академии художеств и секретаря Общества поощрения художеств В. И.

Григоровича, как об этом свидетельствует письмо Олещинского к нему от 1829 г. [38]¹². Олещинский сохранил симпатию к русским на всю жизнь [5, стб. 714].

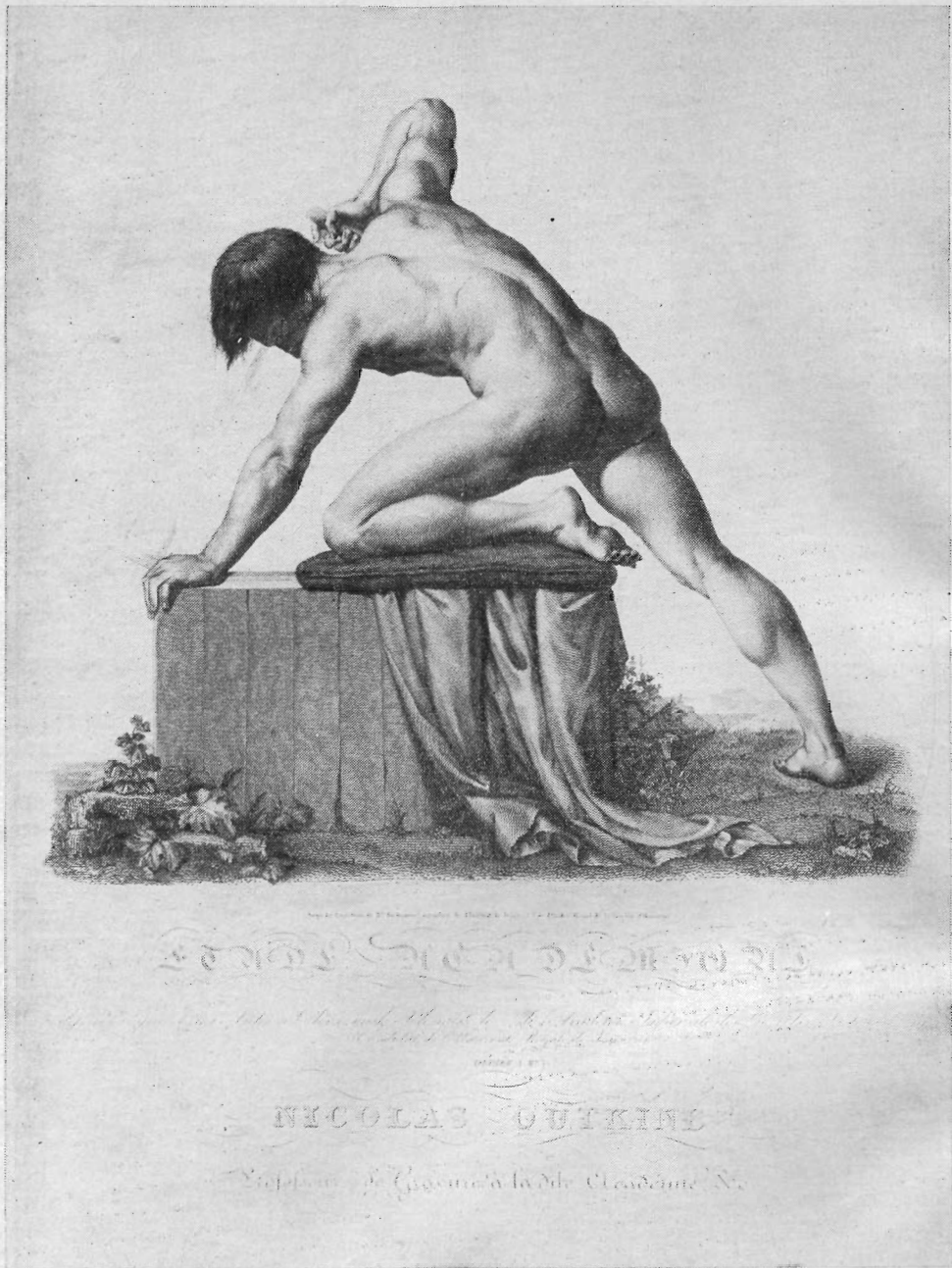
Окончив Академию, Олещинский сразу же собрался уезжать. 26 сентября 1824 г. помечено прошение президента Оленина петербургскому генерал-губернатору Милорадовичу, в котором он просил выдать Олещинскому паспорт для свободного проезда в Варшаву, отзываясь о нем как об отличном и в гравировании, и в поведении молодом художнике [29]. Свидетельство об окончании Академии художеств датировано 9 октября 1824 г. [39].

Однако отъездом из Петербурга нельзя заканчивать рассмотрение академического периода в жизни и творчестве Олещинского. После окончания Академии художеств Олещинскому, получившему аттестат первой степени, полагалась пенсионерская поездка за границу. Получив от Комиссии вероисповедания и общественного просвещения пенсию в 4000 злотых, он в конце 1825 г. прибыл в Париж. Здесь он снова приступил к занятиям, последовательно, но на новом уровне применяя систему обучения профессора Уткина. В 1826 г. в Париже, под руководством Ришона, Олещинский создает в качестве отчета за пенсионерство академический этюд «Пильщик» (рис. 3).

«Пильщик» — одна из самых больших по размеру гравюр Олещинского на меди. В центре листа помещена нагая человеческая фигура в позе пильщика. Этюд демонстрирует высокое профессиональное мастерство художника, отличное знание анатомии, прекрасное качество рисунка, и, главное, владение разнообразнейшими приемами гравирования. Могучая фигура, данная в эффектном ракурсе, полна несколько театрального напряжения, позволяющего показать красоту и силу совершенного человеческого тела. Его объемы вылеплены безупречно светотеневой моделировкой. Переходы плавны, свободны, но достаточно энергичны, что соответствует общему звучанию гравюры. Для изображения фигуры натурщика художник использует тонкую, частую косую сетку, в затененных местах вкрапливая в ее ячейки короткие штрихи разной длины. Фактурная трактовка тела обобщена. Постамент, на который натурщик опирается ногой, проработан крупными, четкими штрихами, образующими при пересечении решетку. Подлинность его поверхности тоже условная, но она иная по сравнению с телом. Драпировка — неизбежный аксессуар академической постановки — свешивается с пьедестала тяжелыми складками некоей абстрактной ткани, показывая умение гравера передать ее вес и пластичность сочетаниями прямых и закругленных линий. Растительность, покрывающая землю у ног натурщика, дана резко и просто, с применением офорта; она образует как бы порог, отделяющий условную жизнь гравюры от реальности, от зрителя. Трава и листья приобрели уже характерные очертания, по которым так легко узнать, например, неподписанные архитектурные пейзажи Олещинского среди других гравюр парижского издания Ходзько и Грабовского 1836—1842 гг. «La Pologne historique, litteraire, monumentale...». Очень низкий горизонт декорирован легко намеченными холмами, что усиливает монументальность человеческой фигуры. И снова, как в предыдущей работе, мы видим глубину тонов, богатство оттенков и переходов. Если портрет Кокоринова показал, какой выразительный образ способен вслед за живописцем создать Олещинский, т. е. как умело и артистично владеет он искусством «перевода» с живописного на графический язык, то более совершенный и разнообразный технически «Пильщик» продемонстрировал его виртуозное профессиональное мастерство. За эту гравюру Олещинский был избран членом Флорентийской академии. Из Варшавы, куда был послан один из первых оттисков, пришел похвальный лист и известие о награждении его золотой медалью [19, s. 221]¹³. Следует отметить,

¹² Это письмо частично опубликовано И. Свиридой [30, с. 183].

¹³ Как сообщила «Gazeta Warszawska», депутация Комиссии вероисповедания и общественного просвещения (среди членов которой был Немцевич), присуждая Олещинскому эту награду, признала, что гравюра «ничего не оставляет пожелать» [32, s. 200].

что «Пильщика» Олещинский посвятил Уткину. Этой работой и заканчивается академический период в творчестве Олещинского.

Завершить свое пенсионерское обучение Олещинскому не удалось: Комиссия вероисповедания уведомила о прекращении (по недостатку средств) выплаты пенсии, разрешив Олещинскому остаться в Париже. В своем сочинении об Олещинском его единственный биограф С. Духинская сообщает, что обращаться за помощью в Петербург художник не стал [12, с. 380]. Документы свидетельствуют об обратном.

Одним из таких документов является уже упоминавшееся письмо Олещинского В. И. Григоровичу от 7 декабря 1829 г. Из него видно, как тесно еще связан Олещинский с Академией художеств, с Уткиным, отношения с которым не прекратились. Свои планы на будущее Олещинский в это время связывает с Россией, куда он намерен возвратиться после окончания пенсионерского обучения. Олещинский не только

делится с петербургским корреспондентом своими успехами, но и просит у него помощи в затруднениях. Сообщая о прекращении выплаты ему пенсионна, Олещинский пишет: «Осмелюсь прибегнуть с прошением к ... Академии художеств, дабы она или доложить [и]зволила его императорскому величеству, или у Общества поощрения художеств или пенсионна или работу... Прошу Вас... содействовать в моих прошениях, ибо не есть моим намерением остаться в чужих краях...».

В том же декабре 1829 г. Олещинский послал в Совет Академии художеств своего «Пильщика», сопроводив его письмом с просьбой о присылке средств. Приведем выдержку из него: «С глубочайшим чувством признательности имею честь посвятить Совету Академии Художеств труды мои... Не упуская из вида стези, предназначенной мне Советом..., награвировал я сию академию... . Но будучи вдруг уведомлен из Варшавы, что пенсион мой прекратился, с тем вместе прекратились и лестные намерения, которые я предполагал исполнить. В сем несчастье как ученик Академии ... прибегаю с покорною просьбою к Совету Академии Художеств, дабы удостоил меня средствами к большему моему усовершенствованию» [40].

Последствия этого обращения неясны. Журнал Совета Академии за май 1830 г. отводит много места обсуждению этого вопроса, но ничего конкретного о назначении Олещинскому пенсионна не говорится [40]. Художник остается в Париже, пачав, очевидно, зарабатывать на хлеб своим ремеслом¹⁴. На некоторое время сношения Олещинского с Академией художеств прекращаются.

Прошло пять лет жизни Олещинского в Париже, когда произошла Июльская революция 1830 г., а затем — польское восстание 1830 — 1831 гг. В 1832 г. встал вопрос о приглашении Олещинского преподавать в Академии художеств. В марте этого года министр двора обратился к президенту Академии с просьбой уведомить, «каково вел себя сей художник во время нахождения в Академии Художеств, и искусен ли был в умении своем, и не нужен ли для Академии Художеств» [34]. По требованию Оленина была составлена справка об успехах Олещинского; Уткин, как мы уже знаем, дал похвальный отзыв о своем ученике. 10 апреля министру двора отсылаются образцы работ художника, сведения о прохождении им курса и сообщается, что «судя по искусству г. Олещинского, в котором особенно хорошие и даже отличные успехи сделаны им в бытность заграницей, он может быть полезен по части гравирования в России» [34]. В это время в Академии свободных ставок не было, но Олещинский был назначен «в должность» с особым содержанием от казны. 17 мая 1832 г. президент Академии получил следующий приказ: «Государь император высочайше повелеть соизволил гравера Антона Олещинского определить в Академию художеств с жалованием в 3 тыс. рублей из кабинета его величества» [34]. Однако Олещинскому не пришлось стать профессором Академии. С. Духинская пишет, что Олещинский принял решение не ехать в Россию [12, с. 382]. Д. Ровинский приводит высказывание художника, в котором тот отказывался от должности [6, с. 34]. В мемуарах Пожалостина говорится: Олещинский побоялся возвратиться в Россию, так как получил анонимное письмо из Петербурга, в котором сообщалось, что это приглашение — западня и что по возвращении он полатится за участие в польском восстании. «А мое, — пишет Олещинский, — участие было таково, что бежавшие эмигранты в Париже разыскивали меня и обращались за помощью, и я пристраивал их из чувства справедливости и жалости» [23, прил., с. 79].

Но есть и другие документы, из которых явствует, что дело о принятии на службу в Академию художеств зависело не только от нежелания Олещинского возвратиться в Россию и что решалось оно, по существу, не в конце 1832 г., а почти годом раньше. Пока Оленин посылает министру двора «образцы эстампов г-на Олещинского»; пока думают, назна-

¹⁴ Раставецкий пишет, что с этого времени для Олещинского начинается непрерывная работа над огромным количеством гравюр [19, с. 222].

чить ли ему содержание из средств кабинета его величества или подож- дать открытия вакансии в Академии, решение вопроса уже состоялось. И находилось оно не в бумагах, курсирующих между министром двора и президентом Академии художеств. Оно содержалось в небольшой фран- цузской книжке под названием «Les Polonais, les Lithuaniens et les Rus- siens, célébrant en France, le premiere anniversaire de leur revolution nationale du 29 novembre 1830...», изданной в начале 1832 г. в Париже. Участие в ней Олещинского и предопределило дальнейшую судьбу. К ноябрю 1832 г. книга достигла Комитета цензуры иностранной Рос- сийской империи. Приведем выписку из журнала Комитета цензуры от 10 ноября 1832 г.: «По отзыву господина цензора, сия книга, по самому заглавию ее подлежащая строгому запрещению, состоит из трех отделе- ний, из коих первые два заключают в себе речи, произнесенные генера- лом Лафайетом и другими лицами, благоприятствовавшими и содейство- вавшими польскому мятежу...; последнее уже содержит в себе правила Литовско-русского смешанного общества, учрежденного для составления истории польской революции. Все сии статьи, оскорбительные для рос- сийского правительства, наполнены революционными мыслями и имеют целью поддерживать в поляках надежду на восстановление их независи- мости. Комитет по рассмотрении приведенных ... для примера мест, вы- шеупомянутую книгу, по духу и цели ее ... весьма опасную, положила: запретить оную безусловно» [41]. Президент Академии Оленин был чле- ном Главного цензурного управления, и книга эта была ему известна. Он сообщает министру просвещения гр. Ливену: «...в последнее заседание Главного цензурного управления рассмотрена была книжка под назва- нием „Les Polonais, Les Lithuaniens“. В сей книжке находится письмо к революционному генералу Лафайету за подписанием живущих в Париже поляков; между коих значилась подпись польского гравера Антония Оле- щинского, обучавшегося в Императорской Академии Художеств» [34] ¹⁵. В декабре Оленин пишет министру двора: «...я решил представить Вам известную брошюру, где ваше сиятельство на странице 7 найдет имя того художника, который по беспредельной милости государя императора определен в Академию со значительным жалованием. Теперь не стоит вопрос, достоин ли он его...» [34]. 28 декабря последовало следующее распоряжение Оленину: «...государь император высочайше повелеть соизволил гравера Антония Олещинского, об определении коего в Ака- демию Художеств объявлено вашему высокопревосходительству, со служ- бы исключить по известной причине» [34].

С карьерой в России для Олещинского было покончено. Отношения его с Академией художеств надолго прекратились. Только в 1858 г., когда политическая обстановка в России после смерти Николая I из- менилась, Академия художеств смогла отдать должное своему выпускни- ку: «Санкт-Петербургская ... Академия Художеств ... признает и почи- тает Антона Олещинского своим академиком ... 1858 года мая 31 дня» [42].

Значение петербургского периода для всей жизни и творчества одно- го из виднейших польских графиков XIX в. трудно переоценить. Именно в России он приобрел обширные специальные и теоретические знания, здесь в основных чертах сложилась его творческая индивидуальность, произошло его становление как художника.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Суриц В. Д.* Из истории связей польского изобразительного искусства с русской художественной культурой.— Искусство, 1954, № 1, с. 56—66.
2. *Ацаркина Э. Н.* Александр Орловский. М., 1971.
3. *Мытарева К. В.* Виленская школа живописи. Диссертация. Л., 1978.
4. *Свирида И. И.* Валентий Ванькович в Петербурге.— Межславянские культур- ные связи. М., 1971.

¹⁵ Часть архивных документов о приглашении и исключении Олещинского со службы в Академии художеств опубликована Э. Ацаркиной [2, с. 179—180] и И. Свиридой [28, с. 243; 30, с. 185—186].

5. *Ровинский Д. А.* Подробный словарь русских граверов. Т. 2. СПб., 1895.
6. *Ровинский Д. А. Н. И. Уткин.* СПб., 1884.
7. История русского искусства. Под ред. И. Грабаря. Т. VIII, кн. 1. М., 1963, с. 628.
8. *Mycielski J.* Sto lat dziejów malarstwa w Polsce 1760—1860. Kraków, 1902.
9. *Kopera F.* Dzieje malarstwa w Polsce, cz. III. Kraków, 1929.
10. *Niewiadomski E.* Malarstwo polskie XIX i XX w. Warszawa, 1926.
11. *Porebski M.* Malowane dzieje. Warszawa, 1962.
12. *Duchińska S.* Antoni Oleszczyński. Warszawa, 1879, t. II.
13. *Niemcewicz J. U.* Pamiętnik czasów moich, dzieło pośmiertne. Paryż, 1848, s. 41.
14. *Петров П. Н.* Сборник материалов для истории императорской С.-Петербургской Академии художеств за сто лет ее существования. Т. 2. СПб., 1865.
15. ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 1, ч. II, дело № 1536.
16. *Le peintre-graveur français.* v. I, Paris, 1859, p. 302.
17. *Kołaczkowski J.* Słownik rytowników polskich. Lwów, 1874, s. 41.
18. *Kołaczkowski J.* Spis rycin Antoniego Oleszczyńskiego. Warszawa, 1880, s. 72—75.
19. *Rastawiecki E.* Słownik rytowników polskich. Poznań, 1886.
20. *Свирида И. И.* Некоторые особенности польской художественной жизни первой половины XIX в. — В кн.: Культура и общество в эпоху становления наций (Центральная и Юго-Восточная Европа в конце XVIII — 70-х годах XIX в.) М., 1974, с. 133—134.
21. *Островский Г. С.* Революционное движение середины XIX в. и польское изобразительное искусство. — В кн.: История XIX—XX вв. и проблемы истории культуры. М., 1966, с. 40—47.
22. *Обушенкова Л. А.* Влияние польского национально-освободительного движения на развитие национального самосознания (конец XVIII — 60-е гг. XIX в.). — В кн.: Культура и общество в эпоху становления нации. М., 1977, с. 28.
23. *Принцева Г. А. Н. И. Уткин* (творческая, педагогическая и музейная деятельность). Диссертация, Л., 1975.
24. ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 20, 1821, д. № 21.
25. *Оленин А. Н.* Краткое историческое сведение о состоянии Императорской академии художеств с 1764 по 1829 г. СПб., 1829, с. 11, 76.
26. *Czarnocka K.* Półtora wieku grafiki polskiej. Warszawa, 1962, s. 99.
27. *Duchińska S.* Życie artysty. — Kłosa, Warszawa, 1865, t. I.
28. *Свирида И. И.* Польская художественная жизнь конца XVIII — первой трети XIX века. М., 1978.
29. ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 1, ч. II, 1824, д. № 392 «О прохождении курса учениками IV возраста».
30. *Swirida I.* Mówią archiwa. — Literatura Radziecka, 1971, N 11.
31. ГРМ, Отдел рисунка.
32. *Kozakiewicz S.* Warszawskie wystawy sztuk pięknych w latach 1819—1845. Wrocław, 1952.
33. ЦГИАЛ, ф. 786, оп. 1, ч. II, 1824, д. № 384.
34. ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 1, ч. II, 1832, д. № 1596.
35. *Бэлла И. Ф.* Мария Шимановская. М., 1956, с. 115—116.
36. *Tatarhi wicz W.* Aleksander Orłowski. Warszawa, 1926, s. 13, 14.
37. Литературное наследство, т. 59. Декабристы-литераторы. I. М., 1954, с. 254.
38. Отдел рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 124, собр. П. Л. Вакселя, № 3147.
39. ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 20, 1824, д. № 31.
40. ЦГИАЛ, ф. 789, оп. 1, ч. II, д. № 1200.
41. ЦГИАЛ, фонд 772, оп. 1, ч. I, д. № 465, л. 79.
42. ЦГИАЛ, фонд 789, 1858, л. 134.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СТРУКТУРЕ СЛАВЯНСКИХ ЗАГАДОК (НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКИХ И ПОЛЬСКИХ ЗАГАДОК)

Настоящая статья представляет собой опыт исследования загадок с лингвистических позиций. Необходимость лингвистического анализа структуры загадок отмечалась в монографии паремиолога-фольклориста В. В. Митрофановой, где подобный анализ отнесен к числу «важных и интересных вопросов, которые еще ждут своего изучения» [1, с. 178].

В центре внимания настоящего исследования стоят вопросы о том, как устроена загадка, какие приемы и способы использовались в образном описании загаданного денотата¹, как и насколько выбор приемов и формальных средств отражает картину мира этнических коллективов, в среде которых создавались и бытовали загадки.

Первым исследователем, поставившим задачу формального анализа структуры загадок, был Е. Д. Поливанов [2], классифицировавший по формальным критериям японские загадки. Во многом сходные результаты были получены на материале английских загадок его последователем А. Тейлором [3—5]. Ряд интересных классификаций предложил в недавнее время математик Ю. И. Левин [6], исследовавший русские загадки с общесемиотических позиций.

Наше исследование структуры болгарской и польской бытовой загадки находится в русле формально-структурного анализа текста загадок. Представляется, что установление приемов, типичных для организации текста загадок, имеет и более широкое значение, выходящее за рамки исследования загадок как таковых. Очевидно, что эти приемы обладают достаточной степенью универсальности и могут характеризовать также и другие фольклорные жанры. Сравнение фольклорных текстов разных жанров по распространенности и релевантности используемых при создании соответствующих текстов приемов — очень интересная задача, которая может явиться предметом отдельного исследования. *

Загадки представляют собой естественно возникшую и формировавшуюся в течение длительного времени кодовую систему, характеризующуюся многообразием способов кодирования. Установление приемов кодирования и способов комбинирования этих приемов в славянских загадках может лечь в основу, во-первых, сопоставления приемов организации текстов загадок разных этнических коллективов, и, во-вторых, сопоставления приемов организации фольклорных текстов разных жанров.

Под лингвистической структурой загадки мы понимаем набор приемов, использованных для образного, зашифрованного описания загадан-

¹ Выделенный в настоящей статье набор приемов не претендует на полную и исчерпанность, исследовались лишь наиболее типичные приемы. В следующей статье этого цикла будет продолжено рассмотрение приемов описаний загаданного денотата.

ного денотата. Например, текст болгарской загадки о яйце *Бяла къща без врата*, согласно нашей концепции, образован с помощью следующих приемов: 1) введения кодового обозначения загаданного денотата (*къща*), 2) названия его признака (*бяла*), 3) названия его части или предмета неотъемлемой принадлежности (*врата*), 4) отрицания у загаданного денотата наличия этой части или предмета неотъемлемой принадлежности (*без врата*). По этому же типу образованы такие загадки, как *Дълга Яна стига няма* — (тьнь), *Пъстра шапка без глава*, *крива крача без обувка* (гриб), *Син вир без дъно* (небо), *Дълга Неда без кокали* (река) и др. Вариантом этого типа являются загадки либо с редупликацией одного из приемов, либо с опущением (неиспользованием) одного (но не доминантного, в пределах данного типа) приема; так, вариантом основного типа является загадка о небе — *Модро е, нима дано, нима край*, где отсутствует прием кодового обозначения загаданного денотата, а доминантный для этого типа прием названия части или предмета неотъемлемой принадлежности загаданного денотата с отрицанием наличия этой части повторяется дважды (*нима дано, нима край*).

Прежде чем представить распределение загадок по типам и подтипам в зависимости от их формальной структуры (набора использованных приемов), мы остановимся на каждом приеме в отдельности и приведем примеры использования их в болгарских и польских загадках. Этому вопросу будет посвящена настоящая статья. Рассмотрение возможных комбинаций приемов в пределах текста одной загадки, выявление совместимых или, наоборот, взаимоисключающих приемов будет проведено в другой статье из этого цикла.

Исходным материалом для нашего исследования послужили два сборника загадок, а именно: сборник болгарских загадок Стефаны Стойковой [7] и сборник польских загадок Славомира Фольфашинского [8]. Текст образной части загадки или ее фрагментов приводится в том виде, как она зафиксирована в соответствующем сборнике с сохранением всех диалектных особенностей; при тексте загадки в круглых скобках указывается номер, под которым она зафиксирована в сборнике. В отдельных случаях, когда это представляется целесообразным, мы указываем русский перевод отдельных слов в тексте загадки или болгарские и польские названия загаданных денотатов.

Ниже дается характеристика приемов зашифрованного описания загаданного денотата, выделенных на основании семантико-синтаксического анализа лингвистической структуры болгарских и польских загадок (см. таблицу).

Таблица

Приемы первого уровня						Приемы второго уровня		
кодирование (1)		обозначение признаков (2)				оппозиция (3)	сравнение (4)	негация (5)
загаданных денотатов	сегментов денотатов и предметов их неотъемлемой принадлежности	качественных	релятивных	количественных	функциональных			

Первым основным приемом является введение кодовых обозначений, которые В. В. Митрофанова [1] называет «предметом замещения», Н. А. Лавонен [9] — «уподоблением», Э. Кенгес-Марада [10] — «явным термином». Поскольку связям и ассоциативным соответствиям (метафорическим и метонимическим) между явным термином (кодом) и скрытым термином (загаданным денотатом) специально посвящена другая наша статья [11], здесь мы на этом вопросе останавливаться не будем. Для темы настоящей статьи существенно следующее разграничение объекта кодиро-

вания: а) кодовое слово обозначает саму отгадку, т. е. загаданный денотат; б) кодовое слово обозначает часть (сегмент — ср. [6]) загаданного денотата или предмет его неотъемлемой принадлежности. В первом случае опознание денотата, зашифрованного кодовым словом, дает отгадку данной загадки, во втором — только помогает, способствует процессу отгадывания.

Когда в функции кода употреблено нарицательное имя с собственным лексическим значением, то в нем происходит сужение семантики, сведение ее лишь к признакам, общим для собственного денотата кодирующего имени и кодируемого им денотата, происходит отвлечение, абстрагирование от всей совокупности, признаков, характеризующих собственный денотат, и подчеркивание, акцентирование тех признаков, которые характеризуют загаданный денотат. Такими признаками могут быть: внешнее подобие или общность функции *огън* (76), *свец* (77), *лампа* (78) — солнце; сходство формы — шарообразной *кълбо* 'шар' (99) — солнце; *кратуна* 'тыква' (1555), *тиква* (1544), *любеница* 'арбуз' (1558) — голова; продолговатой *въже* 'веревка' — змея (1327), вереница муравьев (1422), плоской поляна (60), *море* (62), *таван* 'потолок' (64) — небо; *покривало* (293), *чаршаф* 'простыня' (294), *черга* 'домотканое шерстяное одеяло' (303 — снег).

Для большинства загадок характерна персонификация. Это справедливо для всех предметных областей загаданных денотатов, например, для предметной области «небесные тела»: месяц — *старец* (12, 13, 14), *овчар* (15, 16), *ат* 'жеребец' (145), *яре* (20), *патица* 'утка', *клочка* 'наседка' (138), *кон* (144); звезды — *овци* (15, 16, 140); солнце — *гост* (109), *харамия* 'разбойник' (111—116); для предметной области «отрезки времени»: день и ночь — *брат* и *сестра* (147), семь дней недели — *седем братя* (185), год — *квачка* 'наседка' (187), *кокошка* 'курица' (189); для предметной области «атмосферные и природные явления»: ветер — *кучка* 'собака' (205), *кон* (215), *бик* (214), *теле* (218); мороз — *куче* (231); зима — *патка* 'утка' (232), *гъска* (233); река — *сокол* (265), *бик* (267), *бивол* (268).

При этом одно и то же слово способно кодировать разные загаданные денотаты, так, лексема *куче/кучка* может означать ветер в загадке *На сяко ридче кучка лае* (205), холод, мороз — *От небоето ясно падна куче бясно* (231), снег — *Бяло куче на къща лежи* (296), туман, мглу — *От чучка на чучка бяла кучка* (342), гриб — *Бяла кучка се мъдра седи* (598), тыкву — *Жълта кучка ов плет лежи* (709), язык — *Червено куче къща пази* (1778), топор — *Бясна куча в гора лае* (2130), пилу — *Люта кучка трици бълва* (2171), челнок 'свалка' — *Люта кучка низ лески вървит* (2303), мельницу — *Бясна кучка в дол лае* (2385), замок 'кофар' — *Черна кучка врата варди* (2977), каминные щипцы 'маша' — *Черная кучка живи въглени лапа* (3194), печку 'кофтор' — *Едно куче яде и сува и сирова дърва* (3206), огонь — *Къде и да легне цървено куче, тамо трава нема да поникне* (3068), брызгу 'сирене' — *Бело куче от вир изпагя* (2593), барабан — *Мъртво куче полало, цяло село събрало* (3371), подушку 'възглавница' — *Слепо куче до дувар лега* (3020) и др.

Сходным образом в польских загадках лексема *коń* кодирует разнообразные загаданные денотаты: дым — *Siwy koń pod same niebiosy idzie* (91), солнце — *Ślepy koń, ale wrotami patrzy* (93), пилу — *Siwy koń wygrzeba spod siebie gnój* (94). Лексема *kobyła* может означать ступу — *Kobyła leży, łeb do hij bieży* (85), мороз — *Siwa kobylica wypiła wody pełną donicę* (86), иглу — *Chuda kobyłka ciągnie półtora drzewka...* (87); лексема *krowa* тучу — *Czarna krowa popod niebem lata* (102), перину — *Krowa leży, a skóra do wody bieży* (103), балку в кровле — *Stoi krowa w komorze, rogi ma na dworze* (105), пилу — *Stoi krowa na uboczu, nie ma rogów, ani oczu* (106), *W lesie krowa ryci, a ni ma ani pyska ani cicków* (108), огонь — *Czerwona krowa czarne ciele liży* (107).

Еще большее разнообразие референции проявляют кодовые номинации, являющиеся в прямом своем значении названиями лиц. Так, лексемой *дядо* в болгарских загадках может кодироваться почти любой зага-

данный денотат; *дядо* — это снег (в загадке № 311), кукуруза (644—647), лук (783, 827—831), улитка (1344), печка (3200), ножницы (2339), мост (2422), бочка (2767), стол (3039). Лексема *дедо* может обозначать кирку — *Стар дедо сос два заба* (2004), стол (3034), дымовую трубу (3138), сундук (3026), безмен (2510), деревянную фляжку для вина '*крондир*' (2652), слоеный пирог '*баница*' (2574), противень (2684), огонь (3070), дым (3096) и др.

В польских загадках лексемой *chłop* кодируются денотаты коса (434), топор (435), дорожный столб '*drogowskaz*' (437), стол (435), метла (441), часы (442).

В целом можно заключить, что, когда в функции явного термина выступает одушевленное имя, то имеет место большая произвольность при выборе кодирующей номинации, а когда в функции явного термина выступает неодушевленное имя, то имеет место большая детерминированность, обусловленность выбора кодирующей номинации признаками загаданного денотата.

В пределах текста одной загадки может содержаться несколько кодовых обозначений; при этом может быть два случая: а) несколько кодовых обозначений соответствуют нескольким загаданным денотатам, в этом случае они образуют единую тематическую последовательность номинаций, так: *паница* '*глиняная миска*' ...*яйца* — небо и звезды (45), *поле... овци... овчар* (17), *кошара... овци... козел* (142) — небо, звезды и месяц; *плевна... ат... ярец* (1681), *църква... граматщици... поп* (1685), *конушница... кони... цървен кон* (1678) — рот, зубы и язык; б) несколько кодовых обозначений соответствуют разным частям одного загаданного денотата, так: *гриб — Малко човече с голямо калпаче* (592), *сковорода — Меча стъпка, сврача опашка* (2700).

Разделение на части и кодирование отдельных частей может состоять: а) в выделении существенной для опознавания части загаданного денотата и названии ее частью тела человека или животного. Называние большей частью производится по признаку внешнего подобия или общности функции; так, *тыква — Църна кокошка со дълга опашка* (726), *Червена крава розгт и отзад* (724); *подсолнечник — Златна глава от кол гледа* (666), *кочан капусты 'зелка' — Патка с четирси крила* (916); *палка погонщика волов 'остен' — ...дълъг Райко с един зъб* (2051), *вилы — Щърба баба с три заба...* (2097).

б) В представлении загаданного денотата через последовательность сегментов (частей), находящихся друг под (или над) другом. Таким способом загадывается тело и голова человека, например: *Цуцка, над цуцка ламя, над ламя две шмъркала, над шмъркак два кладенца, над кладенци две меги, над меги рамно поле, над рамно поле гъста гора* (1566), ...*горица, под горица полянка, под полянка кайтанки, под гайтанки черешки, под черешки абълки, под абълки копанка, под копанка кочанче* (1569); *Stoja widły, a na widłach wór, a na worze młyn, a na młynie las, a w tym lesie owczarz owieczki pasie* (883); в польских загадках тем же способом горизонтального членения загадывается накрытый стол: *Stoi dąb, na dębie lipa, na lipie kunop, na kunopie glina, na glinie świnią* (876).

в) В разделении на внешнюю оболочку, поверхностный слой и сердцевину, внутреннюю часть. Такое описание загаданного денотата широко распространено в болгарских загадках; так, небо и звезды — *Пълна паница с пшеница* (28), *смоковница — Една торбица пълна семе* (450), *Пълн чувал с просо* (451), *Полно гърне со гниди* (457), *калина — Полна кутия со бисер* (460), *стручок — Бяла кадъна 'замужняя турчанка' в червено фередже загърната* (871), *В една риза безброй братя* (874), *кочан капусты — Стар деда сос дваесе кожуха* (914). Аналогичный прием распространен в польских загадках, так, *орех — Móły zielony domeczk z ogródkem, a w tym zielonym domeczku bruny domeczk, a w tym mółym brunym domeczku móły żółty domeczk, a w tym mółym żółtym domeczku — biółé serce* (879), *яйцо — Jest sobie biały świat, a w tym świecie żółty kwiat...* (954). Релевантным, информативным для опознавания загаданного денотата является именно само указание на членимость, возможность

разъятия на поверхностный слой и сердцевину, а конкретное название внешнего слоя, с одной стороны, и внутреннего содержимого, с другой, может варьироваться, существенно только, что поверхностный слой кодируется лексемами, обозначающими разного рода вместилища, а внутренняя часть кодируется лексемами, обозначающими либо однородные предметы, образующими гомогенную совокупность, либо вещества. Обозначение оболочки, вместилища может быть редуцировано до названия одного только верхнего покрытия; так, орех — *Четирма братя под един калпак* (483), зубы — *Тридесет и двама братя под една стряха* (1754) и т. п.

Вторым основным приемом описания загаданного денотата мы считаем название его признаков (ср. подразделение загадок у Я. Касьяна [12] на описательные, метафорические и сравнительные). При наличии в тексте загадки кодового слова определение всегда двунаправленно, характеризуется двойной отнесенностью, а именно, во-первых, к явному термину, кодовому слову, с которым связано прежде всего синтаксически, и, во-вторых, к скрытому термину, с которым семантическая, смысловая связь является более тесной, органической, чем с кодовым словом. Так, в болгарской загадке о небе *Син вир без дъно* (2) определение *син* одновременно относится как к загаданному денотату (небо), так и к его заместителю в тексте загадки (*вир*).

При том, что название каждого отдельно взятого признака является точным словом, правильно называющим характеристики загаданного денотата, совокупность признаков в пределах одной загадки составляет неполное описание загаданного денотата. Называемые признаки необходимы, но недостаточны для опознавания загаданного денотата, они могут лишь вызывать ассоциации с областью объектов, которым свойственны данные признаки, но при этом всегда остается неопределенность, недосказанность, неоднозначность. Выбор признаков для описания загаданного денотата может свидетельствовать о том, как видится этот денотат, с какими признаками он ассоциируется.

Признаки, в зависимости от того, какой аспект загаданного денотата они определяют, подразделяются на четыре группы.

1) Качественные признаки. Выражаются в основном качественными прилагательными и ориентированы в большинстве случаев на чувственное восприятие (зрительное, слуховое², тактильное и т. п.), описывают внешний облик загаданных денотатов, их цвет, форму, величину, фактуру поверхности, реже запах и вкус. В болгарских загадках прилагательные — обозначения цвета составляют больше половины (53%), а прилагательные, обозначающие размер и величину — 31% всех качественных прилагательных, использованных в болгарских загадках. В польских загадках соотношение иное: прилагательное — обозначения цвета в нем составляют всего 16,2% всех качественных прилагательных, а прилагательные, обозначающие размер или величину, составляют 31%.

В загадках часто используется прием соположения контрастных цветов. Этим достигается большая наглядность изображения — загадки как бы играют и переливаются всеми цветами радуги. Так, яблоко — *Цорвена кожа со бело месо* (396), абрикосовое дерево — *кайсия* — *Черна кокошка*, *златни пилета* (393), черешня — *Червени капки*, *зелени опашки* (389), кизил — *Зелено царство*, *червена войска* (522), дыня — *Зелен плет*, *червена градина*, *черни цветя* (745), зубы и язык — *Бели патки на червени керемиди* (1741); в польских загадках: *кочерга* — *Czarna kura*, а *czzerwone kurczęta wodzi* (181), зубы и язык — *Białe owieczki*, а *po między nimi kocioł czerwony* (113).

В ряде загадок словосочетание «признак (имя прилагательное) + кодовое слово (имя существительное)» может свертываться, трансформироваться в цельнооформленную номинацию со значением носителя признака; так, яйцо — *Желчо и Белчо в една риза* (1247), игла с ниткой — *Сивче*

² Признаки, ориентированные на слуховое восприятие, выражаются не качественными прилагательными, а глаголами звучания; ср. загадки о громовой туче — *Коза ереци*. . . (280) или о барабане — *Одерен бивол у долина реве* (3367).

напред, Белче по него (2329), солнце — Светла желтица цел свет насища (87), стручок — Имлм си една чърсена фунийка, пълна с жълтички (879).

В загадках без кодового слова — существительного функцию кода может принимать на себя признак, выраженный прилагательным; так, огонь и печь — Czerwone czarne liże (962), глаза и зубы — Czarne mruga, białe gryzie (958), печение хлеба (piekôrz, kominôrz, dym, ogień, chleb) — Bióły bez czerwiony go zaruchô, czôrny — modrawému drogę przepychô, zebë czerwiony modrawym dobrze oddychôł. Jak czerwiony lëcho nagrzejë, to bruny bez glënë nie je (955).

Признак может обозначать условия, в которых находится загаданный денотат. В этом случае признак выражается существительным (абстрактным названием признака); так, хлеб 'zboże' — W czerwieni się narodziło, w zieleni się nachodziło, w bieli ścięto, do domu wzięto (974).

2) Количественные признаки. Выражаются числительными, указывающими количество загаданных денотатов и их частей; так, конь с седоком — Две глави, шест крака, две ръце и една опашка (2481), корова — Четворица ходат, двошца бодат, и един висци (1008), фляга 'бъжлица' — Два тумбака с четири крака (2646). Числительные в загадке могут быть точными словами, тогда они информативны в аспекте опознавания загаданного денотата. Среди чисел, используемых в загадках, можно выделить группу абсолютно детерминированных, однозначно ассоциируемых с загаданным объектом; так, число 12 ассоциируется с количеством месяцев в году, 4 — с количеством недель в месяце, 7 — с количеством дней в неделе, а конкретный выбор кодового слова при этих числах произволен — такова загадка о составе года *Едно дърво има дванайсет клона, на всеки клон по четири гнезда, във всяко гнездо по седем пилеца* (190); число 5 ассоциируется с пальцами на руке: *пет сина* (1806, 1807), *пет брата* (1808), *пет оостре* (1809), *пет души* (1811) и др.

Количественные числительные могут фактически служить синонимами слова «много» — в этом случае при описании одного и того же денотата в разных загадках используются разные числительные, нет ассоциативной закреплённости, как в предыдущем случае. Так, в загадках о луке при обозначении кожуры лука в одной загадке используется число 9 — *Един овен, девет кожи* (792), в другой при обозначении того же денотата используется число 300 — *Триста кожуси носи* (798); то же в загадках о курице — *Кокона с триста кафтана* (1188), *Невеста со сто кожуха* (1189), *Кадъна деведесе рокли* (1191), *Парцалива циганка със седмдесет и седем антерии* = (крестьянская верхняя одежда) (1192), и, наряду с этим, *С иляда* (= *хиллада* 'тысяча') *кошули* (1193).

3) Относительные релятивно-определяющие признаки. Выражаются как относительными прилагательными, так и падежными формами существительных, семантика которых может указывать на тип отношения между обозначаемыми ими денотатами. Отношения между объектами образной части загадки проецируют, воспроизводят на ином материале отношения между загаданными денотатами.

Этот вид признаков можно проиллюстрировать на материале загадок, в которых отношения сопряженности, взаимосвязанности, сосуществования кодируются через отношения между терминами родства. Различаются одноуровневые объекты, кодируемые названиями лиц одного поколения (или одной национальности), но разного пола, и разноуровневые объекты, кодируемые названиями лиц разных поколений; так, лоза, гроздь, вино — *Дрипава майка, кротко дете, палаво внуче* (426), огонь и дым — *Баща му още не се родил, а сино у небо то вече* (3082), огниво, кремь и искра — *Татко от желязо, майка от камък, детето — пламък* (3243), ручная прялка, вертушка и шпулька — *Кривулест баща, перната майка, щупливи деца* (2248), деревянная ступа (*лучница*) — *Скокна тате, клецна мама, децата се разбягаха* (2714) и др.; в польских загадках: огонь и дым — *Ojciec się rodzi, a syn po dachu chodzi* (580), соломо-резка — *Ojciec z miasta, matka z lasa, dziurawe dzieci mają* (578), *Ojciec żelazny, drewniana matka, dzieci słomiane* (576), ступа — *Matka płaskatka, ojciec garbusek, a dzieciątko golisiątko* (567), *Ojciec łysy byk, matka*

poleznica, a dzieci jagnięta (574), горшок, крышка и картофель — Ojciec pękajka, matka czubajka, a dzieci gołysięta (575), скалка, глиняная миска и мак — Ojciec z lasa, matka z miasta, dzieci z ogrodu (577). Третьим приемом является оппозиция — операционный прием, состоящий в введении значимого противопоставления признаков. Фиксация, подчеркивание противопоставления признаков выполняет функциональную нагрузку усиления значимости данных признаков для отгадывания, опознавания загаданного денотата.

а) Для локативных оппозиций особенно характерно противопоставление «снаружи (вне) — внутри», например: орех — *Кокалите му отвън, а месото му вътре* (520), дыня — *Отвън зелено, вътре червено* (742), капуста — *Нозете в земя, главата надвор* (926), улитка — *Лежи вола в обора, рогата му на двора* (1259), *Кокалите му отвън, пък месото му отвътре* (1360), черепаха — *Кака 'старшая сестра' в къщи, краката и отвънка* (1394), гвоздь — *Осман паша у затвора, а главата му на двора* (2154), сверло — *Главата му в обора, рогата му на двора* (2162), *Телото му вътре, ушите му вънка* (2163), ложки в ящичке 'лѣжичник' — *Сите говеда у обор, опашките им отнадвор* (2746); морковь — *Ciało w komorze, ogon na dworze* (208), балка в кровле — *Stoi krowa w komorze, rogi ma na dworze* (105), сточная канава 'gynsztok' — *Stoi koń w stajni, a na dwór mu ogon widać* (92), балка в деревянном потолке — *Dziad w chałupie, broda w sieni* (446), навес — *Smolawa w izbie, a nogi na dworze* (718), свеча — *Na wierzchu ciało, a wewnątrz koszula* (274). В ряде загадок используются противопоставления «сверху — снизу» (борода — *Въровеете надоле, коренето нагоре* (1803), черепаха — *Отдолу лопата, отгоре корито...* (1381), лук — *Главата му надолу, краката му нагоре* (833) и «в одном месте — в другом месте» река — *Главата му в балканат, пък краката му в морето* (256), лучи солнца — *Заклаж вол на тоя рид, кръвта му цъкна на оня* (95), *Във Стамбол са пече пликета, а тук замираиса* (121), грозовая туча — *На небото чука, на земята се чуе* (281).

б) В темпоральных оппозициях подчеркивается, что в разное время (суток или года) у загаданного денотата актуализируются разные признаки; так, кукуруза — *Лятно време с риза, зимно време без риза* (651), растение — *Зиме се соблича, лете се облича* (360), дерево — *Сутрин носи бели дрежи, пладня носи зелени дрежи, вечер носи жълти дрежи, ноця я обират* (359), заяц — *Летоска сив, зимаска бел* (1131), постель — *Денем съм празен, нощем съм пълнен* (3014), лед — *През дено стъклото разбито, вечеро стъклото направено* (333), сосулька — *Зимаска расне, летоска умира* (335), огонь — *Вечър момичка, деням купичка* (3053), метла — *Деням слуга, нощям господарка* (3291); печь — *W zimie serpy, w lece ziemny...* (977), *W zimie grzeje, w lecie chłodzi, a na wiosnę ludzi zwodzi* (1044), Саѓа зиме ѓре, а в лecie поѕи (1192), ботинок — *...W nosy stoi proźne, a we dnie pełne mięsa* (995), дерево — *W zimie je goły, a lece oblokły* (981), пояс 'sznurowka' — *We dnie jak waź, w nosy jak drabina* (191).

в) Содержанием оппозиции может быть также отношение к загаданному денотату, различное в разные периоды времени: ср. болгарскую загадку о печке — *Зимаска го обичам, летоска го мразим* (3202) и польскую загадку о кожухе — *W zimie szanowany, w lecie zabaczony* (1200).

г) Оппозиции количественных признаков опираются на противопоставления типа «много — мало», «все — ничего», «все — только один»; так, месяц и звезды — *Турчино един, турчетато илядо* (145), звезды — *Ноця го има много, деня го нема никак* (146), снег — *Бяла черга сичко покрила, само дѣлга Неда не покрила* (303).

Четвертым приемом является сравнение загаданного денотата и его частей с объектами, названными в загадке. В тех загадках, где используется прием сравнения, в большинстве случаев отсутствует кодовое слово: вместо него выступает название предмета сравнения, которое изофункционально кодовому слову, но в отличие от него, всегда выступает в собственном денотативном значении. Выбор предмета сравнения всегда обусловлен наличием общих признаков со сравниваемым загаданным денотатом.

В загадках возможны следующие виды сравнения: а) загаданный денотат сравнивается с названным в загадке объектом по признаку общности функции; так, рожь — *Расте, като девойка, срами се като невеста* (642), ежевика — ... *Дере, дере като маче* (601), *Като змия се влачи, като котка драци* (616); б) загаданный денотат сравнивается с названным в загадке объектом по признаку внешнего подобия; так, тыква — *Дълго, дълго като въже* (704), тень — *Тъмна, како ноцта...* (175), соль — ... *Jak śnieg białe* (998), сахар — *Biały jak śnieg...* (52), пузырь — *Lekkie jak pióro, wielgie jak głowa...* (982), черешня — *Nóprzód bióły jak snieg, téj zelony jak trówa, na ostatku czerwiony jak krew* (952); в) загаданный денотат сравнивается с названным в загадке объектом по признаку обладания сходным по форме или функции сегментом: так медный котел для водки 'казан за ракия' — ... *Снага има, како човек, раце има, како човек* (2762), ступа — *Głowa jak pałka, ogón jak piszczalka* (213).

В отдельных редких случаях в тексте одной загадки наряду с обозначением предмета сравнения использовано кодовое слово, и сравнение производится не с загаданным денотатом (скрытым термином), а с явным термином, например, в загадке о тыкве — *Майката като въже, детето като прасе* (701).

Пятым приемом является негация, которая истинна применительно к загаданному денотату: если в зашифрованном описании что-либо отрицается, то этого действительно нет у загаданного денотата, или он не характеризуется отрицаемым у него признаком, или не может выполнять отрицаемого действия, или не является тем объектом («предметом обманутого ожидания»), который назван в загадке и т. п.

Соответственно можно выделить несколько видов негации. 1) Отрицание того, что названный в загадке денотат, который предположительно мог быть загаданным объектом, в действительности им является. Основанием для такого предположения могут быть: а) общность функции предмета обманутого ожидания и загаданного денотата: паук — *Да е жена, не е жена — тънко преде, тънко тъче* (1492), *Рибар не е, тънка мреже плете* (1500), месяц, луна — *Не е сънце, не е огин, а свети и обикаля* (134), самолет — *Не е птица, а лети, не е брѣмбар, а брѣмчи* (2499); в сочетании с приемом сравнения: солнце — *Като злато жълто, — не е злато, като свец свети, — не е свец* (89), шиповник — *Като котка драци, котка не е* (544), ежевика — ... *Гребе, гребе като мачка, не е мачка* (604), ... *Драци като коте — и коте не е* (605); б) внешнее подобие, сходство по признакам цвета или формы: солнце — *Като злато жълто — не е злато* (89), молоко — *Бело, бело като сняг...* (2590), ежевика — ... *Зелено съм, гуцер 'ящерица' не съм* (612), *Дълго, дълго, въже не е, вито, вито, кълбо не е* (610), сорока — *Zielone to — nie trawa to, ... białe to — nie dzień to, czarne to — nie noc to* (971); в сочетании с приемом сравнения: ежевика — *Дълго като въже — не е въже* (605), таракан — *Charny, a nie kruk ('ворон')* (170), вишня — *Zielone jak łąka, a nie łąka; białe jak mała; a nie mała; czerwone jak lis, a nie lis...* (969), брюква — *Zelony jak łąka, a łąka to nie je; bióły jak mała, a mała to nie je...* (970); в) общность сегмента или предмета неотъемлемой принадлежности; так, улитка — *Бреме влачи, кон не е, рогове носи, вол не е, кащата си на гръб носи* (1372), *Товар носи, кон не е, с перо пише, поп не е* (1371), *Рога има, ол не е, седло има, кон не е* (1374), *Къща има, человек не е, рога има, вол не е* (1375), петух — *Коруна носи, цар не е, мамузи 'шпоры' носи, джандар не е* (1175), ежевика — ... *Нокти има като котка — не е котка* (606), ... *Уши пери като заек, да е заек, не е заек* (611), ... *Новти има, мачка не ѝе* (613), репа — *Трева не е, лист има, опашка има, коза не е, — сол ближе* (943), *Във земята седи и въже влаче като биче, да е биче, не е биче* (944), коза — *Рога носи, вол не е, млеко дава, крава не е, брада носи, поп не е* (1044), *Брада има, поп не е, рога има, вол не е* (1045), таракан — *Rogaty, a nie wół* (170), жѣлудь — ... *Mész nie bęło, ogón miało* (656), петух — *Choć nie jestem królem, noszę koronę; choć nie jestem ryccerz, mam z ostróg obronę?* (378), постель со спящим — *Mô puch i pióra, a nie je ptóch, mô cało i dęszę, a nie człowiek, mô szesc nóg, a nie zóden zwiżér* (240), комар — *Nie jestem ptakiem, chociaź mom skrzydełka* (147), виш-

ня — ...Ma ogonek jak mysz, a nie mysz (969), брюква — ...Mô plech jak ksądz, a ksądz to nie je (970), сорока — ... Ogon to ma — nie krowa to (971).

2) Отрицание существования у загаданного денотата сегментов или предметов неотъемлемой принадлежности. Загадки с отрицанием этого типа обязательно содержат кодовое слово, называющее предмет или существо, обладающее теми частями или предметами неотъемлемой принадлежности, наличие которых отрицаются у загаданного денотата; так, мороз — *Цар без глаз* (229), тыква — *Пълна къща със деца, без прозорци, без врата* (698), дыня — *Без пенджуре, без врата, пълна къща със дяца* (757), улей с пчелами — *Без прозорец, без вратица пълна къща с децица* (1420), река — *Дълга Яна сянка няма* (242), *Дълга Неда без кокали* (251), лист оливковой ветки, принесенный голубем — *List bez liter* (850), яйцо — *Poszewka bez szewka* (815).

Кодовое слово может обозначать не загаданный денотат, а другую его часть, имплицитную наличие отрицаемой; так, колос — *Коса има, ама глава нема* (635), кукуруза — *Коса има, глава няма* (655), медный котел 'казан' — *Чалма има, глава нема...* (2762), весы, безмен — *Нокти има, ръце нема, язык има, уста нема* (2516), пила — *Ma zęby, a nie ma gęby* (348), гребенка — *Ani nóg, ani rąk, ani gęby, jeno grzbiet i zęby* (313), капуста — *Mam tylko głowę, lecz nie mam ciała...* (291).

Когда отрицание наличия сегмента или предмета неотъемлемой принадлежности сопровождается указанием на совершение действия, производимого с помощью этого сегмента или предмета неотъемлемой принадлежности, наличие кодового слова в тексте загадки факультативно. Так, в болгарских загадках: ветер — *Без ръце, без крака, а вратата отваря* (219), зима — *Бяла гъска без зъби, като те ухапи, много боли* (233), *Забил нема и пак каса* (234), эхо — *Живее без тяло, говори без език* (357), клещи — *Зее, а язык нема* (2177), зеркало — *...Очи нема — види сичко* (2907), огонь — *Няма уста, а колкото му туриш, все яде* (3057), тень — *Нозе нема се по теб оди* (174); в польских загадках: печка — *Jest człowiek w domu bez wnętrzości, bez krwi, a zawsze grzeje* (258), снег и солнце — *Leciał ptak bez pierza na drzewo, będące bez liścia, przyszła pani bez ust i zjadła tego ptaka* (145), дым — *Nie ma rąk, ani nóg, do góry wylizie, panów w oczu gryzie* (335), паук — *Chociaż ni miał rąk, sieć na muchy sprzął* (331), палка — *Ani oczów, ani uszów, niewidomych może prowadzić* (321), хмель — *Nie ma nóg ani rąk, wlezie na najwyższy drag* (315), река — *Nóg nie ma, a biegnie, rąk nie ma, a bieży* (311), лейка — *Ani nóg, ani rąk idzie do rzeki, spije, spije się kieby бак* (310), крапива — *Bez nóg, bez rąk, a ugryzie jak бак* (312), письмо — *Nie ma nóg, ani rąk cały świat przeleci* (314), игла — *Ni mô ręków, a szję* (336), ветер — *Leciało bez pole, nie miało rąk ani nóg...* (333), бутылка с вином — *Ni mô rąk ani nóg, mô sztywny kark, a kraży w kół* (334), перина — *Nie ma rąk ani nóg, opije się gdyby бак* (332).

3) Отрицание совершения действия загаданным объектом при указании на наличие у него сегмента или предмета неотъемлемой принадлежности, с помощью которого производится отрицаемое действие. Этот прием используется в болгарских загадках: стол — *Крака има, ъ не ходи* (3043), гребень — *Зъби има, а не хане* (2913), игла — *Уши има, а не чуе* (2315); в польских загадках: еж — *Nie szyje, a igły ze sobą nosi* (1152), грабли — *Ma zęby, nie gryzie...* (349), пила — *Mô zębë, a nie jódóm, głos wędaje, a nie gódóm* (350), соломорезка — *Ma nogi — nie chodzi, ma uszy — nie słyszy...* (228), игла — *Mô uchô, a nie słuchô* (340), железный кухонный горшок ('грапа') — *Ma nogi — nie chodzi, ma uszy — nie słyszy, ma gębę — nie zjada, a wszystko z niej przepada* (304), *Ma trzy nogi, a nie może chodzić, ma dwa uszy, a nie może słyszeć, ma jedną gębę, a nie może gadać* (308).

При создании загадки, как правило, одновременно используется несколько приемов; при этом употребление одних приемов имплицитно, или, наоборот, исключает использование других. Подробно вопрос о комбинации приемов в пределах одной загадки, их совместимости или взаимоисключаемости будет рассмотрен в специальной статье, где будут приведены результаты классификации загадок по формальным критериям.

1. *Митрофанова В. В.* Русские народные загадки. Л., 1978.
2. *Поливанов Е. Д.* Формальные типы японских загадок.— В кн.: Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
3. *Taylor A.* Problems in the study of riddles.— *Southern Folklore Quaterly*, v. 2, 1938, № 3.
4. *Taylor A.* The riddle.— *California Folklore Quaterly*, v. 2, 1943.
5. *English riddles from oral tradition.* Berkeley — Los Angeles, 1951.
6. *Левин Ю. И.* Семантическая структура загадки.— *Паремиологический сборник.* М., 1978.
7. *Стойкова С.* Български народни гатанки. София, 1970.
8. *Foljasiński S.* Polskie zagadki ludowe. Warszawa, 1975.
9. *Лавонен Н. А.* Карельская народная загадка. Л., 1975.
10. *Кенгес-Маранда Э.* Логика загадки. *Паремиологический сборник.* М., 1978.
11. *Волоцкая З. М.* Лексика болгарских загадок (опыт сопоставления номинации загаданного денотата и его кодового обозначения) (в печати).
12. *Kasjan J. M.* Poetyka polskiej zagadki ludowej. Toruń, 1976.

БАЛТИЙСКИЕ И ПАЛЕОБАЛКАНСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ НЕКОТОРЫХ НАЗВАНИЙ РЕК ПРАВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЫ

Книга О. Н. Трубачева «Названия рек Правобережной Украины» [1], как и опубликованная ранее работа В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья» [2], имеет большое значение для этногенетических исследований по данному региону. Представляется, однако, что возможности выявления балтийских и палеобалканских соответствий для названий рек Правобережной Украины еще не полностью исчерпаны: среди них имеются и такие гидронимы, происхождение которых О. Н. Трубачев не установил или считал их небалтийскими и непалеобалканскими, но для которых можно предположить балтийское или фракийское, дакийское, иллирийское происхождение. Кроме того, весьма существенно, что после появления трудов И. Дуриданова [3, 4, 5 и др.] и В. Н. Топорова [6, 7, 8] о балто-фракийских языковых параллелях становится возможным искать балтийские соответствия для некоторых названий рек Правобережной Украины, которые в книге О. Н. Трубачева трактуются как палеобалканские языковые элементы, а для названий рек, которые признаны балтизмами, фракийские, дакийские или иллирийские соответствия.

Ниже обсуждаются четыре гнезда гидронимических корней, распространенных во всем балто-фракийском ареале, в том числе и на Правобережной Украине.

1) *Альта* (п. п. Трубежа, л. п. Днестра), варианты *Ильтица*, *Льтица*, *Иртыца*, ср. древнее название болота у истоков *Альты* — *Л(ь)то*, *Алто*, *Олто*. О. Н. Трубачев склонен поддержать тех авторов, которые сближают название реки *Альта* с целым рядом древних европейских гидронимов близкой структуры: названием притока Дуная Ἀλοῦτας (у Птолемея), *Alutus* = совр. рум. *Olt*, далее — Ἄλτος (Македония), *Alto* (Иллирия), *Altina* (Паннония и Нижняя Мизия), *Altinum* (Венеция), а также с рядом гидронимов Западной Европы [1, с. 167; 9, с. 13—14]. И. Дуриданов для дакийского названия замка Ἀλτίνα приводит балтийские топонимические параллели с *Alt-*: лтш. *Aļtīpi*, *Altene* (населенные пункты), *Aļtenes-mežs* (лес), *Altenes-purvs* (болото), *Aļtu-kalns* (гора), лит. *Altis* (река), жем. название луга *Алт-уне* и днепровское *Альта*, которое он считает балтизмом; кроме того, он указывает некоторые из упомянутых выше европейских гидронимических параллелей, а также название реки в Албании *Altus* [3, с. 16].

Уже К. Каспарсонс для латышских названий с корнем *Alt-* указал иллирийские ономастические параллели — *Altinius*, *Altinum* [10]. Г. Краэ [11, с. 17—18] и И. Дуриданов [3, с. 16] вышеупомянутые топонимы считают производными от и.-е. корня *el-: *ol- ‘fließen, strömen’, к которому возводят и балтийские слова: лит. *alėti* ‘von Wasser überschwemmt werden’, лтш. *aluots* ‘Quelle’ (расширены детерминативом корня -t-). К выше-

упомянутому источнику следует возводить и название реки в Подмосковье *Алтынист*, которое считает балтизмом В. Н. Топоров, приводя балтийские соответствия с корнем Alt- [12, с. 249].

Относительно этнических связей среднеднепровского названия реки *Альта* О. Н. Трубачев придерживается иного мнения, чем И. Дуриданов: советский ученый считает наиболее вероятным, что «среднеднепровская *Альта* — не равноправный представитель древнего ареала alt-/elt-, но занесена туда с юго-запада, с Балканского полуострова, непосредственно из восточной его части, как некоторые другие гидронимы, во всяком случае на среднеднепровском правобережье» [1, с. 167]. Свообразным подтверждением такого мнения О. Н. Трубачев считает существование варианта *Иртыца*, показывающего, что помимо *Aluta с Балканского полуострова занесена туда также и *Aruta с такой приметой, как дакский ротацизм [1, с. 167—168, 248].

Мы не будем здесь обсуждать вопрос о том, чье мнение — О. Н. Трубачева или И. Дуриданова — более правдоподобно. Для темы данной статьи более важно обратить внимание на то, что между балтийским и так называемым палеобалканским топонимическими ареалами, имеющими Alt-, нет разрыва и что нельзя установить, где кончается балтийский ареал и где начинается фракийский, дакийский или иллирийский. Об этом свидетельствует анализ и других названий рек Правобережной Украины. *Иртыца* — вариант обсуждаемого среднеднепровского гидронима *Альта* — может восходить и к и.-е. *er-: *or- 'sich in Bewegung setzen', к которому И. Дуриданов возводит дак. Arine (река), Ἀρῖνα (замок) и их балтийские соответствия [3, с. 17]. Поэтому трудно доказать, что среднеднепровская *Альта* с ее вариантами занесена непосредственно с восточной части Балканского полуострова, а не является равноправным представителем древнего ареала alt-/elt-.

На Правобережной Украине имеется и название реки Олава (п. п. Сулы). О. Н. Трубачев, следуя Розвадовскому и другим авторам, относит это название целиком, включая и корень и конец слова, к праевропейскому гидронимическому слою, ср. польск. Olawa, (л. п. Одры под Вроцлавом), Alau (приток *Aa* на территории Латвии) [1, с. 52—53; см. также 13, с. 150; 14, с. 51]. Имеется большое количество балтийских, а также фракийских и других соответствий — все они восходят к и.-е. *el- 'fließen, ginnen, laufen'.

2) *Балы* (п. п. Белки, бассейн Горыни) О. Н. Трубачев считает гидронимом балтийского происхождения и сравнивает с балт. *bal- 'белый', а также с лит. balà 'болото' [1, с. 101, 227, 249]. В балтийской топонимии широко представлены производные от корня bal-. Большая часть топонимов с этим корнем характеризуют болотистую, топкую местность, где протекают реки или имеются стоячие воды [15]. Имеются параллели и в дакийском, фракийском и других языках. Дакийское название замка Βάλαζου с прусским топонимом Volausen сопоставил уже Г. Краэ [16, с. 108]. И. Дуриданов, признавая это сопоставление правильным, приводит и этимологию; первый компонент прусского и дакийского соответствий он возводит к и.-е. *bhēl- 'weiß' в лит. balà 'Sumpf, Morast, Pfühl', bālas 'weiß', лтш. bāls 'bleich, weiß' [3, с. 19, 99; см. также 15, с. 126]. Румынские топонимы Balta и апеллятив baltă 'болото' с балтийскими параллелями В. Дамбе [15, с. 127—128, 149]. Как и указанные румынские соответствия, дакизмом, скорее всего, является и название большого озера в Венгрии Val-aton, для которого В. Дамбе допускает, с другой стороны, связь с балтийским корнем [15, с. 126]. К тому же источнику относятся дакийский антропоним Val-ius, фрак. -βαλ-ις в антропониме Βαξ-ο-βαλ-ις, мессапский антропоним Val-ias, Ball-ihī, кельтский антропоним Val-io, которые с балтийскими антропонимами и топонимами сопоставил И. Дуриданов [3, с. 74, 93], а также и фракийские компоненты -βαλ-ος, -bal-es, -bal-us, -βαλλ-οι, -ball-i в Αρει-βαλ-ος, Δεκ-έ-βαλ-ος, Dec-e-bal-us, Din-i-bal-us, Din-i-bal-es, Ουατο-βαλ-ος, Τρι-βαλλ-οι, Tri-ball-i и, возможно, в некоторых других названиях, прозвище Юпитера Βαλ-ηος, прозвище Диониса Βάλ-ις, название города в Македонии Βαλ-οία, Βάλ-οιον,

далм. Bal-oiē, -ia (топоним), кельтские антропонимы Bal-anus, Bal-arus, фриг. βαλ-ήν 'König' [9, с. 41—42].

В. Н. Топоров с балтийскими топонимами сопоставил название реки в восточной Вифинии Βίλλ-α(ι)ος, Βίλλ-εος, антропонимы из Эпира Βίλλ-ηρός, Βίλλ-ηνή, а также лат. Bil(l)-enus, Bill-ienus, Bill-ius и макед. Βίλλ-εας [7, с. 38]. Балтийские топонимы, имеющие Bil-, Vel- и др., с топонимами, имеющими Val-, связывает В. Дамбе [15]. Следует полагать, что такого же происхождения и упомянутые фракийские, латинские и македонские соответствия с Bil-. Балтийские соответствия имеют и суффиксы фракийских названий: ср.-α(ι)ος во фрак. Βίλλ-α(ι)ος с литовским топонимическим суффиксом -aj- или -oj- [17, с. 80—81, 391, 185—186, 416], -ηρός в антропониме Βίλλ-ηρός, -ηνή в Βίλλ-ενέ — с лит. -ėnas, -ėnė, лтш. -ēns, -ēne, которым соответствует слав. -ѣн-, а также и греч. -ήν- (для фракодакийского суффикса -ην- балтийские соответствия привел уже И. Дуриданов [3, с. 98]).

Имя посланника иллирийского короля Bellus с латышскими топонимами сопоставил К. Каспарсонс [10, с. 194]. Следует здесь отметить, что и во фракийской ономастике имеются названия с Vel-, Vηλ- — названия замков Βελ-ε-δίνα, Βηλ-α-σούρας антропоним Βελ-ι-αρις и др. [9, с. 48—49, 56; 3, с. 29], — для которых имеются балтийские соответствия с Vel-, Vēl- [15, с. 129—130, 146, 149; 18, с. 81—84 и др.].

Можно полагать, что окончание -ы в названии *Балы* показывает, что и балтийское население, от которого унаследован этот гидроним, употребляло его во множественном числе, подобно лит. bālos 'болота', ср. балтийские топонимы, имеющие форму множественного числа: лит. Bāļų ūpė [19, с. 14] и т. д., лтш. Baļi, Balaņi [15, с. 125].

3) Название реки *Гривка* в книге В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева толкуется как балтийское, ср. прусск. оз. Greywa (озеро), лит. Grūva (река), лтш. Grīva (река), лтш. апеллятив grīva 'устье' [2, с. 183]. Балтийскую этимологию днепровского названия реки *Гривка* критиковал в своей рецензии на эту книгу В. Кипарский, обратив внимание на румынское название района города Бухареста Grivița [20, с. 428]. В своем новом труде «Названия рек Правобережной Украины» О. Н. Трубачев пишет: «Дусмысленность этимологического случая *Гривка* состоит в том, что апеллятив grīva в близких значениях известен и славянскому, в том числе и топонимии славянского происхождения, ср. рум. Grivița, название района города Бухареста» [1, с. 95]. Однако далее О. Н. Трубачев высказывает совершенно справедливое мнение, что география известных случаев восточнославянских гидронимов *Гривка* (бассейн Березины, Припяти, Зап. Двины, непосредственная территория современной Литвы) свидетельствует скорее в пользу их балтийского происхождения [1]. В. Н. Топоров балтизмом считает и название деревни *Грива*, имеющиеся в старых документах Подмосковья [12, с. 272].

И. Дуриданов сопоставил дакийское название замка Grīvo с балтийскими словами, в том числе и с лтш. Grīvīte (река) [3, с. 25—26], которое имеет особенное значение для выяснения происхождения рум. Grivița. Этот румынский топоним полностью совпадает с латышским гидронимом, имея адекватный последнему названию деминутивный суффикс -iță, который, видимо, является реликтом дакийского субстрата, тем более, что этот суффикс зафиксирован и во фракийском. Поэтому рум. Grivița более вероятно считать дакизмом. В пользу такого мнения свидетельствует и факт нахождения в письменных памятниках дакийского названия замка Grīvo.

4) Сравнение названия реки *Сарна* с польск. sarpa 'серпа' [1, с. 177] представляется неправильным. Этот гидроним скорее следует связывать с названием левого притока Днестра *Сере-т* и его балтийскими и палеобалканскими соответствиями, в том числе латышским названием усадьбы Sār-n-ate (подробнее см. 21, с. 122).

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубацев О. Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.
2. Топоров В. Н., Трубацев О. Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
3. Duridanov I. Thrakisch-dakische Studien. T. I: Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969.
4. Duridanov I. Die Stellung des Thrakischen im Kreise der indoeuropäischen Sprachen. In: Thracia. I. Primus congressus studiorum thracicorum. Sofia, 1972.
5. Дуриданов И. Езикът на траките. София, 1976.
6. Топоров В. Н. К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры. — В кн.: Первый симпозиум по балканскому языкознанию. Античная балканистика (23—24 мая 1972 г.). Предварительные материалы (Тезисы докладов. Сообщения. Аннотации). М., 1972.
7. Топоров В. Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям. — В кн.: Балканское языкознание. М., 1973.
8. Топоров В. Н. К фракийско-балтийским языковым параллелям. II. — В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977.
9. Detschew D. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957.
10. Kasparsons K. Illyrica. In: Filologu Biedribas Raksti. XX sējums. Latviešu filologu biedribas izdevums. Rīga, 1940.
11. Krahe H. I. — Erweiterungen der Basis al-/el- in Fluss- (und Orts-)namen. Beiträge zur Namenforschung, Zg. 15. Heidelberg, 1964.
12. Топоров В. Н. «Baltica» Подмосковья. — В кн.: Балто-славянский сборник. М., 1972.
13. Rozwadowski J. Studia nad nazwami wod słowiańskich. Kraków, 1948.
14. Стрижак О. С. Назви річок Полтавщини. Київ, 1963.
15. Dambe V. Saknes bal(i)-, pal(i) (skaņu mija) ar slapjas vietas nozīmi vietvārdos. In: Veltījums akadēmikim Janim Endzelīnam. 1873—1973. Rīgā, 1972.
16. Krahe H. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954.
17. Vanagas A. Lietuvos TSR hidronimų daryba. Vilnius, 1970.
18. Катанова Е. Некоторые балтийские гидронимы бассейна Западной Двины на территории Белоруссии. Latvijas PSR Zinatņu akadēmijas Vēstis. Rīga, 1973, № 4.
19. Lietuvos TSR upių ir ežerų valdynas. Vilnius, 1963, c. 14.
20. Kiparsky V. (рец. на кн. В. Н. Топоров, О. Н. Трубацев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья) — Zeitschrift für slavische Philologie, Bd. XXXI, 1963.
21. Rišsa V. Desniakrantės Ukrainos upėvardžiai ir jų baltiškieji atitik menys. In: Mokymo ir auklėjimo problemos. Respublikinės konferencijos tezės. Siauliai, 1973.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

ПАШАЕВА Н. М.

СЛАВЯНСКАЯ БИБЛИОТЕКА О. М. БОДЯНСКОГО

Значение отдельных книг, а тем более книжных собраний, как важных исторических источников своего времени сейчас не подлежит уже сомнению. Однако лишь немногие из них стали предметом специального изучения. К числу интересных собраний, о которых имеются лишь отдельные отрывочные упоминания, принадлежит и так называемая «Библиотека Бодянского». Известно, что из своей заграничной поездки по славянским землям в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. Бодянский привез коллекцию книг, переданную им библиотеке Московского университета, и что в настоящее время хранящаяся в отделе редких книг научной библиотеки МГУ им. А. М. Горького «Библиотека Бодянского» насчитывает 2349 томов [1]. Что представлял собой Бодянский как книжный собиратель, каких принципов подбора он придерживался, все ли привезенные им книги попали в Московский университет и если нет, то что представляли собой не попавшие, наконец, что может дать библиотека Бодянского современному исследователю-слависту — эти вопросы до сих пор не ставились. Мы постараемся кратко на них ответить, понимая, что тема не может быть исчерпана в небольшой журнальной статье.

Осенью 1837 г. только что защитивший диссертацию 29-летний магистр славянской филологии Иосиф Максимович Бодянский по командировке Московского университета отправился в двухлетнее путешествие за границу. Согласно университетскому уставу 1835 г. в Московском университете предполагалось открыть кафедру «Истории и литературы славянских народов» [2, с. 340] и Бодянский был командирован для подготовки к занятию кафедры по новой тогда дисциплине. Из-за болезни Бодянского путешествие продлилось не три, а целых пять лет. Осенью 1842 г. он вернулся в Москву и занял кафедру. Разные авторы по-разному оценивали итоги этого весьма трудного странствования, но почти не была затронута одна из важнейших сторон вклада Бодянского в русскую славистику — его труд как собирателя библиотеки по славяноведению¹. В условиях путешествия это был поистине научный подвиг ученого. Никакие книжные приобретения не входили в официальный план поездки, никаких дополнительных денег на покупку книг ассигновано не было. Более того, как явствует из писем Бодянского к Погодину, он нерегулярно получал и причитающиеся ему командировочные, а будучи сыном небогатого украинского священника сам Бодянский сбережений не имел. В начале своего путешествия он тщетно пытался привлечь внимание университетского начальства на необходимость приобретения книг. Так он пишет из Праги М. П. Погодину 20 февраля (нового стиля) 1838 г.²: «Скажите и

¹ Исключение составляет краткая, но очень емкая страница из биографии Бодянского Н. А. Кондрашова [3].

² Бодянский во время своего путешествия и в письмах и в надписях на книгах ставил двойную дату — и по старому и по новому стилю. Данное письмо написано в спешке, этим, вероятно, и объясняется дата только по новому стилю.

если можно надоумите и Попечителя³, чтобы он поручил мне составить здесь отборную славянскую библиотеку для нашего университета: теперь я имею для того самое выгодное время... Если он согласится на это, то я узнав о том из Вашего письма буду к нему писать, и, коли он хочет, могу тогда же приложить реестр тем книгам, которые я, вместе с Шафариком, находил нужным для библиотеки нашего университета по Славянской кафедре... Если Попечитель не согласится на ассигнование особенной суммы на этот предмет, то, по моему мнению, можно было бы закупить хоть столько книг, сколько причитается денег на славянскую кафедру для профессора ее на выписку сочинений по его части каждорочно» [4, с. 19—20]. В следующем письме к Погдину, начатом в тот же день, Бодянский продолжает разговор о выписке книг и прибавляет: «Во время своего здесь пребывания я составил бы отборную библиотеку по Славянской кафедре: без книг кафедра не может стоять» [4, с. 30—31]. Позднее он еще пытается вести переговоры о приобретении для университета книг из предлагаемой Ганкой библиотеки, но все эти усилия остаются без последствий. Бодянский приобретает книги для себя на свои собственные весьма скудные средства. Он привозит в Москву из путешествия большую собственную библиотеку славяноведческих книг. «Газеты говорили о пяти тысячах, но сам он допускал, что их было около трех тысяч», — писал позднее Ягич [2, с. 318]. Начинаются переговоры о приобретении книг. 17 июля 1843 г. Бодянский, тогда уже профессор университета, подает опись книг, которые предлагает уступить университету по себестоимости, — всего 1906 номеров. «Одно лишь желание доставить университету вдруг средство повести изучение славяноведения с самого начала сколько возможно правильное и успешнее, — писал Бодянский Строганову 31 июля 1843 г., — побудило собирателя ее уступить ее месту своего воспитания. Имея это в виду он не позволил себе прибавить решительно ничего к той цене, в которую библиотека его обошлась ему самому». Ученый лишь выговаривает себе право «брать из нее беспрепятственно на дом нужные ему книги, даже и тогда, когда бы он не был уже более профессором славяноведения» [5, с. 474]. Попечитель откликнулся на предложение Бодянского и библиотека была приобретена, причем «без пособия казны» — сумму в 3 142 р. 851 копейка серебром, в которую библиотека обошлась ученому, по предложению Строганова, заплатил почетный смотритель Бронницкого уездного училища губернский секретарь и кавалер Шелапутин, который «изъявил готовность принести в дар Московскому университету вышеозначенную сумму» [5, с. 475].

Бодянскому не удалось доставить в библиотеку все предложенные им книги. Один ящик — 145 названий — пропал в Вене. Между тем за попытку публикации сочинения Д. Флетчера «О государстве Русском» Бодянского удаляют в Казанский университет и он вынужден подать в отставку в начале 1849 г.⁴ [6]. И тогда взамен так и не поступивших книг из Вены Бодянский дает 145 других славянских книг, а сверх того дарит университету еще 165 книг, из которых целый ряд — редкости. С университетом опальный профессор расплатился по-царски.

В библиотеке МГУ в отделе редких книг хранятся две инвентарные книги (ОРКиР НБ МГУ список книг 87 и 87а). В первой переплетен собственноручный список Бодянского 1843 г. на 1906 томов. Во второй книге находится копия списка, второй список Бодянского на 145 и 165 томов 1849 г. и копия цитированного нами письма Бодянского к Строганову. Обе книги использовались как инвентарные, мы находим в них шифры по каталогу Рейсса, принятому с 30-х годов XIX в. в библиотеке МГУ, различные пометки. Первый список озаглавлен «Славянская библиотека профессора Бодянского 17-го июля 1843. Москва». В нем числится: на чешском языке 627 томов, на иностранных языках по чешской истории, литературе, географии и т. п. 114 томов, на словацком языке 15, на поль-

³ Имеется в виду попечитель Московского учебного округа граф Сергей Григорьевич Строганов.

⁴ Бодянский был возвращен в Московский университет в декабре 1849 г.

ском — 411, на иностранных языках о Польше — 33, на сербском, верхне- и нижнелужицком и других, относящихся к познанию Лужицы — 31, на сербском языке — 360, на сербском языке, но латинскими буквами, и хорватских книг — 119, на хорутанско-словенском — 9, на разных языках по славяноведению — 187 томов. Список подписан 31 июля 1843 г. В списке 1849 г. два раздела. Первый озаглавлен «А. Список книгам представляемым мною вместо не оказавшихся по реестру и погибших с ящиком в Вене». В нем находится 145 томов, при каждом томе указано взамен какого номера по списку 1843 г. он предоставляется. Второй раздел, озаглавленный «Список книгам приносимым мною сверх каталога», содержит на чешском языке 14 первопечатных томов, XVII в. — 8, XVIII и XIX вв. — 72, на иностранных языках по чешской истории, литературе и т. п. — 22, на польском языке — 12, на иностранных языках по польской истории, литературе и т. п. — 2, на серболужицком языке — 2, на сербском — 19, на болгарском — 3, на хорутано-словенском — 2, на иностранных языках 10 томов, всего 165 томов. Список подписан 25 мая 1849 г. Таким образом по этим спискам всего числится 2171 том. Ныне в Библиотеке Бодянского МГУ 2349 томов. Разницу можно отнести за счет встречающихся дублетов, явно не принадлежавших Бодянскому. Не исключена также возможность, что некоторые книги из погибшей библиотеки Бодянского позднее также оказались в МГУ и попали в это собрание.

Бодянский писал: «Странствуя по заграничным славянским землям слишком 30 лет тому назад, я успел составить по своему предмету такое собрание сочинений на славянских и иностранных наречиях, подобное которому, с уверенностью могу сказать, едва ли есть у кого из нынешних наших и заграничных славянистов, а из учреждений разве один только Чешский Музей в Праге и отчасти Венская Публичная библиотека могут поспорить с оным» [3, с. 27]. Привезенные Бодянским книги поступили в фонд библиотеки университета. Сначала Славянская библиотека Бодянского сохранялась целиком, но потом книги были рассредоточены по всему фонду. Отделу редких книг только недавно удалось вновь собрать ее и ныне она насчитывает 2349 томов и занимает 44 полки. Даже внешний вид библиотеки много говорит о собирателе и его задачах. Бодянский не гнался за дорогими или редкими изданиями — в его собрании очень немного книг, являвшихся в его время раритетами. Внешний вид книг весьма скромн, многие в бумажных обложках, часть книг получили переплеты уже в университете. Бумага чаще всего весьма неважная. Можно предположить, что Бодянский ввиду стесненных материальных обстоятельств вынужден был покупать книги недорого. Возможно, при достаточных средствах он, вероятно, приобрел бы в дополнение больше редких книг, но основной костяк коллекции безусловно остался бы тем же. Славянские земли, находившиеся в тот исторический момент в состоянии бесправия и угнетения, переживали блестящий, несмотря на это, период общественного и духовного подъема, известный как славянское национальное возрождение. Близкий к кружку Станкевича восторженно настроенный Бодянский ставил своей целью обретение «живого и плодотворного знания славянщины» [4, с. 8], как писал он Погодину в начале своего путешествия. История, язык, литература славянских стран объединялись Бодянским в понятие «славянщина». Дать представление о каждой славянской стране, о ее настоящем и прошлом, о ее жизни, интересах, чаяниях, духовном мире, о ее языке, о людях, которые творят ее национальную историю в настоящий момент — эту задачу должна была выполнить упорно и бережно подбираемая библиотека.

Значительная часть книг имеет владельческие надписи Бодянского. Он имел обыкновение ставить на книге свою подпись «I. Бодянский», т. е. Иосиф Бодянский, как именовал он себя в начале своей научной карьеры, или «O. Бодянский» — после путешествия он уже известен как Осип Максимович. Кроме подписи, на книгах мы находим дату и место приобретения книги, а также пометку, от кого книга получена. (Хотя далеко не все книги имеют надписи и не все надписанные содержат все данные.) На некоторых книгах мы обнаруживаем печать Ганки. Таких книг в коллекции

МГУ мы насчитали около 50). На ряде книг мы находим также пом етки вероятно обозначавшие цену книги.

Историк, этнограф, литературовед и лингвист, Бодянский и студентов своих хотел подготовить славистами широкого профиля. Этой цели служила и библиотека. А ныне для историка культуры эпохи славянского национального возрождения собрание Бодянского — неопенимый и до сих пор должным образом не оцененный источник. Конечно, мы не найдем или почти не найдем здесь книг по социально-экономическим вопросам — эту тематику ученый не разрабатывал, как впрочем не разрабатывали ее и славянские будители, зеркалом интересов которых и являлась библиотека. Журнальная часть ее очень незначительна, газет мы не обнаружили вовсе. Библиотека Бодянского ценна подбором книг, главным образом произведений славянских будителей.

Мы находим в ней прежде всего научные труды корифеев славистики первой половины XIX в. — Й. Добровского, Й. Юнгманна, П. Й. Шафарика, Е. С. Бандтке и многих других. Собрание Бодянского дает представление о типичных направлениях интересов славянских будителей, о предпочитаемых ими жанрах. Прежде всего здесь нужно отметить труды по отечественной истории. Мы находим у Бодянского три тома Истории Чехии Ф. Палацкогo, только начинавшей тогда выходить по-немецки, работы И. Лелевеля, первые труды Д. Зубрицкого, Историю Черногории С. Милутиновича и многие другие труды и популярные работы по страноведению. Отметим, что Бодянский собирал не только книги на славянских языках, но и издания будителей по-немецки. (На других западных языках и латыни книг встречается весьма немного.) Нельзя забывать, что государственный язык и язык школы в империи Габсбургов был в то же время и языком науки. Недаром отец славистики Добровский писал почти все свои труды по-немецки.

В условиях потери собственной государственности и жестокого национального гнета публикация источников, памятников национальной мысли и культуры приобретала острое патриотическое и национально-освободительное звучание. Особенно это заметно в Чехии — протестантская книга эпохи расцвета чешской культуры XVI — начала XVII вв. беспощадно уничтожалась в эпоху контрреформации, а многие произведения так и не увидели света, сохранялись на протяжении «эпохи тьмы» в рукописи и были напечатаны только в первой половине XIX в. будителями-энтузиастами. В библиотеке Бодянского мы находим и ряд произведений Я. А. Коменского, среди которых «Искусство проповеди», изданное впервые по рукописи в 1823 г., и биографию одного из руководителей общины чешских братьев XVI в. Яна Аугусты, написанную также в XVI в. знаменитым Яном Благославом и впервые увидевшую свет в 1837 г. В предисловии издатель Ф. Шумавский дает краткую историю общины, так как многим не известно, «кто были эти братья и что представляла собой их община» [7]. Бодянский охотно включал в свое собрание и первые издания эпохи национального возрождения — книги конца XVIII в., уже тогда становившиеся редкими. Мы находим здесь первоиздания трудов Досифея Обрадовича, Йована Раича, раннее семитомное издание труда П. Странского, осуществленное в Праге на немецком языке в 1792—1803 гг., и многое другое. Конец XVIII в. представлен у Бодянского достаточно полно, в то время как XVII — первая половина XVIII в., видимо, меньше интересовали ученого — книги хотя и попадают, но носят весьма случайный характер. Книг XVI в. почти нет.

Проблема языка была для будителей острейшей проблемой и неудивительно, что Бодянский бережно подбирает грамматики, учебники, словари разных славянских языков, знание которых он считал необходимым для слависта. Недаром в письме к Погодину от 9 (21) мая 1840 г. он отмечает: «... я теперь владею семью славянскими языками, на которых объясняюсь как на своем родном» [4, с. 106], а став профессором, вводит обучение славянским языкам как важнейший элемент подготовки студента.

Параллельно с учебной литературой он подбирает и литературу полемическую, стремясь дать объективную картину споров и разногласий

по языковым проблемам, показать перепетии борьбы славянских народов за родной язык. Так мы находим «Защиту чешского языка» К. В. И. Тама, вышедшую в 1783 г. — одну из многих «защит» — работу типичную для того времени, когда в правах чешского языка как языка литературного сомневались даже энтузиасты. Интересен и трактат о свойствах польского языка, написанный с точки зрения музыканта учителем Шопена профессором Юзефом Эльснером. Включил Бодянский в свою коллекцию и несколько работ Вука Караджича — сербский словарь 1818 г., а также Дополнение к санктпетербургскому словарю 1822 г., где впервые гениальный сербский лингвист говорит о языке болгарском как отдельном славянском языке. Находим мы и работы ярого оппонента Караджича Й. Хаджича-Светича. В библиотеке Бодянского находит отражение и начало споров о судьбах словацкого языка. Отметим один том словаря Антона Бернолака — первого ученого, сделавшего попытку кодифицировать словацкий язык. Попытка эта, как известно, не имела большого будущего, но бернолаковщину использовал ряд талантливых словацких писателей, в их числе Ян Голый, поэмы которого «Сватоплук» и «Кирилломефодиада», а также стихи находим мы в собрании Бодянского. Оппонентами бернолаковцев, отстаивавшими единство чешского и словацкого литературного языка (так называемой библичности) были П. Й. Шафарик и особенно певец славянской взаимности Ян Коллар. Сторонники бернолаковщины и библичности пытались сотрудничать в рамках Общества любителей словацкого языка и литературы, организованного в 1834 г., куда входил и Коллар, бывший одно время его председателем. Основателем и секретарем общества был приверженец бернолаковщины словацкий будитель и патриот Мартин Гамуляк. Общество издавало альманах «Зора», на страницах которого публиковались стихи и проза и на чешском языке и на бернолаковщине без единого правописания. Четыре выпуска «Зоры» 1835—1839 годов находим мы в собрании Бодянского. К этой же проблеме относится книжка чешского будителя Ф. К. Кампелика «Чехослован». В предисловии, озаглавленном «Слово к чехославянам», автор пишет: «Нам, чехам, моравянам, силезцам и словакам необходимо иметь единый литературный язык не только ради просвещения, но и ради самой жизни» [8] — типичная для эпохи подмена проблемы национального сближения проблемой языка. Решение языкового вопроса в Словакии, осуществленное Штуром, наступило позже, после приезда Бодянского в Россию. Из работ штуровцев мы находим лишь «Путешествие словака к славянским братьям в Моравии и в Чехии» И. М. Гурбана, вышедшее в 1841 г. Имеется также интересная брошюра о славянском институте при евангелическом лицее в Братиславе — отчет за 1837/38 год [9].

Брошюры, листовки — весь тот материал, которого выходит так много и так мало остается, нашел свое достойное место у собирателя-ученого. Среди них — целая подборка, показывающая ту тяжкую борьбу, которую вели славянские будители земель, входивших в состав Венгерского королевства, против жестокой мадьяризации, развернутой с начала 30-х годов. Среди других мы находим, например, анонимную брошюру на немецком языке, вышедшую в 1834 г. «Какими средствами наиболее надежно можно распространить венгерский язык среди жителей Венгрии? Мышей ловят на сало» [10] и как бы ответ на нее — тоже брошюру на немецком языке, подписанную псевдонимом «Д. Х. — Домолуб Хорватович» — «Должны ли мы стать мадьярами» [11]. Ее Бодянский получил в Пеште весной 1839 г. от Мартина Гамуляка. Тогда же Бодянский получил от Коллара (в начале 1839 г.) его брошюру «Как мы можем и должны расширить нашу евангелическо-словацкую церковь?» Это была юбилейная проповедь лютеранского пастора в годовщину основания словацкого храма в Пеште. Но в условиях, когда венгерские националисты прямо угрожали Коллару физической расправой, подобное издание тоже становилось политической брошюрой.

Весьма интересны и польские брошюры. Такова вышедшая в год польского восстания брошюра о барщине Яна Людвика Жуковского, ряд брошюр Великой эмиграции, в том числе несколько брошюр Демокра-

тического общества, выпущенных в Пуатье и др. Небольшая по объему, собранная Бодянским частично во время путешествия, а частично дополненная по приезде в Москву, блестящая коллекция польской патриотической книги дает разностороннее представление о книжной продукции рассматриваемого периода. Мы находим здесь и издания произведений Мицкевича и Словацкого и труды Немцевича и биографию Костюшки и 35 томов «Театра Варшавского». Разнообразна и география этих изданий. Наряду с Варшавой, Львовом и Краковом, (находившимися тогда в пределах разных государств), мы находим польские книги и брошюры, изданные в Вильно, Познани, Пуатье, Брюсселе, Париже и др. Эмигрантские издания, донные представляющие интерес для историка, попали в руки русского читателя очень скоро после выхода в свет, хотя официальные власти отнюдь не одобряли подобного интереса в условиях недавно подавленного восстания. Самое наличие польской коллекции и ее подбор — еще одна черта Бодянского-собиранья.

Календари и альманахи также представляют важную страницу продукции будителей. В альманахах публиковались исторические труды, этнографические материалы, художественные произведения. Небольшой формат, удобный переплет, приятное полиграфическое оформление и изящные гравюры делали эти издания желанными для широкого читателя. В качестве примера можно привести «Даницу» Караджича, «Забавник» Давидовича, пражские альманахи «Весна», «Милина», «Крок» Зиглера, «Властимил» (издателем его с 1841 г. был И. К. Тыл) и др. Еще более важным было издание календарей, «месяцесловов», находивших широкого читателя и в городе и в деревне. Среди календарей любопытным явлением представляется календарь Гибла на 1817 год, изданный в Праге под названием: «Новый толерантный посол для католиков и евангеликов или народный календарь для Чехии и Моравии». Здесь мы наблюдаем известное явление — отсутствие религиозной нетерпимости между будителями разных исповеданий, равно как и между католическим и лютеранским населением. Это же подтверждают и книги религиозного содержания, находящиеся в коллекции Бодянского. Их немного. Но поставив своей задачей в дальнейшем читать лекции о людях, их нравах, образе жизни, языке и т. п., Бодянский должен был неизбежно включить их в свою коллекцию. Богослужбных книг мы не находим — перед нами лишь литература для широкого читателя, отображающая его вкусы и потребности. Это и католический небольшого формата канционал с хорошими гравюрами, сделанными с оригиналов Фюриха, полученный от Шафарика (как известно, сам Шафарик был лютеранином), и «Постные проповеди» И. Странского, изящно изданные крупным издателем-патриотом Поспишилом, и подборка высказываний протестантских деятелей и авторитетов, вышедшая в Праге в 1837 г., и любопытная переводная брошюра «Что есть папа», вышедшая на сербском языке в Вене почти сразу после издания Толерантного патента в 1784 г., где доказывается неправомерность притязаний папы на верховную власть в церкви. Этот подбор книг свидетельствует о стремлении Бодянского дать объективную картину религиозных взглядов и потребностей тех людей, о которых он собирался читать свои лекции. Просматривая эти книги, прежде всего чешскую часть, можно убедиться, что несмотря на формальное равноправие в вопросах исповедания, протестантская литература носила весьма сдержанный характер, в то время как католическая вела политику активную, наступательную. Как противовес народному культу Яна Гуса в период контрреформации был выдвинут католический культ Яна Непомука. В 30-е годы XIX в. выходит ряд изданий, связанных с оживлением этого культа. Наиболее яркая из них — книжка В. Ф. Нейманна, вышедшая к столетию канонизации Яна Непомука в 1829 г.

Живой интерес к отечественному фольклору, прежде всего к народным песням — отличительная черта славянских будителей. И в коллекции Бодянского мы находим лучшие песенные собрания — сборники Караджича, Коллара, Челаковского, Краковские песни, сборник галицийских песен Жеготы Паули и др. Бодянскому удалось приобрести и сборник

серболужицких песен Смоляра и Гаупта, занимающий особое место в этой коллекции. Снабженный краткими историческими сведениями о лужицанах, а также иллюстрациями, труд этот, изданный параллельно на немецком и сербо-лужицком языках, давал представление об этом почти неизвестном славянском народе и был первой ласточкой серболужицкого национального возрождения.

Добротная библиотека, содержащая научную продукцию будителей, сама по себе могла бы составить гордость университета. Но Бодянский сделал несравненно больше — он включил в свое собрание лучшие образцы молодых славянских литератур, многочисленные переводы на славянские языки классических произведений мировой литературы, огромное количество пьес, оригинальных, переводных и переработок, учебники средней школы, руководства по отдельным разделам сельского хозяйства, педагогические и правоучительные книги, медицинскую литературу, а также огромное количество повестей, романов, рассказов, вплоть до сонников — все то, что составляло чтение чешского, польского, сербского широкого читателя. Произведения Мицкевича, Словацкого, Махи, Сабины, Станко Врза, пьесы И. С. Поповича, Тыла соседствуют с большим количеством переводных произведений, особенно ярко представленных в самом обширном — чешском — разделе коллекции. Гомер, Марк Аврелий, Гесиод, Саллюстий, Виргилий, Иосиф Флавий, Шекспир, Вольтер, Вальтер Скотт, Шиллер, Бернардин де Сент Пьер, Шатобриан, Вашингтон Ирвинг, Булгарин, Коцебу, Сильвио Пеллико, Жорж Занд («пани Дудефантова») — вот далеко не полный список тех авторов, произведения которых в переводе на чешский язык привез Бодянский. Огромное количество отдельных пьес и опер на чешском и польском языке, изданных малым форматом с одной гравюрой, изображающей наиболее патетическую сцену, часто в исполнении любимых актеров, имена которых подписаны под картинкой, еще раз показывает нам, как популярен был театр в ту пору, а народные сюжеты многих пьес говорят, на какого демократического зрителя были рассчитаны и сами постановки и дешевые издания пьес.

На материале коллекции можно проследить разностороннюю деятельность будителей. Так, Ф. Л. Челаковский предстает не только как поэт, собиратель и издатель песен, но и как переводчик бл. Августина и Гердера, как автор одноактной пьесы «Маринка» по Гете и даже как «корректор стиля» в «Журнале для католического духовенства» за 1839 г. Собрание Бодянского позволяет наблюдать деятельность не только будителей-интеллигентов, но и представителей славянской национальной буржуазии, прежде всего издателей и книгопродавцов, энтузиастов славянской книги. Яркое впечатление составляют многочисленные издания Яна Франтишка Поспишила, кралевоградского издателя-патриота, энтузиаста чешской популярной книги. Привлекает и внешний вид его недорогих изящных изданий. Интересно предстает и деятельность «Господара Константина Каулице книгопродавца новосадска», как помечено в книге Милошевича, изданной его изданием. Бодянский имел личные контакты с этим «знатным книгопродавцом новосадским» и приобрел у него множество книг. Еще большие приобретения сделал Бодянский всего за четыре дня с 1 по 4 января 1840 г. в Новом Саде у Георгия Кириаковича — только с надписями Бодянского мы находим более 80 весьма ценных сербских книг. На титульном листе «Буквицы» Досифея Обрадовича, изданной в 1830 г., мы находим упоминание, что она была сохранена «код господара Георгия Кириаковича купца новосадского и особито родолюбца». Книги Бодянского носят следы контактов ученого с «Матицей». Целый ряд книг, в том числе и «История» Магарашевича, получены от «Матицы сербской».

Русско-славянские связи представлены в коллекции Бодянского довольно слабо, слабее, чем позволяет книжная продукция того периода. Во всяком случае ясно, что Бодянский эту тему специально не разрабатывал. Мы находим, правда, и классическую «Московскую хронику» Гваньини, и «Эхо русских песен» Челаковского и пьесы из русской истории и т. п., но, пожалуй, наиболее ярким свидетельством русско-славянских

связей может служить именно сама библиотека Бодянского. Энергия и энтузиазм ученого безусловно были главной силой, позволившей нам иметь это удивительное книжное собрание, но без помощи славянских деятелей оно было бы едва ли таким полным и разносторонним. Надписи на книгах, свидетельствующие о том, от кого они получены или приобретены, позволяют в какой-то мере представить себе, как Бодянский комплектовал библиотеку. На первом месте мы должны поставить имя бескорыстного энтузиаста Шафарика, более всех помогавшего Бодянскому за границей. Несколько книг получил он от Коллара. Значительное собрание приобретено у Ганки — на книгах имеются его печати, а порой и печати Национального музея, библиотекарем которого был Ганка. Отдельные книги Бодянский получил от Гамуляка, Станковича, Милоша Поповича и многих других.

Коллекция Бодянского дает в руки современного исследователя-слависта ценнейший материал. Прежде всего, как мы видели, обращает на себя внимание разносторонность коллекции, ее обширность. (В особенности это касается самой большой ее части — чешской). Вся огромная литература, оригинальная и переводная, вышла на языке, которому менее полувека перед тем пророчили полное исчезновение. Облик книг, их стиль и тематика позволяют сделать вывод, что потребителем популярной патристической книги были прежде всего небогатые средние слои города. Наличие большого числа пьес еще раз подтверждает, насколько важную роль играл в жизни Чехии, Польши, Воеводины национальный театр. Сравнение с другими собраниями книг, относящихся к периоду национального возрождения славянских стран позволяет сказать, что у Бодянского представлены далеко не все чешские, словацкие, а тем более польские книги. И тем не менее мы должны отметить, что собрание дает широкое разностороннее представление о книжной продукции будителей и не имеет себе равных в наших библиотеках.

Нам остается ответить еще на один вопрос — все ли книги, привезенные Бодянским из-за границы, попали в библиотеку МГУ. Исследование фондов Государственной публичной исторической библиотеки, проведенное нами, заставляет ответить на этот вопрос отрицательно. Сплошной просмотр всех сербских книг библиотеки периода национального возрождения позволил нам выявить значительный комплекс весьма интересных сербских книг, брошюр и листовок, которые не относились к библиотеке МГУ и до сих пор выявлены не были. История их поступления в фонд библиотеки довольно сложная.

Бодянский умер 6 сентября 1877 г. В редкой книжке [12], вышедшей в 1912 г. всего в 99 экземплярах мы находим печальный рассказ о судьбах оставшейся после смерти Бодянского так называемой второй его библиотеки. Жена ученого, далекая от научных интересов мужа, решила продать оставшиеся после него книги. Прежде всего она предложила их Московскому университету. Университет оценил библиотеку в 12 000 руб. Сведения были даны в министерство, но началась волокита — на протяжении двух лет библиотека куплена не была. Наконец Марфа Никитична Бодянская решила продать библиотеку оптом за 3 000 руб. «без шкафов». Покупателем оказался А. А. Астапов, имевший книжную лавочку у Троицы в Полях (на нынешней площади Дзержинского). Оптом купленная, библиотека была распродана в розницу по книге. В своих воспоминаниях Астапов рассказывает все перипетии покупки книг Бодянского. Не имея свободных денег, букинист занял крупную сумму, чтобы расплатиться с М. Н. Бодянской. И едва он стал обладателем книг, как явился Павел Васильевич Щапов и, рассказывает Астапов, «как ястреб налетел на меня, спрашивая, можно ли отбирать» [12, с. 46—47]. Тут же он дал крупный задаток, получив взамен право первому выбирать книги для своей коллекции. Сын богатого фабриканта и скромной учительницы, Щапов был библиофилом-энтузиастом. Последние 12 лет своей недолгой жизни он отдал фанатической страсти — собрать для будущих поколений такую библиотеку, которая включала бы все русские книги от Ивана Федорова до 60-х годов XIX в. (см. хранящуюся в Исторической библио-

теке рукописей) [13]. После ранней кончины Шапова (он умер в сорокалетнем возрасте в 1888 г.) библиотека его по духовному завещанию была передана в Исторический музей, а затем при организации Исторической библиотеки в 1938 г. вместе с другими книгами библиотеки Исторического музея волилась в ее фонды, где доньше сохранила свои очертания и насчитывает сейчас более 40 000 томов. На русских книгах попадаются иногда владельческие или дарственные надписи, показывающие принадлежность отдельных книг Бодянскому. Ни на одной из книг, напечатанных латинским шрифтом, подобных надписей мы не обнаружили, равно как и вообще не обнаружили книг по славянской тематике, которые могли бы принадлежать Бодянскому. Иностранные книги мало интересовали Шапова, их у него вообще весьма немного. Из огромной массы книг Бодянского, которых, по словам того же Астапова, «...количеством... было на семь ломовых возов» и «большая часть состояла из книг на славянских наречиях, на чешском и др. языках» [12, с. 48, 49], только книги на сербском языке привлекли внимание русского книголюбца, возможно, именно близостью тогдашнего сербского правописания правописанию русскому. В библиотеке Шапова мы обнаружили 204 названия сербских книг, брошюр и листовок по всей вероятности принадлежавших Бодянскому, на 99 из них имеются надписи, показывающие, что книги эти безусловно из библиотеки Бодянского. Сохраненные Шаповым сербские книги из погибшей библиотеки ученого позволяют нам полнее представить себе его как славу и книголюбца. Мы находим здесь семь томов собрания сочинений Досифея Обрадовича, осуществленного в Белграде в 30-е годы XIX в., несколько работ Вука Караджича — его собрание сербских пословиц, сербский букварь, биографии Милоша Обреновича и генерала Эмануэля, две брошюры И. Хаджича Светича против Вука Караджича, лингвистические труды Д. Даничича, стихотворные и прозаические работы С. Милутиновича, поэмы Петра Негоша, стихи Б. Радичевича, пьесы Й. Поповича и многие другие, а также брошюры и листовки, оды на прибытие знатных особ, погребальные вирши и даже рекламные листки. Собранные уже Шаповым, по его обыкновению, в конволюты, они дают яркую своеобразную картину общественной жизни Сербии, главным образом Воеводины, 30-х годов XIX в. Вся подборка — ценная коллекция сербской книги первой половины XIX в. в ее лучших образцах. Она не повторяет, а существенно дополняет собрание университета.

Из 99 названий, имеющих дарственные или владельческие надписи Бодянского, основная часть — приобретения, сделанные во время путешествия. Часть из них, хотя и небольшая — дублеты книг, отданных в Университет. Встречаются случаи, когда ученый отдавал в свою учебную библиотеку наиболее яркое произведение или ценное издание — так, например, он отдал первоиздания ряда трудов Обрадовича, оставив себе собрание сочинений — переиздание 30-х годов. Сербские брошюры имеются и в библиотеке МГУ, однако ученый, очевидно, боялся слишком загружать ими фонд, поэтому так много их находим мы в Исторической библиотеке. Просмотр изданий, привезенных Бодянским из путешествия и оставшихся в его личном владении, показывает нам, с какой тщательностью комплектовал он свою учебную Славянскую библиотеку.

По возвращении в Москву Бодянский продолжает поддерживать связи со славянскими будителями, продолжает интересоваться славянской книгой. Об этом говорят письма Шафарика к Бодянскому, в редком — Шафарик не упоминает о своих поисках книг для своего московского друга. Об этом же говорят и надписи на сербских книгах, полученных Бодянским после 1843 г. Таких изданий мы обнаружили 24. Ряд книг имеет автографы Шафарика, снабжавшего Бодянского, как мы видим, не только чешскими, но и вообще славянскими книгами. Несколько книг получил Бодянский от сербского журналиста Милоша Поповича, есть дарственные надписи на книгах от Е. Ненадовича, Платона Атанацковича и др. Особенно стоит небольшая подборка — 14 книг, которые Бодянский получил в разное время от С. Милутиновича. В отчете университету о своем путешествии Бодянский упоминает, что в числе других он познакомился с

Симой Милутиновичем, которого он называет «знаменитым поэтом» [5, с. 468]. О первой встрече с Милутиновичем — поэтом, участником освободительной борьбы сербов 1809—1813 и 1815 гг., учителем Петра Негоша — говорит несколько книг, полученных «от сочинителя» в конце 1838 г. Они сохранились в оранжево-красных муаровых переплетах, в таком виде полученные от автора-романтика. В одной из них — «Истории Сербии» — мы обнаружили две листовки Сербской Матицы, вероятно, заложенные туда самим Бодянским. В августе 1843 г. в Москве Милутинович дарит Бодянскому еще несколько книг, а в 1845 г. присылает свое «Троебратство» с дарственной надписью: «Г. Боѳанскому знаком почтения и спомена Симеон М. Сарайлие у Београду 7-а маја 1845 года» и далее приписка Бодянского: «Получ. 5-го марта 1846 Москва». Очевидно, Бодянский дорожил этими подарками, во всяком случае книг с автографами Милутиновича в университет он не передавал и они сохранялись в его личной библиотеке до смерти.

Историкам культуры, литературоведам, театроведам еще не раз, вероятно, придется обращаться к уникальному собранию книг Бодянского. Его библиотека — и учебная в МГУ и часть личной в Исторической библиотеке — живой памятник славяно-русских связей первой половины XIX в. Крупный ученый-славист и здесь оставил нам добротное наследие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сафонова Н. И. Личные библиотеки в собрании отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки им. А. М. Горького МГУ. — В кн.: Рукописная и печатная книга в фондах научной библиотеки Московского университета. М., 1972, с. 76.
2. Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910.
3. Кондрашов Н. А. Осип Максимович Бодянский. М., 1956, с. 27.
4. Письма к М. П. Погодину из славянских земель (1835—1861). Вып. 1. Письма О. М. Бодянского. М., 1879.
5. Русская старина, 1879, ноябрь.
6. Титов А. А. История первого перевода сочинения Флетчера. — В кн.: Флетчер. О государстве Русском, изд. 3. СПб., 1905, с. VII—XIV.
7. Blahoslav J. Život Jana Augusty staršího a spravec Jednoty bratrské v Čechach. Praha, 1837, s. VII.
8. Kampelik F. C. Čechoslovan čielí narodni jazyk v Čechach, na Morave a ve Slezku a Slovensku. Praha, 1842, s. III.
9. Zprava o Ustavu slovanském pri Evangelickém lyceum v Prešporku na rok 1837/8 vydána. V Prešporku 1839.
10. Durch welche Mittel lässt sich die Verbreitung der magyarischer Sprache unter den Einwohnern Ungarns am sichersten erzielen? Mit Späck fängt man Mäuse. Basel, 1834.
11. Sollen wir Magyaren werden? Sech Briefe geschrieben aus Pesth an einen Freund an der Theis von D. H. Karlstadt, 1833.
12. К 50-летию книгопродавческой деятельности А. А. Астапова. М., 1912.
13. Розанов И. Н. Как создавалась Государственная библиотека при историческом музее. М., 1937, с. 28—29.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

ДОСТЯН И. С. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. М., 1980, 328 с.

Рецензируемая монография д-ра ист. наук И. С. Достяна является как бы продолжением ее книги «Россия и балканский вопрос. Из истории русско-балканских политических связей в первой трети XIX в.» (М., 1972). В этой работе освещалась политика русского правительства в отношении балканских народов и международная обстановка в Юго-Восточной Европе в указанный период. В новом труде И. С. Достяна в центре внимания остался балканский вопрос, который однако на этот раз рассматривается в аспекте его значения для русского общества. Автор прослеживает отношение ряда русских общественно-политических деятелей, мыслителей и писателей, в том числе декабристов, к балканским проблемам, к национально-освободительному движению народов, находившихся под властью Османской империи, к задачам политики России в отношении этого многонационального государства. История развития общественных связей между Россией и балканскими народами на протяжении первой четверти XIX в., процесс расширения знаний и представлений в российской образованной среде об этих народах рассматриваются в аспекте значения и воздействия этого на русскую общественную мысль. Читатель убеждается, что такой ракурс изучения правомерен и плодотворен. Сербское национально-освободительное восстание 1804—1813 гг., затем греческая революция вызвали в России немалый общественный интерес. Привлекали внимание и такие события, как борьба черногорцев за свою государственную самостоятельность, упорное стремление греков-ионийцев сохранить жизнь своей полусамостоятельной республике, участие болгар, сербов, молдаван и валахов в войне с Турцией на стороне России и пр. В итоге обе работы И. С. Достяна дают многогранное в своем единстве, комплексное изображение как отношений правительства России и балканских стран, так и отношения русской общественной мысли к балканскому вопросу, взятому в широком плане.

Книга состоит из четырех самостоятельных, но связанных между собой тематически и хронологически очерков. Первый посвящен концу XVIII в. и периоду наполеоновских войн. Среди тех, чье внимание привлекали балканские проб-

лемы были деятели очень разные по своим убеждениям. В их числе и революционный мыслитель А. Н. Радищев, интерес которого к балканским делам возник под впечатлением русско-турецких войн. На материале литературного и эпистолярного наследия Радищева И. С. Достяна попыталась доказать, что он был противником экспансионистской политики Екатерины II в отношении Балкан, по вместе с тем являлся поборником национального освобождения греков и других балканских народов.

Впервые введена в научный оборот непубликованная часть трактата В. Ф. Малиновского «Рассуждение о мире и войне». Этот интересный мыслитель не впервые привлекает внимание советских ученых. Но статья И. С. Достяна «Европейская утопия Малиновского» («Вопросы истории» 1979, № 6) существенно расширяет представление об уровне и взглядах русских просветителей начала XIX в. Предметом особого внимания Малиновского являлись международные дела его времени, и здесь он выдвигал важную идею коренных социально-политических преобразований в Европе, ликвидации классового и имущественного неравенства, полного прекращения войн и установления на земле «вечного мира». Он говорил о праве каждого народа на государственное самоопределение, ему принадлежит и конкретное предложение о политической перестройке Европы на этой основе, о создании новых национальных государств и их объединении в федеративные союзы, в числе которых были федеративные объединения славянских народов и греков.

В сложной, изобиловавшей неожиданностями международной обстановке времени наполеоновских войн некоторые русские деятели рассматривали балканские народы как возможных союзников России в войнах против Турции или Франции. В этих условиях этническая и религиозная общность российских славян с балканскими народами приобретала значение сплачивающего фактора. Влияние внешнеполитической обстановки сильно сказалось на рассмотренных И. С. Достяна записках В. Н. Каразина, С. М. Броневского, на очень своеобразных трактатах А. Полева, которые впервые обнаружены в архивах автором. Все собранные материалы позволяют прийти

к важному выводу, что уже в первом десятилетии XIX в. в идеологической жизни России сильно выросла роль национальных проблем, что в русском национальном самосознании сложилось понимание принадлежности русского народа к славянской этнической группе. Это в некоторых случаях порождало идеи о политическом и культурном сближении славянских народов.

Второй очерк книги касается развития знаний и представлений о балканских народах в России в первой четверти XIX в. (материалы современной публицистики, разного рода статьи и заметки). Специально рассмотрена интересная статья А. М. Спиридова, брата декабриста, прогрессивно настроенного деятеля, попытавшегося впервые дать общую демографическую картину Балканского полуострова. В книге убедительно показано, что публицистика дает возможность осветить процесс развития русско-балканских общественных и идеологических контактов, особенности знаний и представлений о балканских народах.

«Балканский вопрос в мировоззрении декабристов» — так называется следующий очерк книги. В отличие от других сюжетов монографии тема эта не раз привлекала внимание исследователей-декабристоведов. Несмотря на это автору удалось использовать новые материалы, дать убедительную критику некоторых спорных представлений. Одним из требований декабристов в области внешней политики было оказание помощи грекам, обоснованное традиционными идеологическими доводами, экономическими и политическими интересами России. Слабые, противоречивые акции Александра I, связанные с Восточным кризисом, служили поводом для критики режима в целом, для осуждения реакционных принципов Священного союза. Но, как показано в книге, мнения в отношении курса политики в балканском вопросе расходились. Автор высказывает в связи с этим ряд интересных соображений. Так, некоторые дворянские революционеры, по мнению И. С. Достяна, полагали, что предстоящая война с Османской империей может создать благоприятные условия для революционного переворота в России. П. В. Пестель, проявлявший большую заинтересованность в успехе балканских повстанцев, вместе с кем-то из этеристов обдумывал конкретный план политического переустройства Юго-Восточной Европы. М. Ф. Орлов, знавший о предстоящем выступлении этеристов под предводительством А. Ипсиланти, полагал, что военная помощь балканским народам в целях освобождения их от султанской власти будет благоприятствовать освобождению России от оков самодержавия. Вместе с тем предположение С. С. Лавды о существовании договоренности между Орловым и Ипсиланти относительно одновременных и совместных действий достаточно убедительно опровергается.

Движение дворянских революционеров

в России и национально-освободительные восстания на Балканах различались по условиям, в которых они развивались, по общественным силам, в них участвовавшим, и по их задачам. Но сходными были средства борьбы — ее революционные методы. Это, по заключению И. С. Достяна, привлекло внимание декабристов и близких к ним деятелей к ходу восстания этеристов, что обнаруживает, например, интересное рукописное сочинение «Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии 1821 г.», которое было составлено при участии декабриста И. Г. Бурцова. При рассмотрении, казалось бы, хорошо изученной декабристской проблематики И. С. Достяна сумела предложить собственное решение ряда вопросов.

В значительной мере благодаря греческой национально-освободительной революции филэллинские тенденции в русской общественной мысли, основанные на давних культурно-религиозных традициях не только усилились, но и видоизменились, получив революционное и демократическое звучание. Вместе с тем дальнейшее развитие нашли идеи политического единения славянских народов, ярко выраженные в убеждениях Общества соединенных славян. Его план создания федеративного государственного объединения славянских народов имел сходство с предложениями, выдвигавшимися еще во время наполеоновских войн, хотя преемственной связи здесь не было. Как показывает И. С. Достяна, идеи единения славянских народов возникали спонтанно, в результате осознания этнической общности, что иногда наводило на мысль о возможности сплочения сил для осуществления каких-либо важных задач, требующих общих усилий.

Обильный материал, собранный в книге, подводит читателя к выводу, что уже в первой четверти XIX в. в русской общественной мысли начали складываться предпосылки для зарождения таких течений, как славянофильство и панславизм. В идеологических явлениях, свидетельствующих об этом, значительное место занимали проблемы, касавшиеся южнославянских и всех балканских народов, связанных с Россией этническим и языковым сходством, общими культурно-историческими традициями. К сожалению, эти выводы не сформулированы автором достаточно четко, ибо в книге отсутствует даже самое краткое заключение. Это делает работу недостаточно целостной. Некоторые из разысканных в архиве материалов лишь названы, но не анализированы. Их особенности и научное значение остаются для читателя неясными.

Нет сомнения в том, что рецензируемая книга является серьезным вкладом в изучение роли балканского вопроса в развитии русской общественной мысли и общественных связей России с балканскими народами.

Станиславская А. М.

Новый межвузовский сборник, тематика которого — социально-политическая история балканских стран, продолжает хорошо начатую предыдущим сборником (1978) традицию комплексного изучения истории этих стран.

Сборник открывается статьей М. С. Мейера (Москва) «Роль вакфов в развитии городов Османской империи в XV—XVI вв.». В роли владельцев вакфов чаще всего выступали мечети, медресе, странноприимные дома, дервишские обители. В состав вакфной собственности в черте города, как правило, входили лавки, бани, караван-сарай. Обособляя эти виды имущества и предоставляя им дополнительные льготы, султаны, тем самым, способствовали росту накоплений и активизировали городскую деятельность. Денежные излишки, создававшиеся в рамках вакфов, нередко непосредственно расходовались на городское строительство — на возведение новых лавок, крытых рынков, торговых рядов, на нужды водоснабжения и канализации. А поскольку поступления от вакфов составляли до 17% в общей сумме доходов империи (по данным на 20—30 гг. XVI в., табл. на с. 9), роль их оказалась значительной. Вакфы стимулировали другие виды деятельности, в частности ростовщическую. Религиозный статус оберегал заимодавца от посягательств государства, поэтому многие собственники обращали свои имущества в вакфы. В целом же вакфные учреждения стали, по мнению автора статьи, «важнейшим инструментом государственной политики, направленной на развитие городов» (с. 19). Некоторое время, до середины XVI в., вакфы оправдывали ожидания государства, но затем их деятельность начинает все более определяться социально-экономической ситуацией и вакфы постепенно высвобождаются из-под диктата государства.

Статья проф. А. Д. Новичева (Ленинград) «К истории народного восстания в Турции под руководством шейха Бедреддина Симави» задумана в историографическом плане. Автор рассматривает новейшие работы по истории народного восстания 1416 г., изучением которого занимались советские, немецкие и югославские исследователи.

Публикация С. К. Красавиной (Краснодар) «Византийский историк Дука о восстании Берклюдже Мустафы» дополняет тему восстания 1416 г. Она содержит отрывок из византийской хроники об этом восстании и краткую вступительную статью к отрывку. С. К. Красавина отмечает интерес Дуки к социальному составу восставших и даже его сочувствие к ним.

Статья свердловского исследователя В. А. Сметанина «Константинополь как центр славяно-византийского эпистолярного общения в первой половине XV в.» основана на изучении памятников письменных сношений. Это, в первую очередь, переписка между греками и чехами, свя-

занная с отправкой в Константинополь чешского священника Петра Платриса, через которого чешские чашники в середине XV в. хотели заручиться поддержкой константинопольской церкви. Статья В. А. Сметанина содержит также любопытную характеристику византийской столицы в XIV—XV вв. и список посланий, позволяющих обрисовать состояние сношений империи с Русью, Польшей, Сербией, Хорватией и Дубровницкой коммуной.

В статье М. М. Фрейденберга (Калинин) «Монастырь в структуре средневекового далматинского города» речь идет только об одном монастыре — св. Гризогона (Кршевана), в одном только городе — Задаре, но постоянные сопоставления, к которым прибегает автор, позволяют говорить о явлении не единичном, но типическом. Монастырь возникает в X в. и известное время существует за счет тех же источников доходов, что и весь город — рыболовства, солеварения. Автор приходит к выводу о том, что в далматинских городах один из монастырей становился как бы ведущим элементом коммунальной организации. «Не входя формально в ее состав, а лишь подкрепляя эту организацию „со стороны“, ... монастырь расширяет возможности городской коммуны за пределы обычных административных рамок» (с. 94).

Л. А. Шаферова (Красноярск) посвящает свою статью «Populus в управлении южнодалматинским городом» истории Котора XII—XIV вв. В ней рассматривается вопрос об участии которого «народа» (т. е. всей массы непривилегированных, не входящих в состав патрициата) в городской администрации. Как полагает Л. А. Шаферова, народное собрание как форма участия «пополанов» в управлении постепенно сходит на нет, особенно в связи с экономическим расцветом города в середине XIV в. (с. 114).

Теме городского самоуправления посвящена статья «Коллегиальные органы в системе самоуправления средневековых коммун Далмации (XIV — начало XV в.)» А. В. Чернышова (Калинин). Автор привлек к работе редко используемый источник — протоколы заседаний Большого совета Сплита, а также другие источники и пришел к выводу, что принятое в далматинских городах соотношение управляющих советов можно сравнить с опрокинутой пирамидой, ибо самые многочисленные по своему составу органы находятся на ее вершине.

В статье В. А. Заска (Калинин) «Балкано-скандинавские кровнородственные параллели» приводится сравнительная характеристика таких социальных ячеек как семья, большая семья и патронимия. Автор отмечает сходные черты в структуре родственных отношений населения обоих регионов: их построение по принципу концентрических кругов в соответствии со степенью близости родства, тесная связь коллектива ближайших

«сородичей с их наследственной землей, существование здесь и там патронимии и др. Это объясняется похожими географическими условиями, сходной производственной основой — большой ролью животноводства и консервацией некоторых форм социальной жизни, свойственной обоим регионам.

Т. Н. Никитин и Т. В. Ронская (Калинин) в статье «О подготовке католического духовенства для балканских стран в XVII—XVIII вв.» подвергли анализу ведомость из ватиканского архива, недавно опубликованную в Италии и содержащую сведения об учениках из Далмации, Албании, Молдавии, а также Петербурга, Армении и других местностей, зани-

мавшихся в католической коллегии г. Фермо в 1663—1746 гг.

Критико-библиографический раздел сборника содержит обзор «Трудов» Задарского научного центра (статьи по медиовистике) за двадцать лет его существования (Н. И. Бабанина, Калинин). И. Г. Воробьева (Калинин) рецензирует книгу югославского историка С. Грубишча по истории далматинского города Шибеника (1974) и выпущенный музеем Шибеника том мемориального издания (1976), посвященного 900-летию первого документального упоминания города.

Полевой Л. Л.

ДЮРИШИН Д. *Теория сравнительного изучения литературы*. М., 1979, 319 с.

Рецензируемая книга Диониза Дюришина (перевод со словацкого И. А. Богдановой) знаменует значительное достижение марксистской мысли в области сравнительного литературоведения, или литературной компаративистики (этот термин автор предпочитает всем другим, см. с. 283—284, и в оригинале монография, лишь несколько видоизмененная в русском переводе, называется «Теория литературной компаративистики»).

Чтобы по достоинству оценить вклад Д. Дюришина в разработку проблем сравнительного литературоведения, равно как и отметить просчеты и его построения, необходимо учесть особую позицию исследователя. Все вопросы рассматриваются Д. Дюришиным почти исключительно с позиции воспринимающих литератур — тех, которые еще недавно переживали полосу отставания, а ныне, вовлекаемые в мировой литературный процесс, переживают период интенсивного развития связей с наиболее развитыми литературами, создавая равновеликие художественные ценности и не без основания претендуя на признание своего вклада в сокровищницу общечеловеческой культуры. Перед лицом этого факта старая компаративистская «теория влияний», с характерным для нее упором на одностороннее изучение воздействий развитых литератур на остальные, обнаружила свою несостоятельность и неоправданный европоцентризм. В настоящее время на таком подъеме находится не одна словацкая, а многие национальные литературы мира, в том числе и ряд советских — в этом секрет большой популярности концепции Д. Дюришина, ее идеологической злободневности и научной оригинальности, но вместе с тем и некоторой односторонности, о чем мы скажем ниже.

В центре внимания словацкого ученого — специальные вопросы методики и методологии сравнительного изучения литератур. С целью их разработки он и пытается обобщить в стройной системе понятий все те знания, которые накопило в данной области литературоведение

Советского Союза, Чехословакии, других социалистических стран, а также западная компаративистика. В меньшей степени опирается Д. Дюришин на представителей дооктябрьской науки, за исключением Александра Веселовского, которому, кстати, дана здесь весьма любопытная и глубокая оценка. Отсылая читателя к содержательному предисловию Ю. В. Богданова, предпосланному этой книге, остановимся лишь на некоторых важнейших ее положениях.

Предметом сравнительного изучения литератур, по Дюришину, является процесс их развития, «который осуществляется через совокупность взаимообусловленных национально-литературных и межлитературных связей и схождения и в котором находит выражение поступательное движение мировой литературы» (с. 66—67). При этом главная цель литературной компаративистики заключается «в установлении типологической и генетической сущности литературного явления (произведения, направления, процесса и т. п.) в рамках национальной и в конечном счете в масштабе мировой литературы» (с. 68). Понятие мировой литературы, согласно Дюришину, — категория исторически подвижная, обозначающая определенную систему литературных явлений, которые, будучи связаны контактно-генетически и типологически, образуют известное структурное единство (с. 94) и которые поэтому требуют для своего познания адекватного структурно-систематического подхода. Мировая литература служит, таким образом, исходной посылкой теоретических построений Д. Дюришина и их конечная цель — выявить пути вхождения отдельной литературы в мировую и соотношения специфически национальных и общих закономерностей литературного процесса.

Литературные отношения, подлежащие сравнительному изучению, ученый делит на контактно-генетические связи (прямые и опосредованные, которые называются иногда контактными или ге-

нетическими) и типологические схождения (литературные параллели, аналогии, подобию). В живом литературном процессе те и другие переплетаются, часто сливаются и обуславливают друг друга: типологические схождения стимулируют установление контактов, контакты углубляют и закрепляют сходство путей литературного развития и т. д. Но теоретически, а по возможности и фактически, их — в целях познания закономерностей — следует строго различать.

Контакты, по Дюришину, бывают внешними и внутренними. К первым относятся явления, непосредственно не проявляющиеся в литературном творчестве: сообщения, критические заметки и пр., в том числе и переводы, поскольку они не сказываются на произведениях воспринимающей литературы; ко вторым — элементы, проявляющиеся в художественной практике, включая и творчески стимулирующие переводы. (Мне, правда, это распределение переводов по внешним и внутренним контактам литературной связи представляется скорее метафорическим, чем теоретическим: при таком критерии и все слабые произведения оригинальной литературы придется отнести к ее поверхностному слою.) Изучение внешних контактов необходимо, считает Дюришин, для раскрытия внутренней связи литературных явлений, их родства и т. д.

Хотя конкретные разновидности контактов неисчерпаемы, однако для воспринимающей литературы они имеют разное значение, оказываются более или менее действенными, стимулирующими развитие аналогичных процессов или, наоборот, вызывающими расхождение. По этой их функции словацкий ученый классифицирует различные формы рецепции на существенные и побочные (частные), активные и пассивные, интегрирующие (усиливающие схождение) и дифференцирующие и т. п.

В области типологических схождений Д. Дюришин предлагает разграничивать три разновидности: общественно-типологические, литературно-типологические и психологическо-типологические схождения. Обычно они сливаются, проявляясь одновременно, но, так сказать, под преимущественным знаком одного из детерминирующих факторов — либо общественного, либо литературного (параллельного решения одинаковых художественных задач), либо, наконец, психологического (близости творческих натур, сходного настроения и т. п.).

Касаясь споров о периодизации литературных связей, ученый приходит к заключению, что с точки зрения воспринимающей литературы нельзя говорить о какой-то особой, самостоятельной периодизации. Между тем в процессе межлитературного общения, т. е. в усвоении инонациональных достижений, их творческой переработке, обогащении новыми национально своеобразными чертами и в их распространении, решающая роль принадлежит воспринимающей литературе. Активная избирательность воспринимающей литературы, усваивающей из чужого опыта только необходимое для

самостоятельного внутреннего развития и тем самым детерминирующей литературные контакты, для Д. Дюришина является основным и почти единственным аспектом исследования каузальных отношений. В этом и заключается та односторонность, о которой говорилось выше. Она-то, по-моему, и помешала автору четко отделить научное содержание традиционной компаративистской терминологии от ее спекулятивного применения приверженцами современного европоцентризма, толкнув на путь не всегда оправданной вербальной революции.

В книге Д. Дюришина читатель найдет и характеристику современного состояния литературной компаративистики и развернутую, большей частью вполне справедливую критику старой «теории влияния». Недоразумениями чревато, однако, демонстративное стремление исследователя избегать слов «влияние» и «зависимость». Несостоятельность прежней, позитивистской «теории влияния» еще не отменяет ни самого факта влияния, ни существования различных зависимостей. Д. Дюришин, конечно, это понимает. Но в пылу борьбы с реакционными тенденциями европоцентризма, он предлагает изъять из научного обихода термин «влияние» — эту обобщающую категорию — «как нежелательный пережиток» (с. 143).

Не бесспорным представляется и определение предмета компаративистики. Д. Дюришин включает в сферу сравнительного литературоведения не только межнациональные литературные отношения, но и отношения внутри отдельных литератур на том основании, что и те и другие образуют единую цепь связей и схождений, в которой только и раскрываются вполне закономерности литературного процесса — национального и мирового. Последнее, конечно, верно. Однако фактом остается то, что, если бы не национальные различия культуры и — не в последнюю очередь — языковые барьеры, отделяющие литературы одних народов от других, сравнительное литературоведение не возникло бы, как не возникло бы и сравнительное языковедение. Стало быть, сама история обозначила границы предмета компаративистики, и теоретик обязан их придерживаться.

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что эта концепция Д. Дюришина для него в какой-то мере является уже пройденным этапом теоретического исканий, отчасти уже скорректированных в его позднейших трудах и, в частности, в его последней монографии «О литературных отношениях. Стиль, жанр, перевод» (1976). Но и в том виде, в каком она воплотилась в рецензируемом труде пытливого словацкого исследователя, эта концепция знаменует значительный вклад в марксистскую науку о литературе, и надо полагать, что «Теория сравнительного изучения литературы» Д. Дюришина, переведенная на несколько европейских языков, а теперь вышедшая и на русском, будет долго еще будоражить исследовательскую мысль многих ученых разных стран.

Горский И.

ПЕРВЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД ПО БОЛГАРИСТИКЕ

25 мая — 3 июня 1981 г. в Софии состоялся Первый Международный съезд по болгаристике, организованный Болгарской академией наук. Съезд проходил под патронажем Председателя Госсовета НРБ, Генерального секретаря ЦК БКП Т. Живкова. Подготовкой съезда занимался его Оргкомитет во главе с президентом БАН акад. А. Балевским, а практическую работу по его организации и проведению вело оперативное бюро под руководством ученого секретаря БАН проф. Кр. Шаровой.

Съезд состоялся в годовщину 1300-летия создания Болгарского государства, широко отмечаемую в Болгарии, и рассматривался его организаторами как одно из важнейших мероприятий, посвященных этой годовщине. Организации и проведению съезда с широким привлечением значительного числа иностранных ученых-болгаристов придавалось в Болгарии большое не только научное, но и общественно-политическое значение.

В работе съезда приняли участие свыше 900 ученых из 43 стран, представленных следующим числом участников¹: Болгария — 412, СССР — 85, Польша — 48, Чехословакия — 36, ГДР — 42, Венгрия — 19, Румыния и Куба — по 5, Вьетнам и Монголия — по 3, США — 47, ФРГ — 31, Италия — 22, Греция — 21, Франция и Индия — по 15, Турция, Швеция и Япония — по 9, Кипр — 8, Норвегия и Сирия — по 7, Бельгия и Канада — по 5, Голландия и Испания — по 4, Аргентина, Дания, Западный Берлин, Марокко и Португалия — по 3, Бангладеш, Новая Зеландия и Швейцария — по 2, Венесуэла, Гапа, Колумбия, Кувейт, Ливан, Мексика, Нигерия — по 1.

Делегация советских ученых, которую возглавлял директор Института славяноведения и балканистики АН СССР, чл.-корр. АН СССР, иностранный член БАН Д. Ф. Марков, была наиболее представительной среди всех зарубежных делегаций как по общему числу участников, так и по их научной квалификации. В ее составе были действительные члены АН СССР М. П. Ким, Д. С. Лихачев, Л. А. Нароч-

ницкий, чл.-корр. АН СССР М. Т. Иовчук, Д. Ф. Марков, З. В. Удальцова, действ. чл. АН Арм.ССР Ц. П. Агаян, около 40 докторов и около 20 кандидатов наук — историки, литературоведы, лингвисты, фольклористы, этнографы, археологи, философы, искусствоведы, работающие в разных институтах АН СССР, академий наук Азербайджана, Армении, Белоруссии, Молдавии и Украины, Московского, Ленинградского, Донецкого, Кубанского и других университетов и научных учреждений нашей страны. Самой многочисленной была группа сотрудников Института славяноведения и балканистики АН СССР (18 чел.).

Открытие съезда состоялось 25 мая в зале «Болгария». Его открыл вступительным словом председатель Оргкомитета акад. А. Балевский. На первом пленарном заседании с большой приветственной речью к участникам съезда выступил Т. Живков. На открытии и закрытии съезда (31 мая) присутствовали и другие видные государственные и политические деятели Болгарии.

На пленарные заседания съезда были вынесены следующие доклады: акад. Д. Косев (НРБ) — «Болгарии 1300 лет», акад. В. Георгиев (НРБ) — «Генезис болгарского народа и происхождение болгарского языка», акад. П. Зарев (НРБ) — «Крупнейшие достижения нашей новой и новейшей литературы», акад. Д. С. Лихачев (СССР) — «Передовой оборонительный рубеж духа болгарского государства», акад. П. Диников (НРБ) — «Болгарская культура и ее взаимодействие с мировой культурой», проф. Фр. Славский (Польша) — «Основные тенденции в развитии болгарского языка», акад. Д. Ангелов (НРБ) — «Гуманизм болгарской средневековой культуры», проф. Р. Ленчек (США) — «Корни истории культуры славян», чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков — «Болгаристика как комплекс научных дисциплин».

Основная часть работы съезда проходила в аудиториях Софийского университета в семи секциях: 1) «Болгарское государство в веках» (с подсекциями «Средневековое болгарское государство», «Болгарское государство в эпоху капитализма», «Болгария в международных отношениях после 1878 г.» и «Социалистическая Болгария»); 2) «Историческое развитие болгарского языка» (с подсекциями «Историческое развитие болгарского языка»,

¹ Здесь и ниже сведения о числе участников и докладов даются по данным «Информационного бюллетеня» (вып. 1—5), издававшегося во время работы съезда его Прессцентром.

«Современный болгарский язык», «Сравнительное языкознание», «Диалектология» и «Перевод»); 3) «Болгарская литература и мировой литературный процесс» (с подсекциями «История болгарской литературы», «Современная болгарская литература» и «Болгарская литература в европейском и мировом контексте»); 4) «Социальные и революционные движения в Болгарии и их место в мировом революционном процессе» (с подсекциями «Национально-освободительные движения в XV—XIX вв.» и «Рабочее, коммунистическое и крестьянское движение»); 5) «Болгарская культура и ее взаимодействие с мировой культурой» (с подсекциями «Культура средневековой Болгарии», «Культура Возрождения», «Этнография и фольклор», «Болгарская культура в 1878—1944 гг.» и «Современная болгарская культура»); 6) «История и современное состояние болгаристики»; 7) «Развитие науки и образования в Болгарии». В рамках съезда было проведено также четыре симпозиума: «Славяне и протоболгары», «Кирилло-мефодиевистика и староболгаристика», «Болгарский распев» и «Теоретический вклад БКП в теорию и практику социалистической революции и построения социалистического общества». Состоялись также заседания за тремя круглыми столами на темы: «Богомилство», «Книжно-литературная деятельность болгар за пределами Болгарии с XIV в. до наших дней» и «Болгария в XVII в. и политика европейских государств».

В рамках такой программы на съезде обсуждалась разнообразная проблематика, начиная от проблем древнейшей истории Болгарии и кончая частными вопросами грамматической системы современного болгарского языка или вопросом о развитии болгарского кино в последние годы. Всего на съезде было прочитано 790 докладов. Советские ученые выступили с 74 докладами на всех секциях по разным

проблемам истории, литературоведения, языкознания, фольклористики, искусствоведения, философии и др. На съезде были поставлены и обсуждены многие важные и актуальные проблемы болгарской истории, литературы, языка, искусства и других областей культуры. Съезд, в работе которого приняли участие крупнейшие болгаристы мира, внес заметный вклад в развитие не только болгаристики, но и славистики и балканистики. Он был хорошо организован, прошел успешно и несомненно достиг тех целей, которые перед ним ставились.

Организаторы съезда приложили много усилий и средств для плодотворной работы участников, которым была предложена и разнообразная культурная программа, в том числе однодневные и, по окончании работы съезда, трехдневные экскурсии по Болгарии. Для участников съезда были даны два приема: 25 мая — президентом БАН акад. А. Балевским, 31 мая — Председателем Госсовета НРБ, Генеральным секретарем ЦК БКП Т. Живковым. Работа съезда широко освещалась болгарской печатью, радио и телевидением.

Члены советской делегации были приняты президентом БАН акад. А. Балевским, имели деловые встречи с руководителями ряда научных учреждений БАН, на которых были обсуждены вопросы дальнейшего научного сотрудничества советских и болгарских ученых. Состоялось также очередное заседание советско-болгарской комиссии историков, на котором был обсужден и утвержден план работы комиссии на 1981—1985 гг.

30 мая президент БАН акад. А. Балевский вручил почетные медали Марии Дринова, присуждаемые БАН, советским ученым, иностранным членам БАН С. Б. Бернштейну, М. Т. Иовчуку, Д. С. Лихачеву и Д. Ф. Маркову.

Венедиктов Г.

CONTENTS

<i>Vinogradov V. N.</i> The Eastern Question and the English-Russian Relations in the 30-ies of the XIXth Century. <i>Pirimkulov Sh. D.</i> About the Political-Educational Work of the Union of Polish Patriots in the USSR in the Middle Asia Republics and Kazakhstan. <i>Hot'kova E. S.</i> From the History of the Struggle for the Ideological and Organization Unity of the Czechoslovak Youth Mouvement (1939—1945). <i>Romanenko S. A.</i> The Forming of the World Outlook and the Political Activities of A. & S. Radich Brothers (1887—1900). <i>Floria B. N.</i> Russian Mission to Istanbul in 1613 and Rzecz Pospolita. <i>Bylinin V. K.</i> Towards the Problem of the Poetics of Slavonic Baroque. «Vertograd Mnogotsvetnyi» by Simeon of Polotsk. <i>Cherlinka G.</i> The Petersburg Period of Anthony Oleszczyński Creative Work (from the History of the Polish-Russian Art Links in the First Half of the XIXth Century). <i>Volotskaya Z. M.</i> Some Observation on the Structure of Slavonic Riddles (on the Material of Bulgarian and Polish Riddles). <i>Rimsha V.</i> Baltic and Paleo-Balkan Correspondances to Some River Names of the Right-Bank Ukraina	3
--	---

PEOPLE, EVENTS, FACTS

<i>Pashaieva N. M.</i> The Slavonic Library of O. M. Boliansky.	94
---	----

REVIEWS AND REVIEW-ARTICLES

<i>Stanislawskaia A. M.</i> И. С. Достян. Русская общественная мысль и балканские народы. От Радищева до декабристов. <i>Polevoi L. L.</i> Общество и государство на Балканах в средние века. Межвузовский тематический сборник. <i>Gorsky I. D.</i> Дюришин. Теория сравнительного изучения литературы.	104
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Venediktov G.</i> The First International Congress of Bulgarian Studies.	109
---	-----

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах, хорошо обработанных литературно, в готовом для печати виде, подписанные автором. И текст, и ссылки обязательно должны быть напечатаны на машинке с одной стороны листа через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, домашний адрес, служебный и домашний телефоны.

2. Автору посылается копия отредактированного экземпляра статьи, которую он подписывает в печать. Правка в верстке не допускается.

3. Объем статей не должен превышать 30 стр., рецензий — 5—7 стр.

4. Все цитаты и ссылки в статье должны быть тщательно выверены по первоисточникам. Ссылки помещаются внизу страницы, нумерация ссылок сплошная по всей статье.

5. Классики марксизма-ленинизма цитируются по последнему изданию.

6. Иллюстрации принимаются только в пригодном для воспроизведения виде (фото — контрастное на белой гляцевой бумаге, рисунки — тушью) в двух экземплярах. На обороте каждой иллюстрации должны быть указаны (мягким простым карандашом) фамилия автора и номер иллюстрации. Подписи под рисунками должны быть напечатаны на машинке на отдельной странице в двух экземплярах.

7. Ссылки на литературные источники должны быть оформлены в соответствии с правилами ГОСТ.

Технический редактор *Е. В. Синицина*

Сдано в набор 12.10.81	Подписано к печати 06.01.82	Т-03203	Формат бумаги 70×108 ¹ / ₄
Высокая печать	Усл. печ. л. 9,8	Усл. кр.-отг. 11,6 тыс.	Уч.-изд. л. 11,4
	Тираж 1147 экз.	Зак. 916	Бум. л. 3,5

Издательство «Наука». 103717, ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука». 121099, Москва, Шубинский пер., 10

Цена 1 руб. 20 коп.

Индекс 70891